

ФИЛОСОФСКИЙ
ФАКУЛЬТЕТ
МГУ ИМЕНИ
М.В. ЛОМОНОСОВА

teach-in
ЛЕКЦИИ УЧЕНЫХ МГУ

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ. ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

КРЖЕВОВ
ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ

ФИЛСФАК МГУ

КОНСПЕКТ ПОДГОТОВЛЕН
СТУДЕНТАМИ, НЕ ПРОХОДИЛ
ПРОФ. РЕДАКТУРУ И МОЖЕТ
СОДЕРЖАТЬ ОШИБКИ.
СЛЕДИТЕ ЗА ОБНОВЛЕНИЯМИ
НА [VK.COM/TEACHINMSU](https://vk.com/teachinmsu).

ЕСЛИ ВЫ ОБНАРУЖИЛИ
ОШИБКИ ИЛИ ОПЕЧАТКИ,
ТО СООБЩИТЕ ОБ ЭТОМ,
НАПИСАВ СООБЩЕСТВУ
[VK.COM/TEACHINMSU](https://vk.com/teachinmsu).

БЛАГОДАРИМ ЗА ПОДГОТОВКУ КОНСПЕКТА
СТУДЕНТКУ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ
ТУМАНОВУ ДАРЬЮ ПЕТРОВНУ

Оглавление

Лекция 1. Почему и как действуют люди и что такое человеческое мышление? 5	
Категории "потребности", "интерес" и их связь с "мотивацией"	5
Проблема человеческой свободы.....	12
Почему человек - это существо общественное?	14
Лекция 2. История поисков ответа на вопрос: что такое общество?	22
Опорные положения для анализа общества теоретической социологией	22
Логические ходы истории социальной мысли как история поисков ответа на вопрос: что такое человеческое общество?	25
Системный анализ как основная методология изучения общества.....	31
Лекция 3. Общество как организационная форма совместной деятельности людей	37
Понятие "класс" и место классов в общественной жизни людей	37
Собственность и власть как общественные отношения	42
Исторические особенности проявления института собственности.....	45
Лекция 4. Фундаментальные принципы и закономерности социальной организации.....	50
Необходимые характеристики процесса и структуры социальной организации.....	50
Формы иерархической социальной организации	52
Что лежит в истоке системы социального неравенства и почему она воспроизводится на протяжении тысячелетий?	59
Лекция 5. Проблема специфики социально-исторического знания	66
Философская методология структурно-функционального анализа	66
Социально-философские концепции об источниках и механизмах социальных изменений.....	71
Экономический детерминизм.....	75
Лекция 6. Ключевые вопросы философско-исторического знания.....	84
История осмысления проблемы соотношения необходимости исторических событий и свободы человека.....	84
Связь законосообразности исторического процесса и конечной цели	87
Пути реализации необходимости в деятельности человека.....	91
Структурообразующие принципы формирования устойчивых социальных систем... 93	
Лекция 7. Проблемы типологии истории.....	97
Основные положения неокантианства в сфере социально-исторического знания.....	97
Основания классовой дифференциации в марксизме	101
Способ производства как базовая характеристика формационного подхода к типологии истории	105

Лекция 8. Проблемы типологии истории. Часть 2	112
Положения социально-философской концепции К. Маркса.....	112
Полемика об истоках социальной стратификации.....	117
Классовая борьба как следствие конфликта интересов	121
Теория общественно-экономических формаций.....	126
Лекция 9. Возможности применения марксистской концепции к анализу событий XX века	130
Опыт построения социализма в отдельно взятой стране.....	130
Социально-экономические последствия гиперцентрализации управления в СССР .	134
Кризисное развитие СССР в послевоенный период	139
Лекция 10. Цивилизационная парадигма в исторической типологии.....	144
Типология истории Освальда Шпенглера.....	144
Цивилизационная концепция Арнольда Тойнби.....	151
Лекция 11. Этнические измерения истории.....	157
Подходы в понимании сущности этнических явлений.....	157
Характеристики этнических общностей	160
Социальные предпосылки и механизмы этногенеза.....	164
Лекция 12. Историософия XX столетия.....	169
Глобальные проблемы современности.....	169
Информационно направленные процессы человеческой деятельности	172
Основания для решения глобальных проблем человечества	177

Лекция 1. Почему и как действуют люди и что такое человеческое мышление?

Категории "потребности", "интерес" и их связь с "мотивацией"

Данная лекция будет посвящена следующим темам:

- **Почему и как действуют люди?**
- Вторая тема всецело будет связана с особенностями регуляции и информационного обеспечения человеческих действий. В классической философии это вопрос о том, **что такое человеческое мышление?**

Ответ на второй вопрос связан с тем, что мышление мы прежде всего рассматриваем в том плане, что оно является информационной программой человеческих действий, информационным программированием.

Основные категории:

Первое основное понятие, с которым необходимо очень точно разобраться - это понятие "**потребности**". **Общее формальное определение:** потребности есть свойство человека нуждаться в необходимых условиях своего существования. Само по себе это определение (как это часто бывает с определениями) не очень понятно, поэтому требуется некий более широкий контекст.

Органическая жизнь и человеческая деятельность - это особые формы того класса процессов, которые мы определяем, как самоподдерживающиеся или самосохраняемые, то есть речь идет о том, что какие-то базовые характеристики процесса, прежде всего, его структурные формы, возобновляются в процессе взаимодействия с окружающей средой. Носителями этого свойства являются биологические организмы и человеческие существа и, конечно, начинать нужно с фундаментального сходства между теми и другими. Чтобы не было недоразумений и спекуляций на тему редукции социального к биологическому, необходимо отметить, что более чем существенное сходство не исключает, а наоборот - предполагает качественное различие между человеком и просто живыми организмами, даже если речь идет о живых организмах очень высокого уровня организации. То есть **потребности**, если мы соотносим их с категорией самоподдержания, самосохранения - это те самые **условия или факторы, которые обеспечивают возможность осуществления самоподдержания**, решение этой главной задачи, реализация этой главной цели.

Ключевая характеристика потребности - это необходимость, "то, без чего нельзя", то условие, тот фактор, отсутствие которого разрушает процесс. Это очень важная характеристика и она позволяет нам решить важную задачу (которая в литературе, посвященной этой проблематике, решается не очень удачно и не очень последовательно). Имеется в виду проблему соотношения потребностей и влечения, желания или стремления человека. Необходимо точно понимать, что потребность не тождественна желанию, а желание не тождественно потребности. Почему это важно?

Потому что в литературе (в том числе и в литературе, которая связана с психологией поведения человека) существует стремление именовать влечение потребностями. Классический пример - один из самых замечательных в этом плане авторов, интересный и глубокий исследователь **Казимеж Обуховский**, автор работы **"Галактика потребностей. Психология влечений человека"**, книга переведена на русский язык и рекомендуется к прочтению. Читая работу К. Обуховского, часто можно увидеть, что влечения человека, которые ближайшим образом управляют человеческим поведением, именуется потребностями. Это очень серьезная ошибка, так как одно из значений и смыслов термина **"необходимость"** - это неподвластность человеческому произволу. Человек - это существо, которое не способно игнорировать или нарушать необходимость. Необходимость - это то, что ни в коем случае не подлежит произвольному игнорированию. Знаменита мысль римского философа, представителя стоиков **Эпиктета**, который говорил, что философское мышление начинается с осознания бессилия человека перед необходимостью. Потом эта мысль в разных вариациях повторялась на протяжении тысячелетий, в частности, **Артур Шопенгауэр** считал это положение одним из ключевых аргументов в системе своей философии.

Потребности - это то, что подлежит необходимому удовлетворению. Дальше начинается спорный вопрос, который вызывает много дискуссий, и здесь я занимаю позицию, достаточно сильно отличающуюся от позиции многих авторов. Она заключается в том, что никаких специфически человеческих потребностей нет, своеобразие человека заключается не в том, что у него есть какие-то потребности, отличные от потребностей других живых организмов. Отсюда вытекает моя типология потребностей, которая в отличие от типологии **Абрахама Маслоу** не разделена на бытийные и дефицентные. Удовлетворение первых отвечает за сохранение факта жизни, удовлетворение вторых обеспечивает качество жизни. Такое противопоставление не вполне корректно, факт и качество трудно отделить друг от друга, потому что всякий факт дан в своей определенной качественной характеристике.

Какие условия должны выполняться для того, чтобы сам процесс жизнедеятельности организма или человека продолжался? Поскольку никакие законы физики ни в органическом, ни в социальном процесс не нарушаются, то эти процессы называются негэнтропийными, то есть такими, когда имеет место поддержание организации за счет снижения уровня организации в окружающей среде. Взаимодействие организма и среды - это **негэнтропийный процесс**. Если выразить это утверждение более предметно, то речь идет о том, что живому существу необходимы какие-то вещества, которые будут поддерживать его существование, прежде всего, энергия, которая необходима для совершения активных действий, для поведения. **Первая потребность - это потребность в веществе и энергии.** Какие именно вещества необходимы - зависит уже от строения конкретного организма или вида.

Адаптивное поведение - это способность к опережающим реакциям на воздействие окружающей среды. Опережающим в том смысле, что они предотвращают разрушение живой структуры. Это означает, что всякое такого рода поведение имеет

характер информационно направленного поведения. Здесь подключается категория **"информация"**, которая в принципе отсутствует во взаимодействиях физических объектов и процессов. Необходимо отметить, что эта точка зрения тоже оспаривается, в литературе есть заявленная, отчетливая позиция расширительного трактования понятия **"информация"**, когда информационно направленным является всяческое реагирование. Это утверждение не вполне верно, потому что мы утрачиваем специфику информационно направленных взаимодействий.

Информация - это поток сигналов, управляющих поведением. Понятие **"Черный ящик"** используется в кибернетике - это система, устроенная определенным образом, которая получает некие воздействия из внешней среды. Сообразно своей структуре данная система отрабатывает внешнее воздействие - импульсы внешней среды, на выходе - сохраняющее поведение.

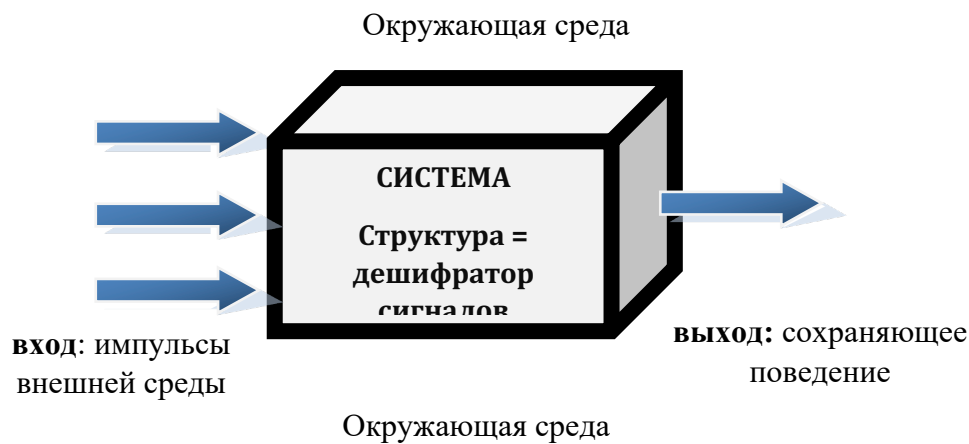

Рис. 1.1. Устройство системы "Черный ящик"

Энергетический импульс становится информацией благодаря тому значению, которое он приобретает в процессе приспособительной реакции. Дешифратором входящих сигналов является сама структура организма, который устроен таким образом, что определенное воздействие имеет для него определенное значение: либо это сигнал о каких-то позитивных возможностях, сохранении жизни, либо сигнал о какой-то угрозе. В таких случаях происходит то, что называется **"параметризация информации"**, то есть из всего потока вычленяется значимое для данного вида. Иллюстрирующие примеры хорошо известны: люди и многие другие приматы ориентируются в основном при помощи зрения (примерно 90% чувственной информации), летучие мыши или дельфины имеют другие сенсоры, решающим для них является звук. Так как звук в воде распространяется лучше, чем свет, поэтому это более значимый источник информации (сонары дельфина работают примерно так же, как оптические органы людей).

Принцип работы "Черного ящика" един, но для человека специфично то, что для него дешифратором входящих сигналов служит не только организм, его сенсорная система, аппарат обработки данных и поведенческого реагирования. У человека возникает связанная с мышлением надстроечная структура - это способность человека

кодировать поступающую информацию в специфической форме, которая именуется **речевым или понятийным мышлением**. Мы реагируем на воздействия, поступающие из вне, не только благодаря нашей специфической психофизической организации, но и благодаря тем структурам речевого мышления, которые человеку не врождены. Эти структуры формируются в нашей нервной ткани в процессе речевого общения, то есть люди в буквальном смысле слова научаются говорить, правильнее будет сказать - научаются мыслить при помощи операций с вербальными структурами. Это соображение означает, что свойство быть человеком не врождено никому из нас. Для того, чтобы стать человеком, необходимо пройти процесс окультурации. Как писал **Ф. Энгельс**: "Производство людей людьми - это не только биологический акт", прежде всего, это процесс очеловечивания, процесс обретения свойства "быть человеком". Для этого чистой органики, сложной психофизической организации нервной системы и очень сложного мозга недостаточно. Мозг можно запрограммировать, и только при этом условии мозг становится человеческим мозгом, наше мышление становится чем-то таким, что радикально и качественно отличается от животных.

Как же быть с потребностями, в чем своеобразие человека? Свообразие человека не в том, что у него есть какие-то особые потребности, а в том, что он их особым образом удовлетворяет (не так, как их удовлетворяют животные). Удовлетворение потребностей или поддержание жизни любых живых организмов (от простейших до самых сложных) происходит благодаря метаболизму, питательные вещества усваиваются, шлаки отбрасываются, происходит процесс энергетического насыщения, это прямой контакт с природой. У человека все то же самое, но этот процесс **опосредован его производительной деятельностью, его трудом**. Это тезис **К. Маркса**, который был сформулирован впервые в немецкой идеологии в 40-х годах XIX века. Это была революция философской и социально-философской мысли, потому что так никто никогда о человеке не думал. Очень близкие к этому тезису догадки отдельного порядка были и у Платона, и у Аристотеля, и у очень многих предшественников Маркса, но в такой точной формуле, когда Маркс пишет, что человек начинает отличать себя от животных тогда, когда он начинает производить средства жизни - это заслуга именно немецкого мыслителя. Качество **"быть человеком"** не есть некая статическая данность, это качество подлежит постоянному воспроизводству, самоподдержанию (как один из моментов жизни человека). Маркс писал: **"Производя необходимые для себя средства жизни, человек производит себя как человека"**. Это стартовое принципиальное отличие, отправное положение социальной философии, которое исходит из понимания человека не просто как "мыслящего существа" (альфа и омега всех философских концепций: человек – это, прежде всего то, что способно мыслить), а как существа, у которого мышление вплетено в процесс предметно-практической деятельности (как его информационная программа). И это существенное отличие от иных форм и способов постановки данной проблемы.

Возвращаясь к вопросу "Почему действуют люди?", наряду с понятием "потребность" необходимо подключить ещё одну очень важную категорию **"интерес"**. Интересов нет ни у каких живых существ, они есть только у людей - это специфически

человеческая категория. **Интерес** - это свойство человека нуждаться в необходимых средствах удовлетворения потребностей. В обоих случаях (и в случае потребностей, и в случае интереса) отношение человека с потребностями и с интересом - это отношения объективной необходимости, но здесь необходимы уточнения. Возвращаясь к различиям между социально-философским и психологическим исследованием человека, нужно помнить, что интерес для психологов - это нечто принципиально иное, это интенция человеческого внимания, направленность (нам интересна какая-то книга, фильм, и мы сосредотачиваем на них своё внимание), **интерес для социального философа** - это **детерминанта человеческих действий**, то есть то, что определенным образом определяет человеческие поступки.

Это очень важная проблематика, поскольку именно **интересы определяют специфику человека**. В отличие от потребностей, которые в своем содержании инвариантны (потребность в веществе и энергии, в безопасности, в информации, поддержании рода, в продолжении жизни), интересы в своих характеристиках инвариативны, они меняются, потому что меняются способы и средства поддержания жизни. Соответственно, меняются и интересы как отношение к этим способам и средствам. **Интересы - вещь исторически изменчивая**, хотя эта изменчивость имеет разную степень пластичности: есть интересы постоянные, есть интересы, которые меняются вместе со средствами удовлетворения потребностей. У нас есть потребность в информации, но ни в коем случае нет потребности ни в телефоне, ни в компьютере. Самый характерный пример - это то, что у человека нет и быть не может потребности в деньгах, потому что деньги – это, строго говоря, информационный ресурс, деньги - это носители информации. Люди при определенных условиях получают объективный интерес в деньгах, объективный в том смысле, что никакими проклятиями, заклинаниями и увещаниями от этой заинтересованности избавить человека невозможно, она дана вместе с условиями его социальной жизни. Когда общество построено на товарно-денежном обмене, без денег обойтись нельзя, их можно боготворить или проклинать, но придется их использовать. По своему произволу деньги отменить нельзя, никакие революционные устремления к их отмене не приведут, а они бывали в истории и не раз, деньги издревле считались проклятием человечества. На Тробрианских островах, описанных в этнографической литературе, существует **обычай "Круга кула"** - это система обмена символическими подарками, которые переходят из рук в руки. Никакого практического смысла этот обмен не имеет, потому что, получив подарок, его необходимо тут же передарить, его нельзя использовать. Это символическая акция, которая обеспечивает солидарность в круге людей, связанных такого рода дарообменом. Было бы грубой ошибкой считать такие символические подарки денежными средствами, хотя весьма почтенные этнографы именно так и пытались это интерпретировать. Например, антрополог **Бронислав Малиновский**, который открыл и описал этот феномен. Этот обмен является символическим актом, но совершенно иного порядка, деньги тоже символы, но очень важно понимать символы чего. **Деньги** - символы стоимости, знаки стоимости, а подарки "Круга кула" - это знаки принадлежности.

Очень важная проблема - это проблема связи потребностей, интересов и мотивации.

Рис. 1.2. Связь потребностей, интересов и мотивации

Совершенно понятно, что если мы называем потребности и интересы детерминантами человеческих поступков, человеческих действий, то мотивы каким-то образом должны этим потребностям соответствовать. Иначе не будет решена главная задача адаптивного поведения или поведения направленного самоподдержания. Но особенности информационного моделирования или информационного программирования человеческой деятельности таковы, что взаимно однозначной, прямой связи между потребностями, интересами и мотивами нет. Мотивация человека в высшей степени автономна (без учета случаев патологии). Вопреки тому, что стало едва ли не классикой в социальном анализе, люди далеко не всегда способны осознавать свои интересы. Парадокс заключается в том, что люди могут вдохновляться какими-то своими представлениями, например, о социальной справедливости. В обществе, где существует имущественное неравенство, можно с уверенностью утверждать, что наверняка будет присутствовать некий моральный протест, моральное осуждение - "это нехорошо, это несправедливо". Соответственно, возникает реакция, воплощенная в Шарикова М.А. Булгакова - "Отнять-поделить!", которая якобы соответствует интересам обездоленных. Получается с точностью до наоборот, потому что решить задачу преодоления имущественного неравенства таким образом невозможно. В итоге формируется то, что описано в книге "Скотный двор" Джорджа Оруэлла: "Все животные равны, но некоторые животные равнее других". Это происходит с неизбежностью и не зависит от человеческого произвола, испорченности человеческой природы и т.д., поскольку работают объективные законы социальной организации.

Человеческие представления, мотивы, то есть то, что вдохновляет человека вести себя определенным образом, далеко не всегда адекватны его объективным интересам. Каким образом тогда обеспечивается адаптивное поведение? Включается механизм отрицательной обратной связи. В кибернетике это очень важное понятие.

- **Позитивная обратная связь** возникает, когда входящий сигнал внутри усиливается и возвращается на вход. Таким образом работают все усилители воспроизводящей техники.
- **Отрицательная обратная связь** по очень точному определению - это коррекция на величину ошибки. Следуя некоей своей программе, преследуя некие свои цели, удовлетворяя некое свое желание, мы видим, что что-то не получается. Начинается анализ, мы выясняем, что наши действия неадекватны и не ведут к реализации цели, тогда мы вводим соответствующие коррективы. Перемещаясь по незнакомой местности и фиксируя, что заблудились, мы начинаем искать точку, где необходимо вернуться на правильный маршрут. Это величайшая способность и благо человека, одна из краеугольных характеристик нашей творческой способности. Как сказал А.С. Пушкин: "Опыт - сын ошибок трудных".

Ближайшим образом человеческие поступки и действия, даже долгосрочные воспроизводимые акты, вдохновляются и направляются мотивами человеческих действий. Необходимо всегда помнить, что в конечном счете неукоснительному удовлетворению подлежат и потребности, и интересы, только при выполнении этого базового условия осуществляется самоподдержание, процесс сохранения жизни. **Действия** - это реализация целевых установок, реализация информационной программы и, наконец, мы получаем результат. Важно помнить, что итогом всех человеческих усилий является сохранение жизни, промежуточными результатами (дерево целей - дерево результатов) является решение поставленных задач. Необходимо понимать, что не всякая правильно решенная задача способствует самоподдержанию, здесь включается очень важная компонента: всякий процесс человеческой деятельности и самоподдержания в обязательном порядке идет с затратой энергии - это ненарушимое условие. Тогда возникает очень важная характеристика наших действий - их **адаптивная ценность или ценность адаптации**. Она выражается в том, какого рода ресурсы мы должны потратить, чтобы решить поставленную задачу. Например, мы хотим перенести некий полезный груз, у нас есть сани (а дело происходит летом) и некий, не очень мощный источник энергии, скажем, "дохлая скотинка". Мы можем нагрузить сани, лупить лошадь до бесконечности, пока она наконец не повезет груз, но КПД этого действия будет очень низким, и мы проиграем любой конкурирующей организации или индивиду, которые найдут лучшие средства для решения той же самой задачи. Коэффициент адаптивности - это, прежде всего, характеристика адекватности информационных программ. Отсюда вытекает "**ключ**" к решению важнейшей человеческой проблемы или важнейшей проблемы философии, потому что высшей ценностью обладает **достоверная информация, достоверное знание**, которое позволяет решать задачи. В частности, достоверная информация, как промежуточная характеристика, избавляет нас от иллюзий, мы не ищем решений там, где их нет в принципе. Это очень большая ценность, приводящая к экономии ресурсов. Бесконечные разговоры (особенно популярные среди некоторых современных философов) о том, что истина - это пустая категория, что она устарела и является результатом неких наивных человеческих представлений о том, что люди способны

достоверно получать знания о мире, в котором они живут - представляются совершенно бессмысленными. Если бы этого не было, мы просто не смогли бы жить - это довольно очевидное соображение, которое оспорить никакими логическими и лингвистическими упражнениями невозможно. В этой связи мы выходим на проблему человеческой свободы

Проблема человеческой свободы

Коль скоро мы подчинены необходимости, которая воплощается в потребностях и интересах, то как быть со свободой, в чем она состоит? Если начинать от самых общих положений, то необходимо вспомнить, что очень долго почтенная и поныне сохраняемая философская традиция заключается в жестком противопоставлении: или свобода, или необходимость. Там, где есть необходимость, там нет и не может быть свободы, там, где есть свобода, нет и не может быть необходимости. Так мыслил **Спиноза**, который считал, что убеждение человека в том, что он - свободное существо, иллюзорно, в действительности всё совершается согласно необходимым законам, а люди ничем не отличаются от камня, который катится по склону. Если этот камень наделен сознанием, то он может вообразить себя свободно движущимся, но на самом деле он подчиняется необходимым законам.

Первым эту традицию нарушил **Ф. Гегель**, нанеся ей очень чувствительный удар, когда сформулировал положение: "**Свобода есть осознанная необходимость**". Долгое время считалось, что это положение исчерпывает решение. Главная заслуга Гегеля заключается в том, что была снята жесткая дизъюнкция, было уничтожено жесткое противопоставление "или/или", и свобода оказалась совместима с необходимостью по смыслу. Если вдуматься в то, что обозначает формула Гегеля, то можно сказать следующее: необходимость остается непреложной, а удел человека - только осознать, что необходимое есть необходимое, что ему бессмысленно пытаться как-то противостоять и противодействовать. По сути дела, эта формула ведет к фатализму: всё, что совершается - совершается с необходимостью, а ум человеческий позволяет (как и утверждал Спиноза) только осознать это обстоятельство. Можно вспомнить **Эпиктета**: "**Сознание человека бессильно перед необходимостью**". Разум нам дан для того, чтобы мы поняли, что необходимость есть необходимость.

Все эти философские соображения были теснейшим образом связаны с той картиной мира, которую рисовала классическая механика, неслучайно это направление мысли называлось "**механицизмом**". Лучшее воплощение этой позиции дает **П.-С. Лаплас**, концепция получила название "лапласовский детерминизма", он же "**детерминизм абсолютный**". Идея очень простая: поскольку беспричинных изменений не происходит, а связь между причиной и следствием всегда есть связь необходимая, то причина - это та, и только та, что порождает следствие (причем связь однозначная). Значит мир - это то, что сегодня называется "детерминированный автомат" - каждое предшествующее состояние однозначно определяет последующее, никакие изменения невозможны и свободе здесь места нет, она опять представляет из себя иллюзию. Переводя этот разговор в несколько иную плоскость - плоскость теоретико-познавательную, Лаплас сформулировал совершенно гениальную максиму:

"Случайность есть мера человеческого незнания". Мы не знаем причин, которые обусловили наблюдаемое нами следствие, наблюдаемое нами изменение, поэтому, не зная их, мы квалифицируем эти изменения как случайные. На самом деле ничего случайного нет, потому что все происходит с абсолютной необходимостью, а, соответственно, нет и свободы. Задача науки заключается в том, чтобы перевести знания о причинах на новый уровень, то есть открыть те причины, которые обуславливают следствие, тогда мы получим необходимую полноту знания.

Знаменитый "**Демон Лапласа**" - это абсолютный ум, который на траектории мирового движения знает все импульсы и все координаты, может вычислить состояние мира для любой точки вперед и назад с абсолютной точностью. Лапласа в этом убеждении подкрепляли, в частности, астрономические таблицы (по одной из своих научных специальностей ученый был астрономом), которые описывали движение небесных тел и позволяли вычислить положение любого из них вперед и назад по шкале времени с достаточно высокой точностью. Что стало достаточным, чтобы произвести обобщение до философского уровня: ничего случайного в мире нет, свобода - это иллюзия.

Для того, чтобы эти представления изменились, потребовалась революция в физике на рубеже XIX-XX веков, понадобилось открытие квантово-механических процессов и взаимодействий. Тогда выяснилось, что причинность сохраняется, но однозначного исхода при каком-то воздействии в квантовом мире не наблюдается - исходы вариативны. Неслучайно **Вернер Гейзенберг** именно в этой связи выдвинул совершенно фантастическую гипотезу, предположив, что у электрона имеется свободная воля, которая позволяет ему менять траекторию своего движения независимо от силовых воздействий, в которые он помещен. Гипотеза фантастическая, но нет ничего интересней фантастических гипотез, они очень хорошо работают, в частности, открывая возможности для опровержения (стоит вспомнить **Имре Лакатоса** и **Карла Поппера**). Нам это дает понимание, что свобода - это не просто осознанная необходимость, **свобода - это возможность менять ход и исход событий в пределах того набора возможностей, которые создает наличная ситуация.**

Если говорить применительно к человеческим поступкам, то **свобода человека - это свобода выбора способов удовлетворения потребностей, реализация задачи самоподдержания**, которая может иметь очень разный характер. Здесь есть свои ограничения, границы этого "**коридора возможностей**" совершенно точно есть.

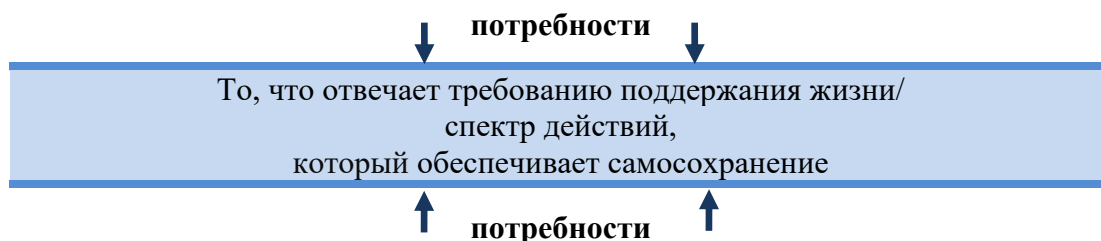

Рис. 1.3. "Коридор возможностей" человека

Границы "коридора возможностей" для человеческих действий, в определенных характеристиках места и времени, зависят от/и определяются технической и информационной вооруженностью человеческого труда (технологиями). **Технологии** - это всегда ответ на вопрос: знаю, как решить задачу. Это знание двоякого рода: знание отвлеченное - информационное моделирование, знание предметно-практическое - навыки делать нечто, что повлечет ожидаемые результаты. Люди решают задачу поддержания жизни в зависимости от того, какой техникой и какими знаниями об условиях существования и о способах взаимодействия со средой они располагают. И это позволяет нам охарактеризовать различные типы человеческой деятельности, которые характеризуются как различные меры и количества свободы. Современные люди обладают свободой гораздо большей, чем их далекие предки, потому что у нас больше знаний, техники и т.д. Что не означает, что мы свободны от всех проблем, потому что эти же знания и техника обуславливают масштабы нашего вмешательства в окружающую среду (и нарушение естественных спонтанных балансов, которые в ней существуют) и являются условием нашего существования. Две стороны одной медали: с одной стороны, мы обретаем большую свободу, с другой - техническая и информационная вооруженность, которая обуславливает мощь наших действий, наш потенциал, налагает очень жесткие ограничения.

Почему человек - это существо общественное?

Наряду с обсуждаемыми проблемами есть ещё одна группа вопросов, в которую входит существенный вопрос: **почему человек - это существо общественное?** Этот вопрос был явно и четко сформулирован на заре философии, этим занимался Платон и досократики, очень настойчиво им занимался Аристотель. Именно Аристотелю принадлежит робкая попытка ответа на этот вопрос: "Человек - это такое существо, которому присуща способность к общежительности". Человек обладает свойствами общежительности, это его естественная склонность, и он действует сообразно ей. Необходимо отметить, что в русле постановки такого рода задачи и такого типа ответов философия мыслила очень долго. Классический пример - это **А. Шопенгауэр**, многие современные философы также пытаются решать эту проблему в этой логике. Но это тавтология: люди живут в обществе, потому что они склонны жить в обществе (объяснение малоудовлетворительное). Эту задачу решал и К. Маркс, что тоже является колоссальным вкладом в развитие социальной мысли. Формула его решения следующая: "В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли и сознания независимые отношения". Эта независимость от воли и сознания - указание на то, что отношения имеют необходимый характер, что позволило целому ряду мыслителей (в основном это были философы советской эпохи) сформулировать определение этих отношений как отношений материальных, на том основании, что они первичны по отношению к сознанию и его определяют. Ознакомившись с этими схоластическими формулами, необходимо разобраться по существу.

Поддержание жизни людей предполагает определенный уровень удовлетворения потребностей и интересов, люди должны располагать определенным

фондом потребления (поскольку они существа, которые производят необходимые им средства к жизни), который обеспечивает возможность поддержания жизни при наличных условиях. Наполнение этого фонда напрямую зависит от естественных характеристик среды обитания, богатства ресурсами. Вторая и более важная характеристика - это техническая и информационная вооруженность туда, способность людей производить в необходимых объемах средства поддержания жизни. Существует некий минимум потребления, ниже которого люди спуститься никак не могут, соответственно, возникает постоянный интерес к повышению производительности и эффективности труда, насыщению фонда потребления. Иначе человек уходит из жизни. Один путь решения этой задачи - это повышение технико-информационной вооруженности труда, второй - это организация взаимодействия людей как субъектов производительной деятельности, кооперация в труде. Это и есть источник необходимых связей и зависимостей, очень существенный фактор повышения продуктивности человеческого труда. У людей возникает организационный интерес, люди заинтересованы в создании и поддержании устойчивой системы отношений, которая позволяет им успешно решать задачи самоподдержания. Поэтому люди живут в обществе, поэтому воспроизводится жизнь не отдельно взятых, изолированных индивидов, а воспроизводится жизнь членов коллектива.

Один из самых крупных русских философов и убежденный феноменолог **Густав Густавович Шпет** говорит: **"Реален не индивид, реален коллектив"**. Сравним эту мысль, которая была высказана в первом десятилетии XX века, с мыслью К. Маркса: **"Человек - это такое существо, которое только в обществе может обособляться"**. Все наши индивидуальные особенности и способности - не только наше личное достояние, они принадлежат не только нам и не только нашей психофизической организацией обусловлены. Люди обладают уникальным геномом, порождением тысячи случайностей, но сам фактор очеловечивания срабатывает решающим образом, и мы получаем свои личностные, глубоко интимные характеристики как некие производные той социокультурной среды, в которой мы проходим процесс первичной социализации. То есть **социокультурное в человеке играет роль гораздо более значимую, чем биологическое**, более того, высокопроцентно можно говорить о том, что органические качества человека формируются под воздействием социокультурной среды. Например, художественная гимнастика и балет формируют определенные телесные свойства людей - это результат тренировок с молодых ногтей, возможен ли балет вне и помимо общества как форма специфической деятельности? То же самое касается развития интеллекта, и в гораздо большей степени, потому что люди мыслят на базе той, закодированной в законах культуры информации, к которой они имеют доступ. Мы мыслим по-человечески, но всё-таки не так, как мыслили наши далекие предки. Довольно хорошо известны границы типов мышления Архаическое мышление первобытного человека - это мышление мифологическое, потом произошла революция, которая привела к совершенно иному типу мышления, иной логике, иным способам классификации и т.д. Это лучше всего описано у **Л. Леви-Брюля** в работе 30-ых годов XX века **"Сверхъестественное в первобытном мышлении"**, где автор показывает, что носители этого типа мышления мыслили и воспринимали мир совсем не так, как

люди, воспитанные в привычной нам системе логических координат. Эту же мысль очень хорошо иллюстрирует отечественный исследователь культуры **Сергей Сергеевич Аверинцев**, который, стараясь преодолеть распространенные стереотипы, написал в одной из своих работ: "Миф в своей действительности есть миф только первобытный и никакой иной". Всё, что используется сегодня под этим именем - это не мифология, а совершенно иные смыслы и содержания.

Специфика человеческого мышления - это, прежде всего, базовое отличие информационных процессов у человека и животных. Умение оперировать символическими программами, знаковыми системами - это то самое умение, которое позволило **Эрнсту Кассиреру** сформулировать знаменитое определение человека, ставшее едва ли не самым распространенным в XX веке: "**Человек - это символическое животное**". Способность оперировать символическими структурами - очень важная отличительная черта человека, которая присуща людям "вообще", человеку как родовому существу. Но дальше во внимание принимаются: характер формирования символических структур, принципы организации, мифологическое и логическое мышление и, соответственно, различные способы видения мира, мера рациональности. Эта тема очень дискуссионная, в книге "**Истина мифа**" **Курт Хюбнер** пытался доказать, что миф - это не собрание фантастических представлений, у этого способа миропонимания есть своя логика. Леви-Брюль с этим не спорит, но это всё-таки другая логика, другая система ориентации, построенная на совершенно иных принципах понимания связей. Одно важное обстоятельство подчеркивают многие исследователи: миф, как тип мышления, не знает различий между объектом и символом, для мифа это тождественные вещи, отсюда и магические операции. У человека возникает убеждение, что некие магические манипуляции с символами непосредственно повлекли за собой преобразования каких-то предметных структур магическим путем (без вмешательства человека, без предметного и непосредственного воздействия).

На протяжении тысячелетий, возвращаясь к античным истокам, общество мыслилось как результат добровольного согласия людей. Если сконцентрироваться на логике постановки задачи, то она совершенно четко обозначена у классиков XVII века, прежде всего, это знаменитый "**Левиафан**" **Томаса Гоббса**, когда не исторически, а логически различаются два состояния человека: состояние дообщественное и состояние, которое возникает на базе общественного договора. Это означает, что люди когда-то вели совершенно обособленный образ жизни, каждый индивид был сам по себе, связи, которые формировались между людьми, были связями личных соглашений. Кто-то с кем-то вступал в союз, в отношения дружбы и поддержки или враждовал, но это всегда были сугубо личные, индивидуальные решения. Гоббс понимал под естественным правом, что это не только человеческая характеристика - это, прежде всего, право любого живого существа делать то, что в его силах, то на что он способен для того, чтобы сохранить, защитить и поддержать свою жизнь. Это суждение здравого смысла, с которым довольно трудно спорить.

Для людей естественное право неизбежно оборачивалось состоянием "войны всех против всех", потому что никто не был ограничен учетом другого человека, каждый был за себя. В текущих ситуативных условиях возможно объединиться для того, чтобы получить превосходство, потом против возникшего сильного союза сформируется более сильный, и состояние войны всех против всех становится перманентным. Это положение вещей, поскольку человек был наделен разумом, в конце концов было осознано как неудовлетворительное. Люди взвесили выгоду разумного соглашения, которое состояло в том, что они отдают долю своей свободы (своего естественного права делать всё, что им необходимо, чтобы сохранить себя) в пользу объединяющего начала (верховной власти), которому люди тем самым обязаны подчиняться, а оно будет обеспечивать и гарантировать их существование. Это и является **общественным договором по Гоббсу**. Так возникает общество, дообщественное состояние сменяется состоянием общественного договора, который заключен на очень жестких условиях: абсолютное подчинение верховной власти, которая рассматривается как единственный гарант, более того, как единственный источник поддержания порядка в обществе. Потому и появилось метафорическое название книги "Левиафан", первое издание которой было покрыто бесконечным множеством человеческих портретов. Левиафан - это множество людей, соединенных в единое целое, это та власть, которая имеет абсолютный характер над каждым отдельно взятым человеком, он обязан ей подчиняться. Гоббс шел достаточно далеко, он считал, что носитель верховной власти - абсолютный суверен и его решениям необходимо подчиняться, потому что альтернативой является хаотизация общественных отношений. Гоббс был современником гражданской войны в Англии середины XVII века, наблюдал её впечатляющие ужасы и пришел к простой дилемме: либо хаос, либо власть. Если мы придаем термину "человеческая свобода" специфический социальный смысл, то при желании порядка необходимо отказаться от значительной части своей свободы. Эта позиция развилась со временем и получила наименование "этатизм" (от фр. *état* — государство). Государство - это сила, мощь, порядок, анархия - это угроза, зло. Неподчинение государству - это катастрофа, потому что следствием разрушения суверенной власти является хаотизация общественных отношений. Альтернатива хаос или свобода - ложная, потому что игнорируется очень важное соображение - возможность злоупотребления властью. Но она впечатляет, многие политические мыслители исходили из этой посылки. По Гоббсу суверен обязан поддерживать порядок так, чтобы сохранялись жизни всех участников социального порядка, но далеко не всякий носитель верховной власти следует этому правилу, в оправдание Гоббсу необходимо отметить, что он отдавал себе отчет в этой опасности. Его логика является классической для философии политики - необходимо выбирать меньшее из зол, лучше подчиниться власти, даже если она неадекватна, чревата злоупотреблениями, нежели рисковать социальным порядком. Для сторонников этой позиции русская формула "анархия - мать порядка" совершенно неприемлема, они считают, что или анархия, или порядок.

Уже ближайший приемник Гоббса - **Джон Локк** в своих трактатах об общественном правлении ему возражает и возражает достаточно основательно. Локк

говорит, что злоупотребление властью может точно также разрушать общество, как и анархические противодействия, поэтому необходимы системы, которые от этого предохраняли. Локк не случайно считается первым философом, легитимирующим то, что называется буржуазным порядком или буржуазным обществом. Он разработал **принцип разделения властей** как основной структурной гарантии против злоупотребления властью. Локку принадлежит тезис, согласно которому **частная собственность есть природное свойство человека**, то есть принцип частной собственности - это принцип ненарушимый, поскольку он обусловлен человеческой природой. Его авторства и проницательное выражение о том, что **в истоке частной собственности лежит человеческий труд, людям прежде всего принадлежит то, что они создали**, произвели. Эта традиция поддерживается на протяжении долгого времени. Тезис, что частная собственность есть собственность естественная по природе, что это не человеческое изобретение, не искусственный, сконструированный порядок, а нечто производное от человеческой природы - обычная аргументация, которая сохраняется в философии как минимум до XIX века. Всему этому противостоит К. Маркс, который разрушает традицию, говоря, что с начала человеческой истории дообщественного состояния никогда не было, оно в принципе невозможно. **Человек с самого начала - это существо общественное**, потому что люди в отличие от животных производят средства жизнеобеспечения и в этом производстве они связаны необходимыми зависимостями, которые имеют не случайный договорный характер, а необходимый. В истоке социального порядка лежит разделение и кооперация труда. Человек (по Марксу) находится в производительном взаимодействии с окружающей средой. Это производительное взаимодействие - не взаимодействие отдельно взятого индивида, а взаимодействие всегда организованной группы, которая кооперируется в труде, чтобы получить совокупный результат - жизнеобеспечение/самоподдержание коллектива. **Разделение труда** - это либо механическая кооперация, когда один и тот же труд исполняется многими соучастниками (коллективная охота), либо это разделение труда по операциям с начатками специализации (кто-то из охотников - лучший загонщик, кто-то лучше бросает копье). Совокупный результат - это продукт, который поддерживает жизнь всех членов коллектива.

Одно из самых важных понятий общественного отношения - это понятие "**собственность**". Характерной является позиция **Ж.Ж. Руссо**, по его романтическому взгляду люди когда-то жили сообща и все, чем они располагали, было общим достоянием, общей собственностью. Это было основным достоинством благородного первобытного дикаря - романтической фигуры литературы XVII века (очень популярной, в России на эту тему было написано немало работ). Согласно этой позиции человек - это существо от природы доброе, а все плохое, что происходит в обществе и в жизни людей - это следствие дурных общественных порядков. Благородные дикари живут и сообща трудятся, всем вместе владеют, пребывают в состоянии естественного благоденствия, потом в этом коллективе возникает злодей, который огораживает часть земли (для Руссо земля - это богатство) и говорит: "Это - моё!". Все остальные члены коллектива в силу злонамеренной человеческой природы

бросаются делить то, что осталось, дележ приводит к тому, что возникает имущественное неравенство. У кого-то много всего, что позволяет ему заставлять других людей работать на себя, он живет в роскоши и комфорте, а кто-то живет трудами рук своих, но в крайнем бедствии, потому что основную долю созданного богатства присваивают себе богачи.

Одной из первых работ Руссо на эту тему была его диссертация, по принятому тогда обыкновению он должен был ответить на вопрос: принесла ли цивилизация благо человечеству или она является чем-то вредоносным? Ответ Руссо был сугубо определенным и абсолютно отрицательным: "Цивилизация - это зло". Цивилизация формирует в людях избыточные потребности в роскоши, комфорте, самоутверждении, первобытные дикари живут в условиях естественного равенства и всего этого не знают. Для того, чтобы исправить коренные пороки XVII века необходимо вернуться к этому естественному порядку вещей. Руссо описал это в своих самых знаменитых трактатах: **"Об общественном неравенстве"** и **"Об общественном договоре"**. Суть нового общественного договора Руссо (в отличие от того, о чем писал Локк и его последователи, прежде всего, современник Руссо **Ш. де Монтескье**) состоит в том, что он должен быть построен на следующих принципах: от института частной собственности отказаться уже невозможно, но она должна быть жестко ограничена, быть достаточной в своих объемах для того, чтобы поддержать существование каждого отдельно взятого человека, а человек должен жить только трудами рук своих и никак иначе. В буквальном смысле запрещается присваивать труд других людей. Аристотель говорил, что торговля - это источник несправедливого богатства. Чтобы исключить такого рода аморальные аномалии, нужно подчинить людей принципу добродетели, которая состоит в том, что каждый живет трудами рук своих. Тогда не возникает излишеств, жизнь приобретает характер естественного существования, нет избыточных потребностей, зависимостей и порабощения, а общество существует гармонично. Руссо отдавал себе отчет в том, что эта программа трудно реализуема и вводил дополнительные ограничения, одно из них - это ограничение численного состава, подобным образом могут быть организованы только небольшие сообщества (в современном Китае подобная гармония невозможна). Как же быть с наличным имущественным неравенством, когда есть бедные и богатые? Ответ нам известен: "Отнять - поделить!". "Равенство!" - лозунг Французской Революции - это, прежде всего, руссоистское равенство. Дань идеям Руссо отдали практически все сторонники "левой" идеи (коммунисты, социалисты), потому что для них ключевое слово - это **перераспределение**. Если кто-то имеет много, а кто-то мало, необходимо перераспределить от первых ко вторым. Проблема состоит в том, что внешнее богатство рассматривается только как источник потребления - это характерная черта массового сознания. Стоит задать себе вопрос: идут ли миллиардные состояния целиком на личное потребление владельца? Ответ очевиден: это несоизмеримые величины. Тогда возникают следующие вопросы: что это такое? как с этим быть? почему возникает такое имущественное неравенство? Истоки ответа надо искать у К. Маркса (при всей его революционной идеологии), потому что в своем сильном и точном анализе Маркс показал, что источником имущественного неравенства не

является злонамеренное присвоение чужого труда (хотя этот мотив у него тоже есть). Причиной общественного неравенства и неравенства богатства является неравенство видов труда. Тут необходимо идти к теоретической модели, высокой абстракции, потому что в истоках анализа лежит модель, разработанная К. Марксом в черновых разработках, которые предшествовали "Капиталу". **"Экономические рукописи 857 - 1859 годов"** - в высшей степени интересный труд, который настоятельно рекомендуется к прочтению, он опубликован в 46 томе собраний сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. "Экономические рукописи 857 - 1859 годов" долгое время оставались неизвестными и были опубликованы только в XX веке, они описывают модель всеобщего производства, которая заставляет существенно скорректировать привычные интерпретации таких обиходных терминов, как "производство" и "потребление".

Модель всеобщего потребления выглядит следующим образом: в основе всего находится **цикл производство → потребление**. Но в данном случае речь идёт о производстве как о некоторых актах создания потребительных ценностей, люди что-то производят, преобразуя своим трудом, опираясь на свои знания и умения, некие ресурсы в средства жизнеобеспечения. Отличие концепции Маркса от вульгарной политической экономики заключается в том, что потребление для него является тем же, что и производство, но взятом в другом отношении, то есть производя нечто, люди обязательно потребляют (ресурсы и труд). Если мы потребляем произведенное, то мы воспроизводим себя. Маркс пишет: **"Всякое производство есть потребление в другом отношении и наоборот"**. Эту связь нельзя разорвать, потому что потребить можно только то, что произведено, следующий цикл производства опирается на фонд потребления, который становится для него источником. Люди произвели массу зерна (которая необходима для того, чтобы прокормиться и засеять поля для следующего урожая), а она по каким-то причинам погибла, потребительная масса сократилась - потребление резко сузилось, соответственно, сократился следующий цикл производства. Таким образом, потребление является предпосылкой следующих циклов, весь процесс носит спиралеобразный характер. Отсюда следует очень важный вывод: производство коррелирует с потреблением, потребление коррелирует с производством. Оторвать их друг от друга, как это делает классическая философская мысль и, в частности, Руссо, невозможно, это необходимая воспроизводимая связь.

В обыденном сознании и в не очень глубоко анализирующей политической экономике собственность воспринимается как собственность на некие блага, фонды потребления. Маркс говорит, что прежде чем распределяются продукты труда, распределяется сам труд. Первое значение понятия **"распределение"** - это распределение или разделение труда. Распределение - это внутренняя структура производства. Структура распределения труда коррелирует со структурой распределения продуктов (по той логике, о которой было сказано выше), то есть необходимые связи и первая форма производственных отношений - это отношения в распределенном труде. Маркс пишет: "В основе собственности лежит производительное присвоение". Это не схема - "пришел, схватил и забрал себе", мы присваиваем актами деятельности, производя, что точно соответствует мысли Локка: "источником собственности является труд". Формула Маркса очень выразительна -

"нельзя производить, не присваивая", потому что люди не могут отменить собственность, поскольку она, прежде всего, связана с распределением труда, с технологической специализацией. Здесь Маркс спорит с **Прудоном**, который в 40-е годы XIX века был известным французским социалистом. Прудон в основу программы социалистического преобразования общества положил принцип отмены института собственности. Но его невозможно отменить, Маркс пишет, что форму собственности можно только поменять. Это будет связано с изменениями структуры распределения труда, потому что наряду с технологическим распределением есть ещё другая форма распределения, которая связана с распорядительными полномочиями: кто и как принимает решения об организации производства и об использовании произведенных продуктов. Классическое представление о собственности связано именно с этим.

- **собственность** - это институт, возникающий на базе распорядительных полномочий, распорядительной деятельности;
- **собственник** - тот, кто распоряжается продуктом.

Эта истина очень важна, она лежит в основе всех дальнейших специализированных анализов.

Лекция 2. История поисков ответа на вопрос: что такое общество?

Опорные положения для анализа общества теоретической социологией

Основной темой данной лекции будет тема "Общество", курс "Социальная философия и философия истории" распределяется на три больших проблемных блока:

- **Деятельность** - как способ существования общественного человека
- **Общество** - как организационная форма общественной жизни
- **История** - как действительность общественной жизни

По поводу общества существует значительное количество литературы, в том числе и самого последнего времени. Далеко не всё из неё представляется заслуживающим внимания, и это влияние постмодернизма. По меткому замечанию **Ольги Михайловны Фрейденберг**, которая относилась к античным скептикам, постмодернисты восстали на принципы нормативного мышления, что мыслительным операциям человека ничего хорошего в ближайшем будущем не сулит.

В теоретической социологии существуют два основных направления, две методологические установки:

1. **Социологический номинализм** - существо которого в предельных выражениях сводится к тому, что общества не существует. Формула людей, которые разделяют эти позиции: **"общество - это люди"**. Есть более экстравагантная формула: "армия - это множественное число от слова солдат". Все формы социальной организации в данной установке рассматриваются как некие фиктивные или в лучшем случае умозрительные построения.
2. **Социологический реализм** - название идет от схоластической философии и полемики. В отличие от философов-схоластов Средних веков социологические реалисты - люди вполне трезвомыслящие, которые считают, что общество (хотя и не поддается непосредственному эмпирическому наблюдению, что трудно оспорить, так как никто никогда не наблюдал общество как таковое) - это вполне **реальное образование**, что показывают достаточно обоснованные умозрительные операции и процедуры.

Вернемся к характеристикам всеобщего производства. Необходимо обратить внимание на то, что есть два рода всеобщности:

- **Всеобщность суммативная**, когда общим понятием обозначается некое множество разнородных образований. Самый простой пример - это человечество.
- Всеобщность, которая фиксирует **родовые свойства** некоторого класса объектов или процессов.

Понятие **"всеобщее производство"** - это всеобщность второго рода, это не сумма производств, не сумма разных видов человеческой производительной деятельности, а понятия и характеристики универсальные, родовые в отношении всех

организованных производительных операций человеческих индивидов, субъектов производства. Решающая заслуга в разработке этой концепции принадлежит **К. Марксу**, который создал её в полемике со своими предшественниками и современниками-оппонентами. Марксу было важно показать, что производство - это родовая особенность человека, собственно то, что делает человека человеком. Формула Маркса: "Люди отличаются от животных с того момента, когда они начинают производить необходимые им средства к жизни". То есть **производительная деятельность есть основное содержание жизнедеятельности человеческого существа**. Результатом деятельности является поддержание жизни в устойчивых человеческих коллективах. В анализе выделяются некие внутренние моменты всякого процесса, который, как пишет Маркс, совершается между человеком и природой и происходит в общественной форме. Прежде всего, это акты производительные, акты делания необходимых человеку вещей, самое правильное название - "**потребительные ценности**". Далее происходит потребление произведенного, которое является моментом следующих циклов поддержания жизнедеятельности человеческих коллективов. Отсюда вытекает очень важная и фундаментальная социальная закономерность - **связь производства и потребления**, она очень тесная, сильная и характеризуется тремя взаимосвязанными моментами: количественные, качественные и структурные характеристики. Структура потребления в общем и целом совпадает со структурой производства, потому что взятый в целом в своем циклическом возобновлении данный процесс совершенно справедливо именуется **процессом воспроизводства**. Некий фонд потребления необходим для того, чтобы производительная деятельность могла продолжаться в следующих циклах. Необходимо понимать, что решение очень бурно дискутируемого вопроса о законосообразности социальных процессов своими основаниями уходит сюда, потому что здесь проявляются наиболее фундаментальные законы взаимодействия человеческих индивидов.

Следующее важное соображение Маркса состоит в том, что прежде чем быть распределением полученных результатов или распределением/присвоением богатства, **распределение прежде всего является распределением видов труда**. Человеческий труд, который направлен на поддержание жизни коллектива - это труд с самого начала распределенный и кооперированный. **Структура распределения труда задана технологией**, которой располагает данное человеческое сообщество. Это одна из самых важных закономерностей, поскольку если люди располагают каменными топорами и пр., то будет одна форма распределения труда и форма кооперации, а если - высоко специализированными орудиями, которые предполагают очень высокий уровень индивидуальной квалификации, то совсем другая система распределения труда и система кооперации. Маркса в литературе очень часто именуют "экономическим детерминистом", но он не столько экономический, сколько технологический детерминист, потому что у него в основе всего лежит развитие средств производства, то есть технологическая вооруженность средств труда, а это, прежде всего, знания и навыки людей и соответствующая квалификация, то есть умение сделать.

Существование человеческих коллективов существенно зависит от **продуктивности производительной деятельности**. Забота о повышении результативности производственных усилий, которая включает в себя и стремление минимизировать затраты (хотя люди далеко не всегда отдают себе в этом ясный отчет), то есть повысить КПД, зависит от технологической вооруженности труда и от кооперации людей в специализированном труде. Важная характеристика системы социальных связей - это **обмен**. Распределение и обмен - это определенного рода общественные отношения, причем имеется в виду распределение как живого, так и овеществленного/опредмеченного труда. С обменом ровно то же самое - может обмениваться живой труд, могут его опредмеченные результаты.

Всеобщее производство

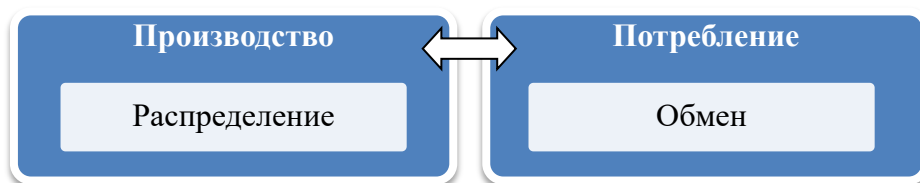

Рис. 2.1. Всеобщие формы общественного производства

Утверждение, что на всем протяжении человеческой истории забота об организации и кооперации труда является основной заботой человеческого сообщества, не будет преувеличением. Для того, чтобы всё это могло осуществляться, люди должны располагать определенными знаниями, прежде всего, о свойствах объектов (того, что становится для них сырьем, используется в качестве орудий), а также знаниями о характере и механизме координации социальных связей, общественных отношений. **Забота о поддержании устойчивого общественного порядка** - это одна из самых основных забот рода человеческого.

Хорошо известно убеждение **И. Канта**, что моральные законы невозможно вывести из опыта, что они в опыте человеку не даны. Поэтому Кант видел в этом знаменитое шестое доказательство бытия Божьего, поскольку никакого другого источника о требованиях нравственного закона у человека быть не могло. Требования эти общеприняты, не всегда исполняются, но известны всем. **Нравственный закон** - это тот закон, который известен каждому разумному существу, он один и тот же в своем содержании, соответственно, единственным источником этого знания является высший разум - такова была логика доказательства Канта. Исходя из этой совокупности посылок, достаточно легко можно заключить, что законы, нормы и правила человеческого взаимодействия и коммуникации обусловлены необходимостью совместного участия в поддержании жизни, совместного участия в общественно организованном труде. Это **правила социального взаимодействия**, они могут сопровождаться достаточно фантастическими представлениями о силах, которые управляют этим процессом, приемах, способах, ритуалах служения этим силам (всего того, что люди с полным основанием называют религией), но в основе лежит очевидная и неоспоримая истина - люди должны существовать в рамках организованных

коллективов. Мера интеграции коллективов, минимизация конфликтов внутри коллектива, их устойчивость - очень важные показатели, которые могут рассматриваться как составляющие того, что обобщенно можно назвать **коэффициентом адаптивности социального поведения**.

Навыки людей, производительные знания, квалификация и формы поддержания социального порядка, взаимодействия и общения - все это резюмируется в формулу: **"Человек - это существо общественное"**, которая стала революцией в общественной социальной мысли, потому что со времен молодых ногтей в философии считалось, что человек - это существо самодостаточное, он рождается носителем разума, всех своих человеческих свойств и качеств и наследует эти качества от своих предков. Для того, чтобы понять, что свойство "быть человеком" не наследуется биологически, понадобились тысячелетия интеллектуальных усилий и работы. Когда это открытие в конце концов было осознано, то оно вызвало существенные подвижки во всей системе мыслительных координат. До сих пор это не признается повсеместно, эта истина которая существует только для людей, которые её принимают продуманно, на основании опыта анализа, опыта размышления. Биологически человек наследует только свойства развить в себе качества "быть человеком", важнейшее из них - субъект производительной деятельности. Слово "производство" берется в самом широком, родовом значении термина, это не обязательно изготовление чего-то руками, речь идет о способности человека в качестве субъекта создавать некоторые объекты, которые будут выступать в качестве средств жизнеобеспечения (либо предметные средства, либо информацию на предметных носителях). Роль информации (человеческих знаний), которая закрепляется в материальных носителях и в культурной памяти сообщества, в жизнедеятельности человеческих коллективов чрезвычайно велика. Зависимость человека от располагаемых знаний не подлежит сомнению. Это основные положения, опорные точки от которых теоретическая социология должна осуществлять свой дальнейший анализ.

Логические ходы истории социальной мысли как история поисков ответа на вопрос: что такое человеческое общество?

Этот вопрос занимал мыслителей с того момента, когда интеллектуальный анализ стал профессиональной работой, то есть со времен Античной философии. Всегда было интуитивно ясно, что **общество - это больше, чем сумма индивидов** (что хорошо выражено, в частности, у Аристотеля). Но что это такое и каким образом разрозненные, обособленные, высоко суверенные человеческие существа объединяются в какие-то стойкие коллективы? Этот вопрос постоянно волновал умы. **Аристотель** был своего рода родоначальником той концепции, которая потом получила многократное повторение в истории социальной мысли. Он сформулировал вещь, которую очень трудно оспорить: **"Человек - это такое существо, которое от природы своей склонно к общежительности"**. Быть членом коллектива - некое врожденное свойство человека. От этой посылки выстраивались многообразные картины общественной жизни людей. В основном всё сводилось к государству, а в нем основная роль уделялась закону. Неслучайно законы привлекали внимание крупнейших

авторитетов Античности, Средневековья и Новейшего времени. Разум человека, который позволяет ему создавать некие правила общежития, и есть источник интеграции людей в общество.

Всё это вместе резюмировалось в целом семействе теорий "**общественного договора**". Если не быть педантичными, то основные идеи этой теории заложены ещё в Античности: они есть у **Платона в "Государстве"**, у **Аристотеля в "Законах"** и т.д. Средневековые мыслители отдали дань этой традиции, опираясь на авторитет античных предшественников. С достаточным основанием принято считать, что для новейшей европейской философии родоначальником теории общественного договора был **Томас Гоббс**. Одно из его блистательных интеллектуальных достижений - это название "**Левиафан**", которое он выбрал для знаменитейшей, а сейчас ставшей очень популярной работы, посвященной проблеме осмысления того, что такое человеческое общество. Левиафан - это библейское чудовище, которое силой и мощью превосходит все представимое. На фронтиспise первого издания "**Левиафана**" было изображено множество человеческих лиц, то есть человек, взятый во множественном числе - это и есть Левиафан. Идеи у Гоббса были интересные, при том, что сейчас теория общественного договора всё-таки является архаикой, его наследие заслуживает серьезного осмысления. Гоббс исходит из того, что человек - это живое существо, ему присущи все родовые особенности всякого живого существа, важнейшим свойством которого является то, что Гоббс назвал **естественным правом**. Это возможность делать все, что в силах для сохранения и поддержания своей жизни (никаких ограничений, кроме собственного потенциала). **Естественное право - это право борьбы за жизнь**. Поскольку силы у разных людей разные, то возникают ситуации, когда некоторые люди силой добиваются каких-то преимуществ, привилегий, превосходства, ущемляют интересы других людей, а то и ставят под сомнение их жизнь. В ответ на силу применяется сила, всегда можно против силового объединения создать нечто более мощное. Тогда возникает "**война всех против всех**" - замечательная максима Гоббса, которая, как говорят на Востоке, достойна быть записана иглами в уголках глаз обучающихся. Существование людей в таком дообщественном состоянии - это "**война всех против всех**" (*Bellum omnium contra omnes* - великолепная и чеканная латинская формула). Поскольку никто не хочет терпеть ущерб, ставить под угрозу своё благополучие, свою жизнь и, соответственно, всякий раз единственным источником решения этой задачи является сила, её консолидация и концентрация. Дальше работает логика бесконечно возобновляемого силового противостояния. Это - закон всей жизни, но человек - не просто живое существо, он наделен разумом.

Обладая разумом, люди в конце концов начали осознавать невыгодность такого положения: бесконечная война всех против всех кончается тем, что интересы всех ущемляются, гарантий и надежности нет, перспективы туманные и слишком велики возможности случайных эксцессов и риски. Люди договариваются между собой - **совершается переход из дообщественного в общественное договорное состояние**. Общественное состояние тождественно состоянию договорному, которое обусловлено разумным соглашением сторон. Суть этого соглашения по Гоббсу заключается в том,

что люди значительную часть своей свободы уступают в пользу верховного объединяющего начала, той властвующей силы, которая будет бесконечно превосходить любой возможный союз нижестоящих сил. Эта сила становится гарантом существования всех участников договора, она обеспечивает необходимый порядок, требует соблюдения принятых правил и наказывает за их нарушение. Хорошо известная для христианских мыслящих людей формула была ими впитана с молоком матери: "Мне отмщение, и аз воздам", никто не может быть судьей в своем деле, если перевести на правовой лексикон. Всякий конфликт подлежит разрешению при помощи третейского суда, его прерогатива - это прерогатива высшего, управляющего начала. Оно не связано договором, обратим внимание на эту очень важную деталь концепции Гоббса, потому что другие версии общественного договора иначе трактовали эту позицию. Суверен по Гоббсу, то есть носитель духовной власти и мощи договором не связан, он связывает только подданных, суть договора заключается в том, что они отказываются от свободы и обязываются подчиняться. Власть суверена простирается достаточно далеко, в том числе и на имущество, которое принадлежит подданным. Если суверен найдет нужным, он в праве его востребовать и использовать по своему усмотрению - это начатки того, что впоследствии получило развитие как государственное право. Единственное, чего не может требовать суверен - это бесосновательно требовать жизни своих подданных. Когда дело доходит до защиты жизни каждого отдельно взятого человека, то он вправе против суверена защищаться, но объединиться с другими во имя этой же цели он уже не в праве, так как этим он нарушает принципы общественного договора. Суверен может потребовать жизнь только на основании судебного приговора, когда установлена вина ответчика. Гоббс всячески подчеркивал важность этих принципов.

Три закона Гоббса:

- первый закон - "**золотое правило нравственности**";
- второй закон - "**следует стремиться к миру**", имеется в виду внутренний мир, мир внутри государства;
- третий закон - "**следует соблюдать договоры**", то есть от договора нельзя отказаться произвольно, без достаточных на то оснований.

Если все три закона соблюдаются, то общество может рассчитывать (для XVII века весьма серьезный скепсис) на сохранение более-менее стабильного порядка и жизни участников общественного договора. Для Гоббса было совершенно неоспоримо, что в системе внешних межгосударственных отношений по-прежнему царит всё та же война всех против, потому что там нет суверена, который гарантировал бы единый порядок. Там возможны кратковременные договоренности, кратковременный согласованный порядок, но это всё ситуативно, потому что как только возникает возможность, которую создает силовой потенциал, этот порядок нарушается в пользу того, кто считает себя располагающим какими-то преимуществами. Перманентное возобновление тотальной войны есть основное содержание истории грешного человечества.

Идеи Гоббса не были приняты безоговорочно, хотя сила его аргументации очень впечатлила современников. Его младший современник, великий английский мыслитель **Джон Локк** был представителем английского сенсуализма и сформулировал свою идею **общественного договора**, в которой есть очень важное отличие. Первое положение, которое отличает концепцию Локка от концепции Гоббса - это то, что суверен связан договором, он несет по нему какие-то обязательства. У Гоббса он тоже их несет, но они не формализованы, не оформлены и являются делом доброй воли суверена. Гоббс отдавал себе отчет в том, что весьма серьезной угрозой на пути человеческого сообщества является угроза злоупотребления властью. Он считал, что раз подданным не повезло и они попали на такого суверена, который не несет свои обязательства и злоупотребляет своим положением, то необходимо перетерпеть, потому что попытка возмущения приведет к гражданской войне, хаосу, конфликтам, а это приведёт к ещё большим жертвам. Локк с этим категорически не согласен, он считает, что коль скоро мы боимся неупорядоченности и распада, то надо понимать, что злоупотребление властью - это один из самых важных источников такой угрозы. Суверен, если он действует недолжным образом, тоже создает угрозу хаотизации, конфликтов, напряжений и потерь, поэтому одна из самых важных задач человеческого сообщества - это нейтрализация таких угроз. Ради этого Локк (великий ум) разрабатывает **механизм разделения властей**. Для того, чтобы не злоупотреблять властью, необходимо её разделить на некие функциональные блоки, ветви. Какая-то часть наделенных властными полномочиями людей будет законодательствовать, какая-то - осуществлять управление, выполнять функции правительства, а какая-то - функции суда. Смешивать эти функции ни в коем случае нельзя, потому что такая концентрация власти в руках одного человека или инстанции чревата злоупотреблениями, это тот соблазн, который, скорее всего, преодолеть не удастся. **Правильно и разумно устроенное государство - это государство, которое неукоснительно соблюдает принцип разделения властей**. С теми или иными отступлениями этот принцип сейчас выдерживается и является одним из основополагающих принципов демократической организации государства.

Ещё один мотив Локка связан с собственностью. То, что имущественное неравенство было истоком очень многих внутренних конфликтов, было достаточно хорошо известно и в античной философии. Сошлемся на **"Историю гражданских войн в Риме" Аппиана**, где об этом прямо написано. Обладание богатством всегда рассматривалось двояко: с одной стороны, как величайшее благо, цель, гарантия обеспеченного существования, с другой - как величайшее зло, источник соблазна, как то, что поработщает человеческую душу ("золотой телец"). Вся христианская традиция морализаторства была направлена к осуждению богатства: "Не копите себе богатства земные", "С собой ничего не унесете" и т.д. Эта линия хорошо известна, в текстах она выглядела весьма разумно и убедительно, но на практике соблюдалась почему-то не очень настойчиво и не повсеместно. К прочтению рекомендуются два трактата Локка об общественном правлении, где он, рассуждая о собственности, говорит, что в её истоке лежит труд человека. То, что мы привыкли связывать с XIX веком, было осмысленно и осознанно уже в XVII. Человек, создавая какую-то вещь, тем самым

становится её собственником, дальше включаются механизмы общественного распределения и перераспределения, когда распределительные полномочия переходят от одних лиц к другим, истоки этого перехода далеко не всегда удастся прояснить. Для того, чтобы свести к минимуму возможное напряжение и столкновение интересов, Локк настаивает на том, что в обществе должно быть признано, что **право собственности есть неотъемлемое и священное право всякого человека**. И для того, чтобы человека в этом праве ущемить или лишить его этого права, должны быть достаточно веские, ясные и хорошо прописанные основания, потому что существует только два способа перехода объекта собственности из рук в руки: договор (в той или иной форме), силовое изъятие, которое, как правило, чревато разрастанием конфликта. Теоретики практически всех времен справедливо считали хаотизацию общественных отношений одной из самых страшных угроз, которые стоят на пути человеческого существования. Коль скоро право частной собственности священно и не может быть изъято без достаточных оснований, то тем самым опровергается важнейший тезис Гоббса, который считал, что суверен не ограничен частной собственностью своих подданных. Эта существенная подвижка в интерпретации дает веские основания, чтобы считать Локка одним из первых теоретиков буржуазного общества. Философия как теория буржуазной организации, несомненно, его заслуга.

Сделав скачок во времени к XVIII столетию, мы можем рассмотреть совершенно иную трактовку понятия "собственность" в рамках теории общественного договора. Один из самых ярких мыслителей **Жан - Жак Руссо** - это человек, которому последующие поколения обязаны очень нехорошим убеждением, суть которого была выражена не самими Руссо, а его последователем, французским мыслителем, публицистом и политическим деятелем **Прудоном: "Собственность - это кража"**. Руссо был ярким врагом цивилизации, написал на эту тему диссертацию и получил премию на конкурсе в г. Дижоне, при этом Руссо был замечательным композитором, автором очень неплохой оперы, есть все основания считать его человеком вполне цивилизованным. Мыслитель рассуждал следующим образом: в блаженные времена человечество ещё не было испорчено цивилизацией, люди были исполнены добродетелью, никакой собственности не было, всё было общее и, прежде всего, земля. Руссо рассматривал землю как первую, основную и естественную форму человеческого богатства. Вдруг появляется негодяй, который огораживает участок общей земли и заявляет, что отныне она принадлежит только ему. От природы предрасположенные к греху люди бросились делить то, что осталось. Так возник институт частной собственности, который положил основание общественному неравенству, потому что земля стала переходить из рук в руки на основании принципа частной принадлежности. У кого-то земли оказалось много, кто-то оказался её лишен и был вынужден работать на богатых, поскольку земля была единственным источником существования. Имущественное неравенство породило в обществе несчастье, конфликты, испорченность человеческих нравов, преступления и злоупотребления. Руссо был человеком достаточно пессимистическим, он считал, что рубикон пройден необратимо. Но возможность построить общество на более разумных и гармоничных началах все-

таки есть. Для этого необходимо, чтобы люди прониклись стремлением к добродетели законодательно, решением всеобщей воли, которая должна быть источником.

Понятие "**всеобщая воля**" - это второе, чем Руссо обогатил человечество. Всеобщая воля - это воля всех, но за вычетом того, что специфично каждому отдельно взятому человеку. То общее, что есть в воле всех участников общественного договора - это и есть всеобщая воля. Её решением, решением народного собрания нужно принять закон, согласно которому каждый член общества наделяется землей, достаточной для того, чтобы он мог поддерживать свою жизнь. Дальнейшее накопление, не только земли, но и другого имущества, запрещается законодательно (обогащение - это преступление), люди должны жить только трудами своих рук, тогда у них не возникнет излишних потребностей (это словосочетание тоже является изобретением Руссо). При выполнении этих неперемных условий в обществе восстановится гармония, частная собственность будет вынужденно сохраняться, но она будет ограничена очень жесткими требованиями. В систему законодательства правильно устроенного общества Руссо вводил положение, согласно которому уклонение от добродетели подлежало наказанию, недобродетельное поведение - это состав преступления. Идеалы Жан-Жака Руссо очень горячо восприняли на веру крупнейшие деятели Великой Французской революции. **Робеспьер** был убежденнейшим руссоистом (и не он один, существовала целая партия единомышленников) и придумал инструмент принуждения к добродетели. В полном согласии с заветами Руссо им стала гильотина. Остроумные парижане, наблюдая бесконечно длящиеся казни, придумали замечательное словосочетание - "казненные выплевывают свои головы в корзину". Это продолжалось до тех пор, пока в корзину не выплюнули свои головы Робеспьер с соратниками. Дело закончилось военной диктатурой, которая восстановила права неограниченной частной собственности и "процесс пошел". **Имущественные отношения не поддаются моральному регулированию**, потому что они подчинены объективной логике, основа которой является сильная **связь между производством и потреблением**. Обратимся к Марксу, который совершил революцию в сфере мысли, показав, что формы социальной организации создаются не по человеческому произволу и разумению, а согласно с объективной необходимостью, которая человеческим произволом не контролируется. Именно этот смысл и содержание несет знаменитая мысль Маркса, которую воспроизводили и до сих пор воспроизводят все учебники и энциклопедии: "**В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли независимые отношения**". Неужели нормативные регламенты, которые являются результатом человеческих усилий, не играют никакой роли? Играют, и колоссальную, но их разработка - это задача не произвольного конструирования, а открытия тех установлений, которые соответствуют сложившейся системе разделения труда и его организации в обществе. Данная мысль резюмируется афоризмом: "**Никакое право не может быть выше экономики**". Если мы при отсутствии необходимых условий принудительно устанавливаем уравнилельное распределение на том основании, что это отвечает канонам справедливости "у всех всего должно быть поровну", то максимальный результат, который мы получим упадок

общественного производства. Почему этот закон непременно сработает (независимо от благих намерений) необходимо разбираться.

Системный анализ как основная методология изучения общества

Метод системного анализа был наработан во второй половине XX века, прежде всего, он связан с именем очень крупного биолога и физиолога **Людвига фон Бергаланфи**. Статья Бергаланфи называлась "**История и статус общей теории систем**", соответственно, необходимо ответить на вопрос: что такое система? Догадки на эту тему высказывались ещё в Античности, хорошо известен афоризм Аристотеля "**Целое больше, чем сумма его частей**". Еще одно афористичное выражение - это начальная формула теории множеств, которая была предложена её создателем **Георгом Кантором**: "**Многое, мыслимое как единое**".

Системой или системным объектом мы называем объект, обладающий сложной организацией, дифференцируемой внутри себя. Его целостность задается или является результатом взаимодействия элементов, входящих в этот системный объект. Самая простая наглядная иллюстрация - это молекула какого-нибудь вещества, например, воды. Например, есть два газа, взаимодействие которых радикально меняет свойство вещества - в этом состоит смысл системного анализа, который необходим для того, чтобы выяснить то, что называется **эмерджентными свойствами системы**. То есть те свойства, которые есть у целостного системного объекта и которые отсутствуют или являются другими у входящих в систему элементов. Если провести операцию гидролиза, то получится два газа, каждый из которых горюч и взрывается, вода обладает совершенно противоположными свойствами. Понятие "**структура**" во многих текстах часто используется синонимично понятию "система". Подразумевается, что это одно и то же, но это не совсем верно. **Главное в системном анализе - вычленив элементы и уяснить порядок связей между ними. Структура - это способ связи элементов системы.** Это важно потому, что коль скоро мы обращаем внимание на анализ именно свойств, то в ходе наблюдений и сравнений выясняется, что одни и те же по своему субстратному составу элементы, связанные различным образом, могут радикально менять свойства системы. Например, графит и алмаз - это углерод, кристаллическая решетка отменяется, меняется способ связи и радикально меняется свойство. Это очень важно для человеческого общества, потому что форма социальных структур изменчива, это влияет на появление социальных образований, социальных систем. Вскрывая элементный состав, способ связей элементов, системный анализ позволяет понять свойства системы и уяснить механизмы её динамики. Системный анализ - весьма полезное изобретение, он отнюдь не фикция, не искусственное изобретение, правильнее говорить об открытии важных, объективных свойств материальных процессов.

Общие принципы системного анализа можно применить к решению интересующей нас задачи, то есть для получения ответа на вопрос: что такое человеческое общество? С точки зрения социологического номинализма, то есть той парадигмы, которая отрицает реальность социальных образований, формула звучит следующим образом: "общество - это люди". Мы непосредственно наблюдаем людей,

их поступки и отношения, это поддается анализу и с точки зрения данной парадигмы и должно составлять предмет интересов социологической науки. Крупнейший теоретик социального знания конца XIX - начала XX века **Макс Вебер** сказал: "Задача социологии - наблюдая, толковать поведение индивидов", то есть социология - это наука о поведении человека. Отметим, что является совершенно неоправданным обеднением предмета социологии, поскольку **социология - это наука о строении, функционировании и изменении социальных систем, которые называются обществом**. Многое происходит благодаря человеческой деятельности, но основным объектом социологии, на который направлено её теоретическое и исследовательское внимание, является общество. Основной методологией изучения общества является системный анализ.

Задача системы, прежде всего, перечислить её элементы общественной жизни:

- **первый элемент** всякого общества - это **человеческие существа, люди**. Но этого недостаточно, потому что люди между собой определенным образом связаны.
- **второй элемент - это организационные связи или общественные отношения**. Они тоже являются продуктом человеческой деятельности, но мы их всегда понимаем как связи, находящиеся внутри человеческой деятельности. Они не имманентны, а возникают по ходу деятельности либо спонтанно, без предварительных намерений, либо создаются и поддерживаются людьми целенаправленно, посредством управления поведением людей и управления движениями вещами.
- **третий элемент - это предметная субструктура**. Люди - это субъекты производительной деятельности, которая имеет орудийный характер. Результатом человеческих производительных усилий являются и определенным образом преобразованные предметы.
- **четвертый элемент - люди производят информацию**. Здесь необходима конкретизация, потому что **информация - это единство знака и значения**. Информационные семиотические знаковые структуры - это некие множества упорядоченных материальных объектов, каждый из которых наделяется смыслом или значением. Когда мы говорим об элементах общественной жизни, то важно понимать, что каждый из них является результатом человеческой деятельности. **Производство информации - это в первую очередь производство смыслов**, но особенность информационных структур заключается в том, что смыслы должны иметь носителей. Когда философ производит информацию, то делает это в виде текста, но связи между элементами текста не физические, не субстратные, а смысловые. Даже тогда, когда речь идет о сложных текстах художественного творчества, подобных скульптуре или живописи, то и там доминируют смыслы.

Люди тоже являются результатами производства. **Ф. Энгельс** в полемике с многочисленными оппонентами материалистического понимания истории мимоходом бросил фразу - **"производство людей людьми"**. Её можно понять сугубо биологически, но самое главное - это не производство "заготовок", а очеловечивание человека, его социализация, превращение биологического объекта в человеческое существо, носителя человеческих свойств, что возможно только посредством направленного воздействия в культурной среде. Иных способов очеловечивания не существует, сам по себе в культурном вакууме человек как мыслящее существо образоваться не может. Всякое человеческое существо проходит период социализации или окультурации. Если использовать категории **логики Гегеля**, то существует процесс становления - единства бытия и небытия. Родился человек, и он сразу включен в некую систему человеческих контактов, пошел процесс социализации, который в какой-то мере спонтанен, в какой-то – направлен, поскольку имеет место воспитание, формирование поведенческих навыков. Иногда воспитатели даже не отдают себе отчет в том, что они воспитывают, но они этим занимаются. Люди - прежде всего, носители определенной культуры, существа, прошедшие окультурацию. **Культура - это надорганический способ формирования информационных систем и потоков.** С этой точки зрения некультурных людей не бывает, если человек некультурный, то он не человек. Когда мы говорим "некультурный человек", мы имеем в виду определенный уровень воспитания, соответствующий или не соответствующий канонам, которые приняты в определенном сообществе - это обыденный, бытовой смысл. **В родовом значении всякий человек - носитель культуры.** Благодаря этому в истории человечества возникают две линии преемственности, они совпадают, но не должны сливаться: **линия биологическая** - рождение новых поколений, вторая - **линия культуры**, культурное наследование (что гораздо важнее). Ни биологические, ни расовые характеристики человека (хотя и имеют своё значение, но оно подчиненное, вторичное), важны характеристики усвоенной культуры и способность по мере надобности менять культуру.

Взаимодействие четырех необходимых и достаточных элементов социальной системы дает системное качество - человеческое общество. Соответственно, выделяются четыре основные сферы общественного производства. Результатом усилий в каждой сфере является воспроизводство одного из необходимых элементов социальной системы.

1. Сфера материального производства - производство вещей, предметных средств человеческой деятельности. Все множество этих предметов делится на два функциональных класса:

- предметы, которые выступают как **орудия или средства потребления**
- **предметы-знаки**, носители информации.

Характер использования предмета определяет его типологическую принадлежность: книгами можно топить печи, танк - поставить на постамент и сделать его символом воинской славы. Назначение предмета не задается

однозначно его субстратными характеристиками, он может использоваться как в том, так и другом классе. Как носитель смысла/значения может выступать любой предмет, их роль может быть колоссальной, ради знамени воинской части как символа воинской чести люди жертвовали жизнью. Если военное подразделение лишалось знамени, то его расформировывали. С одной стороны, знамя – это кусок материи с вышивкой, с другой - жизнь человека, такова роль социальной символики. Функциональные качества предметных средств деятельности не надо недооценивать, потому что они являются технической вооруженностью, прежде всего, человеческого труда и квалификации.

2. Сфера производства информации, смыслов, духовных значений чаще всего называется духовным производством. Информация долгое время создавалась людьми нецеленаправленно, процесс её создания вплетался в процесс повседневной предметно-практической деятельности. **В.Н. Романов** в интересной работе "**Об историческом развитии культуры**" вводит понятие "**симпрактической культуры**", то есть культуры, которая создает информацию в процессе производства материальной жизни людей. Специализация труда должна была пойти достаточно далеко, чтобы производство смыслов отделилось от реального производства, появились соответствующие профессиональные группы, род деятельности и т.д.

3. Сфера социального управления - поддержание устойчивых, упорядоченных социальных отношений. В первую очередь для нас важны те организационные связи, которые поддерживаются людьми целенаправленно, то есть ставится задача поддержания определенной упорядоченности взаимодействия и отношений. Такого рода деятельность называется социальным управлением. Объектом является общество, целью - поддержание необходимого уровня порядка взаимодействия людей.

4. Сфера воспроизводства человека называется социальной сферой, сферой социализации. Сфера общественного производства выделяется по продукту, который в ней производится.

Необходимо помнить, что данная четырех компонентная система первоначально являла собой синкретическое единство, то есть специализация была сведена к минимуму, задачи решались "по ходу" и без выделения соответствующих субъектов, приемов и навыков деятельности. По мере усложнения труда, по мере умножения числа элементов возникала специализация и система становилась сложноорганизованным образованием.

Важные соображения, связанные с принципами выделения общественной жизни:

- нет особой, **отдельно взятой экономической сферы**, обособленной от других видов человеческой деятельности, потому что любая деятельность имеет экономические измерения. Наиболее точно существо этих измерений передано в формуле нобелевского лауреата по экономике **Василия Леонтьева**: "**затраты -**

выпуск". Это базовое соотношение: что мы потратили, какие ресурсы должны были задействовать, чтобы обеспечить необходимые результаты, и что мы получили. Если это соотношение смещается в сторону затрат, то оно ставит под вопрос устойчивость воспроизводства социальных образований.

- **нет особой сферы культуры**, потому что люди всегда являются носителями культуры, а культура всегда присутствует во всех видах и формах их деятельности (мы говорим о культуре производства, общественных отношений, профессиональной культуре, правой культуре и пр.). Наиболее точным и емким выражением существа культурных навыков является словосочетание **"ноу-хау"** (от англ. know how/"знать - как"), потому что в своем основном содержании культура рецепторна, потому что это - способ человеческой деятельности. Данное определение принадлежит нескольким авторам, которые подчеркивали, что при обращении к культуре необходимо, прежде всего, иметь в виду её функцию. **Функция культуры** - обеспечивать особый, специфический характер человеческого существования. И это работает, если мы обращаемся к изучению культурной памяти и т.д.

Общество всегда характеризуется каким-то уровнем экономического развития (что оно тратит и что способно производить) и каким-то уровнем своего культурного развития в нескольких сочлененных характеристиках разных направлений культуры. Грубым заблуждением является отождествление понятий "культура" и "искусство", потому что искусство - это одна из разновидностей культуры. Важнейшим является понятие **"культурный код"** или **"язык культуры"** (носитель информации), в системе языков культуры образующим основанием является человеческий язык. Лучше, чем **Л.С. Выготский** на эти темы никто не написал, адресую к его великой книге **"Мышление и речь"**. Опровергнуть идеи Выготского и поставить под сомнение состоятельность его подходов до сих пор никому не удавалось. Наше мышление - это прежде всего мышление речевое, которое в итоге приводится к вербальным конструкциям.

Общество существует как система, когда мы говорим о системе, то всегда каким-то образом отличаем её от среды. Когда Людвиг фон Бергаланфи занимался разработкой принципов системного анализа, то сформулировал **исходное базовое отношение: система - среда**. В самом общем плане среда для людей - это среда природная, источник всех ресурсов, потому что люди живут только переработкой ресурсов среды, в которой обитают. Понятие **"ресурс"** - это понятие не изолированное, ресурс всегда существует в сочетании с технологиями его извлечения, переработки и использования. Нет технологий - нет ресурсов. В природе самой по себе никаких ресурсов нет, ресурсы есть для человека, вооруженного определенными знаниями и навыками. В популярном среди экономистов выражении "естественные богатства ресурсов" по умолчанию подразумеваются технологии.

Весь процесс человеческой жизнедеятельности - это процесс, который подчиняется фундаментальному физическому принципу, известному как **"второе начало термодинамики"**, то есть люди живут постольку, поскольку экспортируют

энтропию во вне. Экспорт энтропии - это нарушение порядка природных связей. Нарушая порядок во вне, разрушая эти связи, мы повышаем уровень упорядоченности взаимодействия внутри человеческого общества. Здесь очень важен баланс, бесконечно разрушать внешние порядки рискованно. Возникает очень серьезная **проблема целенаправленного поддержания порядка в среде обитания**. Это ближайшая и будущая задача для нас и наших потомков. Мы должны понимать, что производительная деятельность людей, которая сейчас разрушает внешние связи в природе, непременно должна быть озабочена тем, чтобы эти связи восстанавливать. Срубили лес - посейте новый, вспахали поле, собрали урожай - необходимо поддержать плодородие почвы. Необходимо целенаправленно поддерживать способность среды обитания быть для людей источником ресурсов. Здесь первая и основная роль принадлежит технологиям. Второе по значимости соображение - это **поддержание внутреннего порядка** (то, чем был озабочен Т. Гоббс), потому что те внутренние конфликты, которые переживает человеческое общество, те разрушения и потери, которые являются следствием этих конфликтов, теперь становятся угрожающими. Люди подошли к критической черте и спонтанные действия (сообразуясь с сиюминутными настроениями или не очень осмысленными и обоснованным страхами) себе сегодня позволить не могут, потому что резко возросла технологическая вооруженность повседневных жизнеобеспечивающих усилий. Речь идет прежде всего о мощи вооружения. Современная технология войны обесмысливает знаменитое высказывание **Карла фон Клаузевица**: "Война есть продолжение политики другими средствами", потому что война не может быть продолжением чего-либо в современном мире.

Лекция 3. Общество как организационная форма совместной деятельности людей

Понятие "класс" и место классов в общественной жизни людей

Важно ещё раз подчеркнуть, что мы занимаемся социально-философским анализом, который предполагает крайнюю степень обобщения. Мы используем понятия, обладающие универсальной применимостью ко всей сфере, которая становится объектом нашего познавательного интереса. Это можно выразить несколько иным образом: то, что мы разбираем, создается и разрабатывается в очень сильной абстракции от всех социально-исторических реалий, а исторический мир человечества чрезвычайно разнообразен. Важно отметить именно это обстоятельство - абстрагирование от всех вариаций и сосредоточение внимания на чем-то существенном, на чистых характеристиках социального "вообще", социального как такового, хотя оно всегда дано нам в виде какой-то исторической конкретики.

Замечательная пара крупнейших историков XX века - это основатели и создатели школы анналов во Франции **Марк Блок** и **Люсьен Февр**. Работы этих историков представляют "золотой" фонд мировой историографии, не читая их нельзя получить достаточные знания в сфере истории и разного рода социальных изысканий. При этом они несколько иронично говорили о себе, что страдают философией, потому что, как полагается профессиональным историкам, очень не любили всяческую схематизацию. Потом этот мотив очень охотно подхватил человек, которого называют представителем школы анналов в российской историографии, очень крупный отечественный медиевист **Аарон Яковлевич Гуревич**, который пострадал от исторического материализма и имел более основательную неприязнь к схематике. Сошлюсь на личный опыт: при прочтении замечательной работы **Марка Блока "Апология истории"**, я каждый раз думаю, что автор был философски мыслящий человек, который великолепно знал историю и владел инструментарием философского анализа. Поэтому неприязнь к схематике, к самодовлеющим отвлеченным схемам, которые плохо соотносятся с многообразием реального, эмпирически воспринимаемого материала - это понятное явление, но стоит попытаться избежать в этом случае слова "философия". Философия - это не схематика, а глубокий, фундаментальный анализ.

В середине XX века стараниями **Питирима Александровича Сорокина** в Америке получила значительное влияние и распространение школа структурно-функционального анализа. Её создателями были **Роберт Кинг Мертон** и **Толкот Парсонс**, которые учились на социологическом факультете в Гарварде у П.А. Сорокина. Возникла, как это достаточно часто бывает, своего рода мода на подобного рода штудии, вместе с тем началась и критика, стержнем которой был упрек оппонентов, что структурные функционалисты уделяют чрезмерное внимание проблеме динамического равновесия, проблеме поддержания гомеостаза. Как раз на волне этой критики поднялась и получила довольно серьезное признание альтернативная в каком-то смысле методология, которая известна под именем "**конфликтология**". В ней акцент делался не на равновесие, не на сотрудничество, не

на поддержании некоторого баланса в системе социальных связей, а на конфликте. Стоит вспомнить старую античную мудрость "всё хорошо в меру", которая призывала человечество к золотой середине. Мы не можем отрицать роли конфликта в социальных взаимодействиях, в частности, конфликт весьма серьезно рассматривается как один из источников социального изменения. Хорошо известен тезис, говорящий о том, что классовая борьба есть движущая сила истории. С этим тезисом необходимо быть очень осторожными, но факт остается фактом: то, что **конфликт интересов различных социальных групп или организованных сообществ и его явные проявления** - это **динамизирующий фактор в истории человечества**, отрицать бессмысленно. Необходимо помнить об основном принципе и ответить на вопрос (вспомним формулу Канта): **как возможно стабильное воспроизводство организованных человеческих коллективов?** Здесь доминирует некая упорядоченность и устойчивость, потому что альтернативой является собственное исчезновение. С этим спорить невозможно, поэтому необходимо говорить о динамическом равновесии, но помнить, что и его нельзя возводить в абсолют, что оно не превалирует в каждый момент или в каких-либо интервалах, или отрезках истории. Ещё античным мыслителям было хорошо известно, что если общество попадает в фазу обостренного конфликта, деструкции, разбалансирования, то рано или поздно эта фаза сменяется фазой, направленной на восстановление и поддержание порядка (упорядоченность доминирует).

Рассмотрим, какие методологические претензии предъявляются к тем подходам и принципам осмысления материала, о которых мы говорим. Насколько можно судить - это веяния самого последнего времени, например, сейчас реанимировалась методология социологического номинализма. Целый ряд авторов на Западе (в основном англоязычных, а также отечественные представители этого направления) исповедуют истину, что общество как система, или государство как институт, или класс как социальная группа - все это некие абстракции, некие производные человеческого ума. Аргумент очень простой, как пишет один из представителей этого направления, интересный исследователь политических процессов, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге **Олег Хархордин**: "Никто никогда не трогал руками такую сущность как государство". Довод не из самых сильных, поскольку непосредственная данность в чувственном опыте - не то же самое, что общенаучный принцип наблюдаемости. Конечно, государства - это некая абстракция, умозрительный конструкт. Конструкты бывают разные: есть умозрительный конструкт кентавра - плод человеческой фантазии и воображения, есть - понятия "система", "институт" и т.д. В своей критике оппоненты не хотят додумывать до конца, сложно представить ситуацию, когда некий методолог обратится к социологам с требованием отказаться от понятия "социальная группа", но её тоже никто никогда как таковую не видел, если мы не отождествляем это абстрактное понятие с понятием реально воспринимаемого коллектива, который фиксируется в каких-то реальных обстоятельствах места и времени. Эта претензия представляется надуманной, но здесь есть ещё один важный разворот - мы выходим на понятие "**интегративный субъект**". То, что мы сейчас будем обсуждать, может показаться абсолютными противоречием к

только что озвученному, но необходимо постараться в эту логику вдуматься и принять её.

Некое кредо, из которого исходит наш дальнейший анализ, состоит в том, что единственным, кто обладает возможностью или правом, или способен называться субъектом - это **конкретный человеческий индивидуум**. Никаких других субъектов в сфере социальных процессов нет, и быть не может. Свойство быть субъектом - это свойство живых, конкретных человеческих существ. На этом основании неправильно делать тот вывод, который делают социологические номиналисты - "кроме людей никого в истории и в обществе нет", потому что "не быть субъектом" - это одно, а не признавать роль организации или института - это другое, это вещи несовпадающие. Мы не можем говорить о том, что действует государство или действует класс, потому что действуют люди, но это люди, организованные в государство, и люди, организованные как класс. На эту тему есть очень любопытные соображения у **Питирима Сорокина**, который, ощущая здесь некую логическую проблему, некую лауну аргументации, попытался ввести представление о существовании особого рода социальных группирований, у него это звучит сложно: "**если бы организованная группа**". П. Сорокин говорит о том, что есть реально организованная группа, которая функционирует именно в качестве явных организаций, обладающих четким численным составом, правилами взаимодействий, уставом, руководящей группировкой и т.д., а есть группа, которую он справедливо считает **номинальной**. Заметим, что всегда существует возможность перехода номинальной группы в группу реальную, блистательный пример такого перехода (не более, чем литературный опыт) - рассказ Конана Дойля из серии "Приключения Шерлока Холмса", который называется "Союз рыжих". Множество людей, которые имеют рыжие волосы - это группа номинальная, но если рыжие волосы становятся критерием или основанием для дискриминации, а также возникает организация, которая защищает "Союз рыжих", то рыжие становятся организованной группой. Сорокинская идея "если бы организованной группы" связана с понятием марксистской социологии и историографии, с понятием класса. Необходимо разобраться с тем, что такое "класс", потому что "класс" - это одно из самых важных понятий марксистской социологии и историографии. И не только марксистской, поэтому несправедливо пытаться ограничить применимость этой лексики, этого тезауруса только кругом марксистских исследователей. Например, **Марк Блок** (далеко не марксист), написал замечательную книгу "**Феодальное общество**", где рассматриваются понятия "феодал", "класс феодалов".

Что такое "**класс**", что является основанием для формирования представления о наличии такого рода групп? Восстановим логику анализа Маркса: в истоке всего лежит организованный труд, организованные взаимодействия и, что наиболее существенно, разделение труда между специализированными производителями. **Разделение труда** есть важнейший фактор организации человеческих коллективов, потому что **это очень важный способ повышения эффективности производительной деятельности людей**. Существует формула, которая может считаться одной из заповедей теории социальной организации: "**порядок бьет класс**". Она родилась в осмыслении командных спортивных соревнований, имеется в виду, что составленная из игроков

среднего уровня, но хорошо сыгранная и организованная команда всегда будет сильнее, чем команда звезд, которые в первый раз встретились на поле и играют каждый за себя. Это очень широко применимое понятие. **Организация взаимодействия специализированных производителей является вторым по значимости фактором, после разработки технологий**, то есть разработки орудийного и информационного обеспечения человеческого труда. Это две стороны единого процесса и вся история человечества - это история трансформации именно этих характеристик.

Соображение, которое волновало умы социальных мыслителей с того самого времени, когда появилась специализированная социальная мысль - это **проблема общественного неравенства**. От молодых ногтей философии и до нашего времени существуют два принципиальных подхода к этой проблеме:

- если взять традицию, которую условно можно связать с Платоном, то **неравенство - это естественная форма организации человеческих коллективов**, потому что люди неравны от природы. Ключевые соображения Платона, которые сформулированы в "Государстве" и целом ряде примыкающих работ, нет необходимости пересказывать, отметим только, что эту логику в несколько видоизмененном виде исповедовали крупнейшие социологи XX века, в том числе и П. Сорокин. Когда его спрашивали, что лежит в истоке общественного неравенства, П. Сорокин всегда отвечал - **неравенство способностей**. В трансформированном виде - это мысль Платона, потому что люди – это существа разной породы, они есть то, что они есть, поэтому справедливым будет то устройство общества, когда человек занимает то место в системе общественных взаимодействий, которое ему полагается от природы. Отсюда очень много производных специального порядка.
- альтернативная концепция в очень сильной степени связана с основами христианского вероучения, она говорит о том, что **неравенство противно человеческой природе, потому что бог создал людей равными** (если брать авраамическую традицию). Неравенство рассматривается как институт, созданный злонамеренно, с дурными целями, поэтому устранение неравенства является задачей всякого порядочного, ответственного и мыслящего человека. Представителей этого направления множество, применительно к Новейшему времени традиция связывает это направление с именем **Ж.-Ж. Руссо**, его трактат **"Об общественном неравенстве"** становится Библией всех приверженцев этой идеи.

Теория классов, разработанная по канонам марксистского учения, ближайшим образом достаточно тесно соприкасается с проблемой общественного неравенства. Сразу необходимо обозначить ложное направление, неправильную постановку вопроса: если говорить, что основными классами в обществе являются классы "бедных" и "богатых", будет ли этого достаточно? Очень ценна формула **Льва Выготского**: "Правильно поставить вопрос - наполовину решить его". Если вопрос ставить неправильно, то решение мы не найдем. Принцип, методология, заключается в том, что

богатство и функция связаны между собой. Прежде всего это можно увидеть в знаменитой максиме, каноне всех левых партий: классы богатых - это классы собственников средств производства (если добавлять социологическую аналитику), но средства производства они себе присваивают для того, чтобы эксплуатировать тех, кто этих средств производства лишен, то есть эксплуатация, извлечение прибавочного продукта и прибавочной стоимости являются целью, ради которой предпринимаются все усилия. Это точная калька мысли Руссо, потому что возникновение института частной собственности он связывал со злонамеренным присвоением каким-то одним конкретным человеком участка земли, которая до того момента была общим достоянием. Это мыслится Руссо примерно следующим образом: нечто когда-то было общим, но потом плохие люди, применяя силу, захватили себе то, что было общим достоянием и используют захваченное как орудие порабощения своих собратьев по обществу. Нет ничего более далекого от реальных процессов социальной стратификации, чем эта очень упрощенная схема, хотя она отвечает некоторому здравому смыслу и тому, что можно было бы назвать обыденным опытом.

Формальное определение классов как социальной группы содержится в работах В.И. Ленина, целью которых была популяризация марксизма с тем, чтобы сделать его достоянием широких рабочих масс: "Классы - это большие группы людей, которые отличаются друг от друга".

- первый признак класса - **собственность на средства производства**, важно сразу обратить внимание на то, что ни в коем случае нельзя говорить "отношение к собственности на средства производства", поскольку это - грубейшая ошибка, которая часто встречается в текстах разного рода. Отношение к собственности - отношение к отношению, ибо собственность - это общественное отношение. Это необходимо запомнить.
- второй признак - **место и роль социальной группы в системе разделения общественного труда или та функция, которую данная конкретная социальная группа должна обеспечить**. Второй признак работает в системе вместе с первым.
- третий признак - **доля общественного богатства, которой располагает данная конкретная группа**. Именно с ним чаще всего случаются конфузы всякого рода, потому что прошло почти 200 лет, как сформировался штамп, который переходит из одного текста в другой: некая небольшая доля семей в каком-то небольшом сообществе владеет 80 - 90, а то и 95% общественного богатства. "У них денег куры не клюют, а нам на водку не хватает" - писал В. С. Высоцкий, характеризуя отношение к проблеме.

Дело обстоит не так просто, здесь необходим анализ, поскольку, когда мы говорим об отношении к средствам производства, то имеем в виду два разных типа этого отношения или **два разных способа, какими люди могут относиться к средствам производства:**

- первый, исходный - это **квалификация**, умение работать с определенным типом орудий. Здесь подразумевается уже достаточно далеко зашедшая специализация труда, то есть это отношение мы вправе определять, как отношение технологическое, по принципу "знаю - как". Знаю - как работать на земле, знаю - как использовать те или иные, разработанные людьми средства труда или технологии. Именно это позволяет говорить о человеческих индивидах как о носителях некой трудовой квалификации.
- вторая сторона отношения к средствам производства в огромной степени становится фактором образования классов - это **распорядительные полномочия**, то есть компетенция людей, которые принимают решения относительно использования принадлежащих им средств производства и результатов.

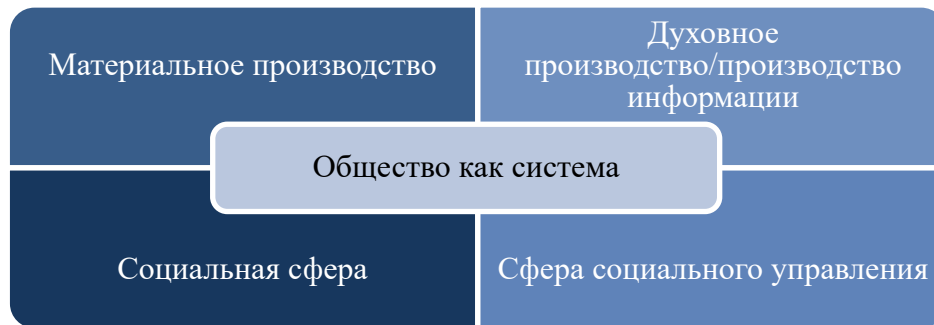
Собственность и власть как общественные отношения

Необходимо приять во внимание, что **собственность как общественные отношения существует в разных социально-исторических формах**, и забывать об этом очень важном различии, значит создавать грубую и искаженную картину социальных взаимодействий. Исторически первой и наиболее очевидной формой собственности была **коллективная или групповая**, то есть некая общность (можно называть её родом, племенем) была коллективным собственником, тем самым коллективным распорядителем средств производства, освоенных трудом этой группы, даже если имеется в виду некое пространство, которое является охотничьей территорией. Когда мы говорим об обработанной земле или о каких-то других формах уже преобразованного человеческим трудом богатства, то это становится само собой понятно. Очень важна мысль К. Маркса: **"В истоках собственности как общественного отношения лежит производительное присвоение"**. Обратим внимание на принципиальную важность этого положения. Племя охотников и собирателей, которое обитает на определенной территории, присваивает её просто самим фактом своего деятельного существования в этом пространстве. Тем самым оно становится в потенциальные или актуальные отношения ко всем другим группам, которые могут в этом пространстве появиться. На этом примере можно легко увидеть, что здесь лежат истоки возможных конфликтов интересов, потому что некий производительный фонд, некое богатство являются ценностью и вызывают соответствующие поведенческие реакции.

По мере нарастания специализации труда и усложнения системы взаимозависимостей в обществе обособляется и функция управления. Управление организовано взаимодействием и поведением, что связано с распоряжением средствами производства. В отличие от соображений моралистов в истоках присвоения какой-то доли общественного богатства лежит не жадность тех людей, которые его осуществляют, а необходимость управления сложно организованными взаимодействиями и сложноорганизованным коллективом. Здесь колоссальную роль играет разделение труда и производная от него интенсификация обмена, потому что эти

зависимости тоже достаточно легко различимы: специализированный труд вынуждает его субъекта (носителя квалификации) вступать в определенные отношения с иначе специализированными субъектами, которые дают ему то, что необходимо.

Обмен начинает играть колоссальную роль. К. Маркса сформулировал мысль о том, что ранние общества знали обмен, а современное общество живет обменом. Ранее мы выделили четыре сферы общественного производства, которые живут в систематическом обмене друг с другом: материальное производство, духовное производство/производство информации, сферу социализации общественных индивидов и сферу социального управления.

Рис. 3.1. Сферы общественного производства

Мы заняты в сфере социального воспроизводства образования, то есть в одной из отраслей сектора "социальная сфера", у нас есть здание, аудитория, оборудование, компьютеры и пр. Любая человеческая деятельность предполагает некое предметное богатство, которое производится в сфере материального производства. В свою очередь сфера материального производства организуется на базе тех знаний, которые вырабатываются в сфере производства информации и т.д. Обмен является основой всего, но он предполагает распорядительные полномочия, так возникает **феномен частного присвоения средств производства**. Здесь мы вступаем в область одной из самых напряженных дискуссий в сфере социального знания, которая длится до сих пор.

Наряду с отношением собственности Вторым по значимости, является **отношение власти**. Отметим их базовые характеристики:

- **собственность** (согласно устоявшемуся подходу) - **отношение объективное**, которое лежит в истоке формулы Маркса, говорящей о том, что люди вступают в определенные, необходимые, от их воли и сознания независимые отношения;
- **власть** - это **отношение волевое**, приведем точное и хорошо работающее определение **М. Вебера**: "Власть - это отношение, которое позволяет одному субъекту, одной стороне этого отношения отдавать обязывающие приказы и с высокой вероятностью ожидать их исполнения". В более простом варианте у М. Вебера есть следующая формулировка: "**Власть есть присвоение чужой воли**".

Дабы не впадать в крайности волецентризма, которые очень опасны (популярность Ницше это только доказывает), необходимо задать важный вопрос: в

какой именно деятельности возникает присвоение чужой воли? Это деятельность социального управления, то есть ситуация, когда одни люди получают возможность приказывать другим. По этому поводу в истории человеческой мысли было очень много всякого рода романтических заблуждений. Вспомним классику русской поэзии: "Но человека человек послал к анчару властным взглядом". Это арабски, орнамент, в основе лежит порядок, необходимость поддержания упорядоченных взаимодействий, то есть суровая проза социальной организации. По достижении какого-то порога сложности власть не просто проявляется (это было всегда, никакое организованное человеческое сообщество не существовало без властных отношений), здесь можно увидеть более сложный **процесс институализации власти**, то есть возникновение некоторых форм организации, которые предполагают выделение и соответствующее описание на лексиконе сообщества той позиции, которую занимают определенные индивиды, населяющиеся распорядительными полномочиями.

Стоит обратить внимание на очень важное сходство, потому что **и власть как общественное отношение, и собственность как общественное отношение - это распорядительные полномочия**. Говоря о собственности, мы имеем в виду распоряжение вещами, говоря о власти - распоряжение людьми. Весьма знаменательно, что на первых порах процессы социальной стратификации демонстрируют единение власти и собственности - это одни и те же люди, которые занимают одни и те же позиции в обществе и осуществляют распорядительную миссию. Это можно проиллюстрировать хорошо известным примером: этнографические и историографические реконструкции и наблюдения показали, что если взять две группы, одна из которых - охотники, которые добывают мясо и мех, а другая - рыболовы, которые добывают рыбу, то между ними существует хорошо известный феномен – обмен. Решение о порядке и объеме обмена принимают вожди, институциализованные лидеры, которые одновременно являются и собственниками, и властителями. Данный институт власти собственности - первая архаическая форма социальной стратификации, радикально отличная от модели, которая была описана **Энгельсом** в его знаменитой работе "**О происхождении государства, частной собственности и семьи**", потому что основной формой стратификации было не разделение земли на равные доли между теми, кто её обрабатывал, а интегральная подчиненность рядовых членов сообщества тем, кто являл собой общественную власть.

Важна точность характеристик: мы используем привычный оборот "**частная собственность**", по умолчанию имея в виду индивидуальную частную собственность, потому что это довольно распространенный в современном обществе институт. Нам кажется само собой разумеющимся, что какие-то объекты принадлежат конкретным индивидам., но эта характеристика далеко не исчерпывающая, потому что хорошо известен **институт групповой частной собственности**. В данном случае часть (в прямом смысле слова) - это часть, которая обособляет одну группу от всех прочих. Групповая частная собственность в работах Маркса получила наименование "**азиатская форма собственности**", её можно рассматривать на примере древневосточных цивилизаций, которые к тому времени уже довольно хорошо были осмыслены и описаны, тем самым попали в поле зрения аналитиков. Первым на

особенности этого порядка обратил внимание Гегель, но поскольку он был заядлым европоцентристом в рамках философии истории, то все, что не является Европой, мыслителем относилось к категории доисторического или внеисторического. К. Маркс, который мыслил гораздо более широко и основательно, в подготовительных работах к капиталу написал замечательный фрагмент, который последователям-марксистам долгое время был неизвестен. Спустя долгое время, при публикации фрагмент получил название "**Формы, предшествующие капиталистическому производству**" (русское издание 46 тома собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, часть первая, последний раздел тома). Там заложены основы того, что в последствии получило наименование "**теория общественно-экономических формаций**". Очень важным ключевым понятием является понятие "**способ производства**", то есть способ связи субъектов со средствами, орудиями и продуктами труда. У способа производства есть две стороны:

- **технологическая** (как способ связи) - наличие специализированных производителей, которые заняты определенного рода профессией, то есть производят определенного рода продукцию (токари, ученые, инженеры и т.д.). Это люди, которые владеют определенными навыками, квалификациями, компетенциями.
- **социальная или социально-экономическая** - связана с присвоением в буквально смысле слова, то есть с обретением распорядительных полномочий определенными субъектами, которые образуют определенного рода группы. Здесь главное - это организация общественного производства, собственники – это, прежде всего управленцы, потому что они распоряжаются и принимают решения относительно того, как должно быть организовано производство, какие ресурсы должны быть задействованы, а самое главное - каким образом должны быть использованы полученные продукты. Работает та логика, о которой мы говорили на предыдущей лекции: **потребление по своей структуре и по качественным характеристикам воспроизводит структуру производства**. Это необходимая и закономерная связь, это не является результатом человеческого произвола, который может сыграть какую-то роль, например, обусловить некие флуктуации. В стержне эта связь имеет **необходимый характер, потому что потребление является условием следующих циклов производства**.

Исторические особенности проявления института собственности

Данные рассуждения могут натолкнуться на скептические возражения, например, левая публицистика любит писать о том, что класс собственников - это класс паразитический. Этот тезис стал основой всей марксистской и квазимарксистской пропаганды, в особенности в эпоху Революции 1917 года в России. **Николай Бухарин** был одним из самых крупных русских марксистов, своей весьма знаменательно озаглавленной последней работе, посвященной политэкономии рантье, Н. Бухарин пытался оспорить ключевые идеи австрийской школы политической экономии во главе с **Ойгеном фон Бём-Баверком** и **Йозефом Петером. Рента** - это доход, который выплачивается собственнику теми людьми, которые использует принадлежащие ему

ресурсы. Классическим примером является основа основ феодального общества, то есть земельная рента. Существует английская модель: есть Landlord, господин земли и крестьяне, которые являются его арендаторами; богатства, комфорт, уровень жизни господина обеспечиваются той рентой, которые фермеры ему выплачивают, непосредственные производители продукта фермеры после того, как расплачиваются с арендодателем, являются распорядителями этого продукта. Этот тот случай, когда собственности нет, есть только аренда, но продукт принадлежит тому, кто его производит, с ним он идет на рынок, что практически является формулой раннего капитализма. Что может быть лучшей иллюстрацией для тезиса о паразитизме, чем подобная картина? Есть хозяин земли, в лучшем случае выполняющий какую-то представительскую функцию, есть люди, которые работают и вынуждены выплачивать ему определенную часть дохода, потому что хозяин земли обладает статусом собственника, то есть является получателем статусной ренты. Есть ли позитивная функция хозяина земли, которая имеет общественное значение с точки зрения воспроизводства общества как целостной системы, которая не сводится к представительским функциям и обеспечению уровня культуры, образования и пр., есть ли то, что называют "производительная роль"?

Одним из самых замечательных фрагментов первого тома "Капитала" является 24 глава **"История первоначального накопления"**. Маркс очень образно охарактеризовал трагизм истории: **"Прогресс пьет нектар из черепов им убитых"**. В связи с изменением технологической вооруженности труда и, соответственно, появлением новых возможностей насыщения потребительского рынка резко возрастает ценность сырья, необходимого для производства шерсти. Тогда появляется то, что историки назвали **"огораживанием"**: хозяин земли, сам или при посредстве советников понимает, что если он выгонит со своей земли арендаторов, которые заняты производством зерна и овощей, а на их место пустит овец, то доход его поместья резко возрастет, потому что на шерсть есть спрос, который продиктован тем, что в городе существуют первые механические фабрики по её обработке. Спикер Палаты общин в Англии до сих пор сидит на мешке с шерстью, потому что она была источником богатства Англии в XVIII - XIX веках. **Огораживание заложило основы уже промышленного производства и промышленной организации, которая именуется капитализмом.** Конечно, это явление возникло ситуативно, трудно отрицать (особенно при архаических формах организации), что есть паразитизм. Сам по себе институт собственности может проявляться в разных исторических контекстах очень разным образом, особенно чудовищна та его форма, которая объединяет собственность на средства производства с собственностью на людей - рабовладение или то, что не очень точно именуется крепостным правом. "Крепость", "быть крепким" в русском языке означает быть обязанным. Когда Чичиков занимался торговыми операциями, то составлял и потом подписывал в Торговой палате купчие крепости. Крепостной крестьянин - это крестьянин, который прикреплен к земле. Юрьев день в старой юридической русской традиции ошибочно описывают как возможность для крестьянина поменять хозяина, которого не было, потому что помещик не является собственником. Испоместить дворянина, значит назначить его надзирателем, который

обязан обеспечить свою службу. Существовал поместный приказ русских великих князей, который владел тем, что сегодня называется земельным кадастром. За определенной землей закреплялись определенного рода обязательства в отношении государства, прежде всего это была военная экипировка. Большая часть войска русских князей - это иррегулярная дворянская конница. Дворянин-помещик по призыву царя должен был прийти со своим конем и оружием, если поместье было богатое, то ещё и с боевыми холопами, тоже экипированными либо холодным оружием, либо пищалями огневого боя. Ежели дворянин являлся на смотр недолжным образом экипированным, то соответствующие приказные чины обвиняли его в воровстве. Дело могло очень плохо закончиться, известны юридические акты, свидетельствующие о том, что помещика-дворянина подвергали торговой казни, рвали ноздри, наказывали батогами и отправляли в Сибирь, а на его место испомещали другого. У помещика была власть, у государства - собственность. **Очень долгое время в России основные производительные фонды были собственностью государства, а не частных лиц.**

Крепостное право в Росси утвердилось после указа Петра III, который называется "**О вольности дворянства**". Это была своего рода революция, потому что этим указом разрывалось владение землей и государственная служба, отныне помещик не обязан был являться на службу, а земля, которая по факту закреплялась за ним и его семьей, становилась его частной собственностью. Данный указ - это указ о появлении частной собственности на землю в разрушенном государстве. Несмотря на то, что существовали крупные латифундии и т.д., четкого юридического оформления это не имело. Именно этим указом крестьяне, которые были крепки земле, теперь становились собственностью помещика, появился человеческий рынок. Если называть вещи юридически корректно, то **крестьяне перестали быть крепостными, этим актом они стали рабами, потому что стали товаром, который можно было покупать и продавать отдельно от земли.** Чичиков покупал "мертвые души" на вывод, то есть якобы приобретал в Черниговской губернии земли, для работ на которых ему были необходимы крестьяне. Чичиков делал это для того, чтобы отдать крестьян в залог, получить ссуду и начать коммерческое дело, таким образом, Чичиков был капиталистическим предпринимателем. В истории России иногда можно гораздо больше понять, читая Гоголя, а не академические работы.

По мере усложнения специализированного труда и форм взаимозависимостей начинается достаточно долгий процесс, который может быть назван процессом эмансипации власти и собственности. Начинается отделение институтов социального управления людьми от институтов социального управления вещами. Именно так этот процесс характеризует Энгельс: "**Управление людьми отделяется от управления вещами**". Частная собственность, связанная с организацией производства и обмена - институт одного порядка, собственность, являющаяся уже не собственностью, а властью, то есть монополизацией управленческих полномочий - это другой процесс.

Картина классово́й структуры общества:

- **Класс собственников**, у которых существуют объекты распоряжения, объекты собственности. Данный класс делится на две большие подгруппы:

- люди, непосредственно занятые **управлением крупными модулями производства**, сегодня они называются предпринимателями;
  - люди, которые **соединяют частную собственность с собственным трудом**, то есть фермеры. Эта группа получила наибольшее распространение в Америке после американской революции.
- Класс, который лишен средств производства, но обладает частной собственностью на специфический товар, марксистская традиция именует **"рабочая сила"**. Это носители **трудовой квалификации**, которую они теперь могут продавать на возникшем рынке труда, что является следствием нарастающего разделения труда. Слово "трудящиеся" - не очень информативное слово, потому что есть трудящиеся собственники, а есть те трудящиеся, которые ничем, кроме трудовой квалификации не обладают, это разные социальные группы.

Что касается внешней стороны, то **развитие общественного производства** организуется следующим образом: возникает три субструктуры общего социально организованного рынка: **рынок капиталов, рынок товаров и рынок труда**. Каждый из них специфическим образом сегментирован внутри себя, потому что капитал бывает промышленный, торговый и финансовый.

По мере того, как деньги становятся все более интенсивно работающим средством оценки состояния производства, распорядительные полномочия концентрируются в руках финансистов. Это то, что в последствии в классической работе В.И. Ленина получило характеристику **"банковского слияния с промышленным"**. Оно осуществляется известным образом: банки покупают акции промышленных предприятий, то есть доли на объекты, которые акционируются. Это достаточно сложная система, которая обладает свой собственной динамикой: рыночная конъюнктура, спрос и предложение, балансирование, циклические законы и пр. Нас интересует отношение класса собственников, класса непосредственных производителей и государства как аппарата управления.

Формула Маркса, которую потом многократно эксплуатировали все левые политики и публицисты, гласит: "Существует экономически господствующий класс - класс собственников средств производства". Этот класс является основным представителем общества. Поскольку массу трудящихся невозможно удержать в повиновении в силу их численного превосходства, то создается специальный институт - государство. Оно принуждает не заинтересованных в этом людей придерживаться принятых, устоявшихся форм социальной организации. Иначе говоря, существует убеждение, что вектор государственного принуждения всегда направлен вниз, к трудящимся. Аргумент заключается в том, что этот несправедливый порядок, где есть богатые собственники и те, кто работает и подчас лишен самого необходимого - может удерживаться только силой, и государство есть институт насилия господствующего класса над трудящейся массой. Именно этой схемой руководствовалась партия социал-демократов, которая потом стала партией большевиков. Именно эта идеология была

положена в основу социалистического преобразования общества, которое должно было передать государственную власть из рук господствующего класса буржуазии в руки пролетариата. Ключевым положением идеи Маркса о пролетарской революции было утверждение, что интересы собственников средств производства и интересы наемного персонала (пролетариат - это наемный персонал, который живет на зарплату) - это интересы антагонистические, они никак не могут быть примерены, все удерживается в относительном порядке только насилем. Эти идеи разрабатывал непосредственно К. Маркс, они положены в основание "Коммунистического манифеста". Попытаемся доказать, что "Коммунистический манифест" написан вопреки логике "Капитала", согласно логике которого, а также логике последующего социологического анализа классы как средство разделения труда обладают неким общим солидарным интересом. Этот интерес в сохранении устойчивой системы взаимодействия называется организационным. Данная система ассиметрична, она приносит некие преференции одним и удерживает основную массу населения в достаточно сложном положении, но грубой ошибкой будет сделать из этого вывод, который сделал Руссо: "Богатство одних является следствием ограбления других". Именно этот вывод делает вся марксистская публицистика. Ограбления не может быть, потому что рынок труда в капиталистическом обществе построен на принципе эквивалентного возмещения, и никто иной, как Маркс это показывает. Если сформулировать квинтэссенцию, то идея такова: рабочий получает стоимость не своего продукта (что невозможно), а стоимость своего труда, а прибавочная стоимость, являющаяся источником дохода капиталиста - это условие расширенного воспроизводства. К. Маркс показывал, что если на выходе люди получают продукт, равный по своим характеристикам затраченным ресурсам (сырью, энергией и труду), то общество не развивается, а просто потребляет то, что произвело. Для того, чтобы развиваться, необходим некий ресурс, добавленный источник, который можно инвестировать в расширенное производство. Им и является прибавочная стоимость, что хорошо показано **Йозефом Шумпетером**, крупнейшим теоретиком экономической науки первой половины XX столетия в книге "**Капитализм, социализм, демократия**". Й. Шумпетер пишет о том, что Маркс никогда не ставил под вопрос, что рабочий получает полную стоимость своей рабочей силы сообразно тому, что она стоит на рынке труда, потому что потребление есть условие воспроизводства рабочего как носителя квалификации, капиталист в нем заинтересован (к вопросу о мнимом антагонизме интересов). Невозможно представить предпринимателя без рабочей силы, как и рабочую силу - без организатора производства. Конфликт интересов есть, но он ситуативный и может быть разрешим разными средствами. Для этого существуют профсоюзы, забастовки, трудовое соглашение, то есть инструменты балансировки интересов классов предпринимателей и непосредственных производителей.

Нищета ужасала мыслящих людей XIX века и была блистательно описана во множестве художественных произведений. Первый автор - это Диккенс, Маркс обличает тот капитализм, который был описан именно этим писателем. Действительно страшно, что в демократической Англии продавали детей (Оливера Твиста продали за 5 фунтов), в реалиях 30 - 40-х годов XIX столетия данное явление было проявлением

определенного уровня технической и организационной вооруженности человеческого труда. Решить эти проблемы методами перераспределения "отнять - поделить" в принципе было невозможно, история показала множество опытов такого порядка. делили. Как правило, получалось ещё хуже, потому что организация производства в масштабах общества в условиях высокой специализации предполагает определенную квалификацию, компетентность, умение управлять сложными процессами, даже если это процессы движения денег, которые репрезентируют состояние народного хозяйства. Если попытаться решить эту проблему ликвидируя институт частной собственности и предпринимателей как класс, то по логике самого процесса это означает передачу распорядительных полномочий. Кто будет принимать решения? Ответ известен: коллектив трудящихся, которые теперь должны будут на общем собрании разрабатывать инвестиционную стратегию. Такой опыт существовал, когда после победы Великой октябрьской социалистической революции была предпринята очень серьезная репрессивная акция против оппозиционеров в самой партии большевиков, которые характерно именовались "рабочая оппозиция". Оппозиция возглавлялась **Александром Шляпниковым и Александрой Колонтай**, которые требовали, чтобы полномочия по управлению предприятием были у коллектива рабочих, но большевики сочли, что это - анархия, которую допускать нельзя, управление должно быть централизованным. Со временем большевики пришли к замечательной модели, известной в древней Ассирии и египетским фараонам, когда все ресурсы принадлежат государству, и назвали её социализмом.

Лекция 4. Фундаментальные принципы и закономерности социальной организации

Необходимые характеристики процесса и структуры социальной организации

Продолжая рассмотрение фундаментальных принципов и закономерностей социальной организации, её образующих начал и механизмов изменения, мы будем говорить и о социальных группах, и об институтах. Необходимо сразу отметить, что некорректно отождествлять социальную группу и институт:

- **институт** - это нечто рукотворное, всегда создаваемое людьми, хотя и под влиянием необходимости;
- **социальные группы** иногда возникают спонтанно, стихийно.

Задача философского знания - выявить некие необходимые характеристики и процесса, и структурных композиций. Следуя почтенной философской традиции, мы рассматриваем всё, что нас интересует, именно с этой точки зрения под знаком необходимости. Коль скоро мы имеем дело с человеком и его деятельностью, то возникает вопрос о свободе. В этой связи необходимо вспомнить очень важное положение: человек **свободен только в пределах необходимости**, он свободен в способе, выборе способов и путей реализации необходимости, но отменить её или

разрушить человек в принципе не в состоянии, это невозможно. Нас интересует именно поле возможностей, которые деятельностью человека претворяются в действительность. Есть некий коридор возможностей, в котором реализуется необходимость самоподдержания или "необходимость воспроизводства социальных образований" (если говорить об этом в терминах Маркса). Необходимо иметь в виду ещё одно важное соображение: со времен Аристотеля над философией тяготеет проклятие **представления о финальной причине** (лат. *causa finalis*), она же - целевая причина. Поскольку деятельность человека целесообразна (что неоспоримо), то возникает вопрос: применимо ли к анализу социальных процессов, процессов человеческой деятельности представление о конечной причине? В этой логике следует **Гегель**, потому что его представление об историческом пути и о необходимости этого пути как раз всецело укладывается в концепцию *causa finalis*. Этой конечной причиной является стремление духа к самопознанию, когда это совершенное состояние достигается, то настает конец истории, потому что то, что её движет, согласно этому представлению, уже прекращает своё действие.

Очень долгий опыт размышления, в том числе и опыт осмысления таких фундаментальных концепций, как концепция Гегеля приводит к пониманию того, что никакой финальной, целевой причины в аристотелевском или гегелевском смысле в истории нет. Если возможно говорить о целевой причине или о целесообразности процесса, то это только **цель самоподдержания**. Необходимо сразу обозначить акценты: мы достаточно часто будем говорить о закономерностях, но необходимо иметь в виду, что это ни в коем случае не закономерности прогрессивного, восходящего движения. Можно с полной уверенностью заявить, что никакого закона прогресса в истории нет. Если совершается некое движение или изменение, которое люди квалифицируют как прогрессивное, то это происходит не потому, что реализуется некий закон прогресса, тут работают другие причины и механизмы. Хорошей иллюстрацией может служить совершенно бесосновательно предложенное Гегелем деление народов на две категории: **исторические и неисторические**. Исторические - это те народы, которые прошли путь восходящей эволюции: азиатские народы, которые Гегель именуется "Ближневосточное государство", государства Месопотамии или Северной Африки, античные народы - греки и римляне, германцы. Всё остальное - это вообще непонятно что такое. Коль скоро Гегель утверждает, что человечество вообще возникло как некое необходимое средство для реализации целей абсолютного духа, то непонятно зачем этот самый абсолютный дух наплодил такое избыточное количество населения, потому что в количественном отношении так называемые неисторические народы явно превосходят привилегированные народы, которые должны реализовать всемирный исторический замысел. При всей значительности гегелевского наследия необходимо признать, что данное деление народов должно быть отброшено, а если и использоваться, то только для утверждения обратного.

Это не означает, что в истории нет закономерностей, закономерность есть, но она единственная, мы поймем её суть, если используем понятия, которые используются в анализе органической эволюции, эволюции живых организмов. Это понятие "**адаптация**", для того, чтобы сохранять себя, чтобы воспроизводиться, в том числе

имея в виду, что воспроизводство осуществляется в меняющихся условиях, поведение людей и человеческая деятельность должны быть адаптивными. Важное уточнение: деятельность отличается от поведения животных тем, что она не просто адаптивна, она **адаптивно адаптирующая**. Эта способность менять условия среды для поддержания своего собственного существования, меняясь благодаря разумно направленной орудийной деятельности является тем, что отличает человеческую историю от органической эволюции, но не отменяет базовых принципов. Самый простой и на сегодняшний день актуальный пример: если люди своим вмешательством разрушают какие-то параметры среды обитания таким образом, что она перестает быть пригодной для выживания, то они ставят перед собой очень серьезную задачу - восстановление этих параметров своими целенаправленными усилиями, с чем сейчас и столкнулось современное человечество. Что касается исторических и неисторических народов, то необходимо иметь в виду, что прогресс реализуется только при определенных условиях, до настоящего времени сохранились так называемые первобытные народы, которые живут в условиях устойчивого равновесия, устойчивого гомеостаза очень мало отличаясь от своих предков, хотя их эволюция насчитывает те же десятки тысяч лет, что и эволюция других человеческих популяций. Это происходит потому, что ими найден способ существования и нет никакой нужды его изменять, идет монотонное воспроизводство. В устойчивом балансе со средой извлекается нужное количество ресурсов и имеет место "**простое воспроизводство**", если воспользоваться терминами экономической науки. В иных ситуациях мы должны иметь дело с воспроизводством, которое в терминах экономической науки называется "**расширенным**", а для этого необходим некий ресурс. Вспомнив, что поведение человека и человеческая деятельность должны быть адаптивны, здесь уместно ввести некую условную количественную характеристику - **коэффициент адаптивности**. Все человеческие усилия в принципе могут характеризоваться или измеряться при помощи этого понятия. Речь идет о том, что применяемые технологии, формы организации, культурные стереотипы, стандарты и ценностные установки могут очень широко варьировать от одного общества к другому, от одной культуры к другой, но эти вариации могут сравниваться между собой именно с позиций коэффициента адаптивности, то есть насколько они адаптивны. Это весьма серьезный критерий, который позволяет произвести объективные оценки, избегая ценностной ангажированности, предвзятости и т.д. Речь идет о вещах достаточно объективных, всё верифицируется, необходимо подчеркнуть, что подобного рода исследования следуют фундаментальному принципу научного знания, они должны быть свободны от какого-либо рода предвзятости.

Формы иерархической социальной организации

С этой точки зрения мы будем говорить и о формах социальной организации, имея в виду прежде всего те ситуации, когда социальная организация обретает иерархический характер, становится **стратифицированной**, то есть обретает некие страты. Если использовать привычный сейчас оборот, то в обществе возникают группы господствующих и подчиненных/зависимых, управляющих и управляемых. Необходимо понять, что управление есть необходимая черта человеческих

взаимодействий, это явление существовало всегда, потому что **понятие "управление" неразрывно связано с понятием "организация", понятием "поддержание уровня организации"**. Мы имеем в виду совершенно специфические формы организации отношений управляющих и управляемых, связанные именно с монополизацией распорядительной функции, распоряжением ресурсами, то есть то, что называется **"возникновение классов"**. Очень часто задается вопрос: почему мы должны принять точку зрения Маркса, марксистской концепции, согласно которой важнейшим признаком (по которому мы не только различаем), фактором образования класса является отношение к средствам производства? Это понять не трудно, потому что именно отношение к средствам производства, то есть обретение распорядительных полномочий в отношении этих средств делает возможным осуществление функций социального управления.

В этой связи мы выходим на второе по значению после понятия "собственность" понятие **"власть"**. Власть, в отличие от собственности, которую всегда необходимо понимать, как общественное отношение - тоже общественное отношение, но общественное отношение волевое. Самым удачным определением существа этого отношения является определение, которое было дано **Максом Вебером: "Власть - это присвоение чужой воли"**. Если взять более развернутое определение, то Вебер пишет, что власть - это такой статус, который позволяет отдавать обязывающие приказы и с высокой вероятностью ожидать их исполнения. Весьма характерно, что первой формой социальной стратификации, то есть **первой формой классового общества** была форма, где институт власти теснейшим образом, можно даже сказать неразрывно был связан с собственностью. Мы имеем дело с так называемым **единством власти и собственности**, когда люди, которые осуществляют функцию социального управления, обладают распорядительными полномочиями и в отношении материальных ресурсов, предметных средств деятельности, и в отношении человеческих действий, и это является неразрывным. Маркс в своем анализе подобную форму организации именовал **"азиатской формой собственности"**, следуя Гегелю, который писал о восточном деспотизме. Постольку эта типологическая характеристика не очень удовлетворительна в силу региональной привязки, поскольку известно, что подобного рода формы организации существовали в Древнем мире и за пределами Азиатского и Ближневосточного региона (Южная Америка, Мезоамерика), то современная терминология такого рода организацию именуется политархом. **Политарное общество** - это общество, где собственность на средства производства принадлежит институту государственной власти. Это явление наблюдается в первых формах государства: Месопотамия, Сирия, Вавилон, Древний Египет, а также в империях ацтеков и инков. Парадоксальным образом мы наблюдаем это в социалистических государствах, потому что Советский Союз даже юридически утверждал, что собственность, которая именовалась общенародной, является собственностью государства. И не только государства, распорядительные полномочия принадлежали и государственному аппарату, и институтам государственной власти во всех их разветвлениях.

Важнейшим выводом из такого положения вещей является тезис о том, что таким образом обособленные социальные группы или классы, обладают несходными

интересами. Собственно, этим и объясняется возникновение государства и права, потому что среди множества человеческих интересов одним из самых важных и стабильно удовлетворяемых является **организационный интерес** - заинтересованность в поддержании устойчивой формы социального взаимодействия, устойчивой формы социальной организации. Общество вообще существует как некое единое системно организованное целое, для того, чтобы его целостность и единство сохранялись, поведение входящих в него людей по преимуществу должно быть солидарно, то есть **механизм удовлетворения организационного интереса** - это минимизация конфликтного поведения и максимизация поддержки, взаимопомощи и т.д.

Существует достаточно интересная гипотеза, которая многое объясняет, речь идет о причинах победы наших предков кроманьонцах, которые относятся к человеческому типу Кро-Маньон, над неандертальцами, которые принадлежали к другой ветви homo sapiens, к другой физической разновидности человечества. Хорошо известно, что на протяжении довольно долгого времени эти сообщества сосуществовали, между ними наличествовала конкуренция. Конфликты очень часто принимали характер борьбы на уничтожение, хотя одновременно, как свидетельствуют генетические изыскания, происходила и некоторая ассимиляция. Вопрос заключается в следующем: почему кроманьонцы, которые, судя по останкам обоих типов, которых было найдено достаточное количество, будучи физически менее крепкими, чем неандертальцы (homo robustus), в конечном счете все-таки выиграли в конкурентной борьбе, и неандертальцы как вид человечества исчезли? Анализ эндокрамов (черепных коробок) пусть очень грубо, но все-таки достоверно позволяет установить архитектуру мозговой ткани, то есть понять, как утроен мозг. Выяснилась весьма любопытная вещь - неандертальцы обладали очень любопытным отличительным признаком - у них были существенно менее развиты височные доли коры мозга. Современным нейрофизиологам и психиатрам хорошо известно, что именно в них локализованы центры, которые отвечают за отторгивание аффективного поведения, грубо говоря, они сдерживают эмоции. Это позволяет предположить, что неандертальцы обладали взрывным, вспыльчивым характером и не очень умели тормозить агрессию, что не способствовало солидарному поведению. Гипотеза состоит в том, что в силу этой психофизической особенности сообщества неандертальцев были менее солидарными и устойчивыми, что в итоге позволило их конкурентам победить и вытеснить их с территории обитания.

Для нас это интересно именно в том отношении, что **общество, которое не обладает средствами предотвращения групповых конфликтов - это общество очень уязвимое**. Конфликт интересов - вещь объективная и от человеческого произвола не зависит, извольте решить задачу - поддержать устойчивость организованного сообщества в условиях высоко вероятных внутренних столкновений. Отсюда вытекает изменение нормативной регламентация поведения. Об этом необходимо сказать особенно, потому что помимо психофизической организации колоссальную роль играют **правила социального поведения**, то есть те стандарты, те требования, которые сообщество предъявляет каждому своему члену. В следствии наличия массы данных хорошо известно, что в архаических первобытных обществах,

где не было устойчиво воспроизводимой стратификации (если и было неравенство, то оно было ситуативным), доминировала **норма абсолютной солидарности** для своих соплеменников. По этой причине появились привычные нам стереотипы "братская любовь", "братская дружба", "побратим" и т.д. Члены первобытных обществ считались родственниками, этот взгляд сохранялся в течение очень долгого времени. В воинских дружинах обряд побратимства был обязателен для всех поступающих, чаще всего он представлял собой смешение крови, когда два воина наносили себе поверхностное ранение и смешивали кровь, тем самым становясь братьями, что обязывало их к солидарному поведению. "Сам погибай, но товарища выручай" - на этом условии воинское сообщество, дружина было более дееспособно и боеспособно. Задачу поддержания солидарного поведения необходимо было обеспечить и в условиях значительно численно большей группы с отчетливо выраженным неравенством. Как следствие возникает трансформация институтов социального управления или институтов общественной власти, **начинается институционализация власти**, соответственно, вырабатываются нормы и правила поведения, которые теперь требуют не только и не сколько солидарности, сколько подчинения. В культуре общества возникает очень важная составляющая, которая теперь общеизвестна под названием "**легитимация господства или власти**" и является обоснованием правящих на осуществление власти и согласие управляемых на то, что они будут этой власти подчиняться. Без решения этой задачи никакое государство существовать не может, при этом (с учетом конфликта интересов) начинает гораздо большую роль играть принуждение.

Возникают специализированные институты разрешения конфликтов, имеется в виду суд. Если взять любые источники первых эпох цивилизации, например, Библию или Коран, то там мы легко обнаружим, что понятие "царь" и понятие "судья" являются практически неразличимыми, поскольку всякий царь прежде всего осуществляет судебную функцию (например, "Суд Соломона", Соломон - это библейский персонаж). Соответственно, в культуре возникает тематика праведного суда, правильного суда, неправедного суда и т.д. В силу того, что общество начинает делиться на имущих и неимущих, бедных и богатых, одновременно возникает трансформация соответствующих этических представлений. Об этом очень хорошо писал историк **Леонид Сергеевич Васильев**, говоря о сменах ценностных стереотипов. Если в архаическом обществе, где не было устойчивого неравенства, богатый человек - это человек который раздавал свое имущество соплеменникам (например, удачливый охотник, который раздавал добычу тем, кто ею не обладал), то у этого богача был высокий статус, он пользовался общественным престижем. Л.В. Васильев использует следующий характерный оборот: **происходил постоянный обмен богатства на престиж**. С возникновением имущественной стратификации, которая сопровождалась стратификацией управляющих и управляемых, ценностные характеристики меняются и богатство становится ценностью постольку, поскольку оно накапливается. Возникает всякого рода моральное противодействие известной из Библии установке, которая постулирует, что богатому также трудно войти в царствие небесное, как канату в игольные уши. При всей своей неоспоримости данные инвективы остаются

бессильными, потому что подобного рода проблематику совершенно невозможно и недостаточно пытаться осмыслить в терминах моральной санкции или морального осуждения. Концентрация богатства в руках немногих людей является условием эффективного существования, потому что тем самым они получают распорядительные полномочия, связанные с удовлетворением не только исключительно повседневных и сиюминутных нужд. Появляется возможность создания некоторого стратегического резерва, что является наиболее важным критерием, потому что далеко не всегда эта возможность используется должным образом, может возобладать групповой интерес и даже интерес какого-то отдельно взятого человека, облеченного властными распорядительными полномочиями. Всё это история демонстрирует, возникает необходимость подключить коэффициент адаптивности, потому что когда управляющая группа игнорирует интересы общества как целого, то есть в её поведении и действиях, в использовании распорядительных и властных полномочий преобладает эгоистический групповой интерес, то такое общество с неизбежностью теряет в адаптивности. Соответственно, оно становится более уязвимым, поэтому такая упрощенная псевдомарксистская (хотя Маркс тоже несет здесь немалую долю ответственности) трактовка господствующего класса, как класса захребетников, класса паразитического, класса, который присваивает чужой труд без какой-то ни было отдачи - это очень огрубленные и не верные представления, потому что этот класс всё-таки конструируется как функциональная группа, которой является управление. Если функция управления осуществляется неудовлетворительно, а это вполне возможно, то несет потери все общество и тот же самый несостоятельный класс или группа управленцев. Когда мы вспоминаем очень популярный тезис Маркса о том, что предшествующая история была историей борьбы классов, необходимо воспринимать его с долей скепсиса, с щепоткой соли, как говорили латиняне, потому что это - борьба не на уничтожение (если она становится таковой, то общество разрушается), а за какое-то более-менее оптимальное распределение ресурсов. Необходимо помнить, что классы, конфликтуя, тем не менее зависимы друг от друга и нуждаются друг в друге и в нормальной ситуации более-менее устойчивого воспроизводства. Вечная мечта всех коммунистов - уравнильное распределение, в этих условиях невозможна.

Рассмотрим это на классическом примере того, как марксистско-экономическая теория объясняет и обосновывает неизбежность классовой борьбы: существует произведенный продукт, любой процесс производства характеризуется следующим образом:

Рис. 4.1. Процесс производства

Если люди затратили какие-то ресурсы в процессе создания нужного им продукта, стоимость которого равна $M+V$, то есть потребили всё, что произвели, покрыли затраты, то это - **простое воспроизводство**. Прибавочный продукт - это тот продукт, который не вошел в непосредственное потребление. Не аналитическая, а идеологическая аргументация состоит в том, что нехорошие собственники средств производства этот продукт присваивают, он произведен рабочими/трудящимися, а распоряжаются им собственники средств производства, которые получают статусную ренту, потому что присвоенная ими стоимость с этой точки зрения не произведена. Она присваивается именно в силу того, что они обладают статусом собственников, и это несправедливо. Данная логика ярче всего иллюстрируется трагедией, которая произошла с русской армией после того, как во время Февральской революции 1917 года Временное правительство издало очень демократическое установление, знаменитый приказ N1, который уравнивал в правах офицерский состав и рядовых военнослужащих. Это событие закончилось крахом: армия потеряла боеспособность, революционный товарищ Троцкий настоял на том, чтобы в состав Красной армии, которая защищала интересы пролетариата, ввести господ офицеров, потому что они носители профессиональной квалификации.

В этом случае тоже работает данная логика - распорядительные полномочия и есть источник развития. Представим, что люди пошли по пути уравнивателей и вернули производителям прибавочный продукт как доход, производители его трудолюбиво проели. Что будет происходить дальше? В России на излете Перестройки, переходу к демократическому устройству это было очень хорошо проиллюстрировано на мелких производствах, например, когда парикмахерская переходила в собственность коллектива парикмахеров, которые всю прибыль проедали, после чего заведение переставало существовать. Таких примеров можно привести сколько угодно много, довольно яркие иллюстрации подобной порочной формы организации дает опыт Югославии. В этой стране социализм отличался от советского. Лидер Югославии с 1945 года Иосип Броз Тито, был личным оппонентом и конкурентом Сталина. Дело дошло до того, что товарищ Сталин приказал убить товарища Тито. На сей счет есть интересные мемуары историка Иосифа Ромуальдовича Григулевича, который был одно время агентом советской внешней разведки, принимал участие в организации убийства Троцкого в Мексике, а потом был сопричастен к попыткам организации покушения на Тито. Суть дела в том, что Тито решил, что государственная собственность, когда распорядительные полномочия принадлежат государственной власти, Госплану, Госнабу и т.д. - это нехорошо, это не социализм. Собственность должна быть у трудящихся, поэтому Тито организовал свой социализм таким образом, что завод принадлежал коллективу рабочих, которые на нем работали. При этом завод оставался самостоятельной в экономическом отношении единицей и не был подключен к государственному бюджету (что произвели, что реализовали - на то и жили). Очень остро обозначилась проблема: если рабочие не хотели создавать резервный фонд, то есть капитализировать прибавочный продукт, а пытались превратить его в свой непосредственный доход в виде заработной платы, то перспектива развития такого предприятия съеживалась. Речь идет о неких объективных законах организации

управления, организации взаимодействия специализированных групп, которая от человеческого произвола не зависит. Мы можем, просто руководствуясь своими какими-то представлениями пусть даже и морального порядка, подчинить это взаимодействие неким нормам и правилам, а они могут оказаться контрпродуктивными. Соображения справедливости, особенно если речь идет об уравнилельной справедливости, развитию не способствуют, ему способствует только ответственное, целесообразное, стратегически дальновидное управление. Такого в данном случае тоже не наблюдается.

Классовая борьба как некий факт или стимул, который порождает определенного рода поведение, проявлялась по-разному: в каких-то конкретных исторических ситуациях мог преобладать групповой эгоизм, стремление одной или другой конфликтующей группы максимизировать свои интересы и оставить в забвении интересы всех остальных. Заканчивалось это катастрофой, потому что общество, даже стратифицированное, даже с резко выраженным имущественным неравенством всё равно должно обеспечивать массе своих членов возможность выживания, хотя бы потому, что члены сообщества - это носители трудовой квалификации. Это не достигается простейшим способом. Пример, который приводит Маркс (знаменитая 24 глава "Капитала", очень насыщенный и содержательный текст): **феномен огораживания** - это новая практика использования крупных земельных угодий, связанная с тем, что в городе появились новые промышленные механические средства переработки шерстяного сырья, вследствие чего резко выросла продуктивность фабрик при достаточно низкой себестоимости и при высоком качестве шерсти. Соответственно, возрос спрос на сырье, то есть на шерсть. Владельцы земли быстро сообразили выгоду и огородили свои поместья и территории, заменив арендаторов, которые выращивали сельскохозяйственную продукцию, на тех, кто ухаживал за овцами. Появилось знаменитое в ту эпоху выражение "**овцы съели людей**", но одновременно происходящее обернулось тем, что одним из проявлений этого процесса стала катастрофа арендаторов, потому что они оказались лишены источников существования. Будучи её арендаторами земли, которой они не владели, люди оказались её лишены, а город в прежних количествах вместить людей не мог, появилось избыточное население. Англия той эпохи - это довольно страшная картина, потому что большая группа людей (сотни человек, включая женщин и детей) были лишены всяческих средств существования и вынуждены бродяжничать. Подобная группа приходит в какой-нибудь маленький город, где есть какие-то средства жизнеобеспечения, можно представить, какой ужас начинался для обеих сторон. Государство было вынуждено принимать совершенно драконовские меры, бродяжничество как таковое было объявлено составом преступления. Если человек попадал в руки представителя государственной власти (шерифа, полиции, суда) и не мог предьявить свидетельство от том, что он работает, обладает каким-то стабильным источником дохода или является арендатором, то тем самым он уже считался преступником, которого клеймили, чтобы он был замечен. Если человек, будучи уже клейменным, попадался второй раз и опять не мог подтвердить источника своего существования то его вешали, несмотря на то, что он не совершил ни воровства, ни

грабежа, ни убийства. Подобными свирепыми наказаниями власть и общество пытались справиться с чудовищно тяжелой проблемой. Если бродяга попадался на воровстве, то по представлениям того христианского времени его варили живьем в кипящем масле, дабы другим было неповадно. Данные события зафиксированы в документах, среди которых есть законодательные акты, приговоры, свидетельства очевидцев и т.д.

Происходящее дало Марксу основание 24 главу "Капитала" завершить фразой: **"Прогресс пьет нектар из черепов им убитых людей"**. Тем не менее, это прогресс, ужас ситуации заключается в том, что если бы Англия не получила в свое распоряжение этот дополнительный ресурс, который пошел на строительство флота, на содержание военных моряков и армии, а также на создание эффективно действующего офицерского корпуса, то страна не смогла бы выиграть борьбу с Испанией, не была бы уничтожена знаменитая испанская армада. Бог помог, поэтому армаду разметало бурей, но решающую роль в её уничтожении сыграла не непогода, а английский флот, после чего Англия стала владычицей морей. Стартовый капитал, то есть эпоха первоначального накопления, о которой писал Маркс, это ужасы XV, XVI, начала XVII века. В качестве иллюстрации: с осмыслением этих реальных обстоятельств появляется концепция **Томаса Гоббса в "Левифане"**, согласно которой власть необходимо терпеть, потому что отсутствие власти, анархия является гораздо более страшным исходом для общества. Гоббс создает теорию суверена, который не может быть низвергнут, его власть не может быть поставлена под сомнение и т.д. Всё это с легкой руки пропагандистов преподносилось как идеология защиты господствующего класса, но это только часть истины, потому что такая идеология была, её не могло не быть, при этом необходимо понимать, что речь идет не поощрении аморального поведения (хотя таких примеров хватало), не о защите интересов отдельно взятой группы, а о том, что **общество стратифицируется** не вследствие человеческих пороков, жадности и властолюбия, а **с необходимостью**. В этом состоянии общество вынуждено прибывать достаточно долгое время, соответственно, трансформируются и его моральные установки, и формы взаимодействия социальных групп, и пр. Такое положение вещей сохраняется до тех пор, пока действует данный фактор.

Что лежит в истоке системы социального неравенства и почему она воспроизводится на протяжении тысячелетий?

Великий социолог **Питирим Сорокин** был членом партии эсеров и участником социалистического движения, у него был довольно хороший опыт во власти большевиков и, наконец, он был очень образованным человеком. П. Сорокин понимал, что **проблема социального неравенства является ключевой для любого социологического или социально-философского осмысления**. От ответа на вопрос "Что лежит в истоке неравенства?" зависит очень многое в дальнейших объяснениях. Сам Сорокин отвечал на этот вопрос, идя по стопам Платона: "Люди не равны, потому что они не равны от природы по своим способностям" (кому-то бог дал, а кому-то - нет). Этот ответ лежит на поверхности, он неверен (при всем почтении к авторитетам Платона и его последователей, которых очень много, включая П. Сорокина), потому

что способности человека не есть некая данность - они развиваются, и развиваются в совершенно конкретных условиях и обстоятельствах социокультурной среды.

Первый вариант: представим, что процесс социализации идет в условиях крайней нехватки ресурсов повседневного жизнеобеспечения, в отсутствии комфорта и психологической атмосферы и т.д. Второй вариант: предоставим, что семья обеспечена, имеется досуг, у её членов есть возможность посвятить свое время изучению искусств, знаний и т.д. Ясно, что в подобных случаях таланты людей распределялись неравномерно, это создавало и подпитывало иллюзию, что в социальных низах пребывают именно те люди, которым от природы это и назначено. Более того, в силу понятных обстоятельств возникала идеология отношения к нижестоящим как, в лучшем случае, к людям второго сорта, иногда дело доходило до ужасных вещей. Рассмотрим институт рабовладения в США (который Маркс очень хорошо анализирует). Это было рабовладение особого свойства, потому что это было рабовладение в тех предприятиях, которые инкорпорированы в систему рыночной зависимости. Начинается **максимизация извлечения прибыли, которая** хорошо известна на примере Древней Греции, в особенности Древнего Рима. Что происходило с ценами на рабов, когда появлялся их большой приток, в случае появления большого количества пленных? Цены падали, это означает, что падала себестоимость рабочей силы. Раба можно было легко заменить, а поддерживать в работоспособном состоянии, можно было эксплуатировать до последней возможности, а потом заменить на нового свежего человека, потому что это не наносило существенного ущерба интересам хозяев. Это называется **экономическим детерминизмом**, который сложно оспорить. Речь идет о том, что люди калькулировали свои выгоды и убытки, этим они занимаются с тех времен, когда обмен стал систематической деятельностью.

Что лежит в истоке системы социального неравенства и почему она воспроизводится на протяжении тысячелетий? Причину неравенства необходимо искать не в человеческой природе, а в объективной. **В истоке неравенства людей в обществе лежит неравенство видов труда, которое создается технологиями**, потому что неравенство видов труда - это неравенство квалификации. Очень простой вопрос: какой труд стоит дороже - квалифицированный или простой? Люди работают сообразно демократическому законодательству 8 часов в день, за них они производят некое количество продукции, в одном случае эта продукция дворника, в другом - программиста. Если попытаться уравнять 8 часов одного и 8 часов другого, то получатся сапоги в всмятку. Существуют возражения, которые сводятся к тому, что есть люди, которые богаты не потому, что они не обладают высокой квалификацией, а потому, что получают статусную ренту. На эту тему в свое время довольно интересно писал **Н. И. Бухарин**, книга которого называется "**Политическая экономия ренты**". Необходимо понимать, что, к сожалению, такое возможно, но статусная рента далеко не всегда используется на обеспечение личного потребления. Простое соображение на уровне обыденного здравого смысла - разве все миллиарды денежных единиц (долларов, фунтов, рублей), которыми располагают обладатели крупных состояний, идут на их личное потребление? Личное потребление производит впечатление (яхты,

дворцы и пр.), но это малая доля средств, большая часть которых находится в обращении.

Общество оценивает востребованность той или иной профессии, она не всегда линейна, а регулируется спросом и предложением. **Задача общества** (в случае, когда данная необходимость осознается) - **предпринимать планомерные усилия по минимизации напряжения и всякого рода социальной неудовлетворенности.** Задача общества состоит в том, чтобы свести к минимуму недостойные человека способы существования. Пока люди имеют дело с очень жесткой конкурентной средой, где решающим критерием успеха всё-таки является максимизация прибыли, они будут сталкиваться с тем, что, как справедливо написал Маркс, **"идея всегда отступала, если она входила в противоречие с интересами"**. Это грустная истина, ибо интерес объективен, что не означает, что мы пытаемся призвать к минимизации гуманно направленных усилий, речь идет о том, чтобы помнить завет Гиппократов "хотели, как лучше, а получилось, как хуже". Это очень страшная вещь, поэтому все реформаторы должны руководствоваться правилом "не навреди", если что-то пытаться изменить, то необходимо стараться принять в внимание последствия того, что выйдет из усилий и стремлений, потому что у человечества в XX веке было два страшных опыта: опыт советской системы и опыт нацистской Германии. Благие побуждения лидеров того и другого движения не подлежат сомнению, даже если речь идет о Гитлере и его соратниках, которые хотели сделать лучше для немцев. Что получилось в итоге, мы хорошо знаем, средства для решения этой цели были выбраны негодные, а именно средства определяют целереализацию.

В качестве некоторого общего итога отметим, что **социальная стратификация** не является следствием человеческого произвола - это **выражение необходимости человеческой формы социальной организации.** Общество вынуждено вырабатывать такие формы организации и управления, которые данной объективной необходимости отвечают, поэтому, сколько бы мы не занимались моральными инвективами, сколько бы не проклинали институт, который дает возможность одним людям властвовать над другими - это неизбежная при определенных условиях вещь. Единственное, к чему можно стремиться, чего следует добиваться - это **актуализация власти, повышение её эффективности.** В те времена, когда власть носила абсолютный характер, это было практически невозможно, поэтому противодействие завершалось "слепыми бунтами", вспомним великолепный афоризм А.С. Пушкина: "...российский бунт, бессмысленный и беспощадный". В современных условиях власть, конечно, должна находиться под контролем общества с тем, чтобы она была устремлена к решению своей **базовой задачи - координации взаимодействия специализированных общественных групп.**

Государство как институт общественной и публичной власти возникает в ответ на возникновение конфликтных интересов социальных групп. С этого времени порядок в обществе поддерживается посредством принуждения, потому что **государственная власть - это власть принуждающая.** Классическая проблематика, которой философия права занимается чуть ли не античных времен: что такое право? Приведем одно из очень распространенных определений, которое до сих пор любят

эксплуатировать юристы: право - это воплощение справедливости. Это утверждение хорошо только при том условии, что все понимают справедливость одинаково. Со времен Платона известно, что это не так, потому что существует как минимум два типа представлений о справедливости:

- **справедливость уравнительная** - коль скоро все мы - люди, которые находятся в одном и том же положении, то все должно делиться поровну. Это справедливость Руссо, плохо думающих коммунистов и прочих, сначала её попытались реализовать якобинцы, кончилось это печально.
- **справедливость, соразмерная с человеческим вкладом** - выражается эпиграфом к книге М.А. Булгакова "Театральный роман": "По уму, да по делам его". Это справедливость, соразмерная с человеческими усилиями, с ролью, которую человек играет в обществе.

Власть - это не привилегия, не насыщение воли к власти (здесь Ницше существенно навредил своим замечательными рассуждениями), прежде всего это ответственность за поддержание стабильного общественного порядка. Когда она осуществляет данные функции, тогда можно говорить о справедливости, о более или менее эффективных формах организации власти, что тоже является не последней проблемой. Тогда можно ответить на вопрос: что такое право? Здесь работает логика аристотелевских определений, Аристотель говорил, что для того, чтобы дать определение какого-то понятия, необходимо указать ближайшее родовое понятие и ввести специфические отличия. Родовым понятием по отношению к понятию "**право**" является понятие "**социальная норма**". В этой связи сделаем рискованное замечание, которое не лишено основания: человеческая культура, если определять её как способ человеческой деятельности, в своей основе нормативна, потому что культура в своей сердцевине в принципе - это всегда ответ на вопрос "знаю - как", то есть "знаю, как решить проблему". Это знание может носить характер обыденный, рецепторный, отрефлектированный (наше знание должно быть таким). Если мы говорим о **нормативности культуры**, то важно отметить два класса, два типа норм:

- **нормы обращения с вещами** - регламенты добывания и преобразования средств жизнеобеспечения. Это и регламенты работы с информацией - далеко не последнее дело, учитывая роль, которую информация играет в жизнедеятельности человеческих коллективов;
- **социальные нормы в узком смысле** - регламенты социального взаимодействия, нормы, которые обязывают, рекомендуют, предписывают, запрещают.

Право - это разновидность социальной нормы, за которой стоит принуждающая власть государства, но не вообще принуждение. На вопрос "Чем отличаются моральные нормы от правовых?" обычно звучит ответ: правовые нормы осуществляются принудительно. Это не совсем точно, потому что в первобытном обществе тоже были нормы, которые осуществлялись принудительно, но принуждало к их исполнению

общество в целом, весь коллектив. Мы говорим об институализации власти/господства и, соответственно, о специфике нормотворчества: как профессиональная деятельность появляется законодательство, как правоприменительная практика появляется суд. Это специализированная деятельность, поэтому возникает проблема взаимодействия специализированных ветвей власти. Рецепт, если вспомнить Гоббса, заключается в том, что суверенитет не делим, поэтому все виды власти должны принадлежать верховному властителю. Это очень опасно, метафора не аргумент, но вспомним старую истину: **"Всякая власть развращает, но абсолютная власть развращает абсолютно"**. Опасность монополизированной, централизованной или гиперцентрализованной власти в том, что она сама себе обрубаёт каналы обратной связи, становится неконтролируемой, теряет горизонт, в целом менее эффективна в исполнении своего главного назначения. Речь идет не о ценностных приоритетах (кто-то верит в демократию, кто-то - в Царя Батюшку), не о вере и не о легитимации (это всё присутствует, но является производными, привходящим), главное - **функциональная состоятельность**, то есть способность организовать институт управления для того, чтобы он максимально отвечал своему назначению. В споре с Гоббсом совершенно прав Локк, который говорил, что власть тогда будет эффективной, дееспособной и состоятельной, когда её специализированные ветви будут автономны, когда будет обеспечен **институт разделения властей**, когда власть в целом будет подконтрольна обществу, то есть властные полномочия будут делегироваться посредством выборов. Это важно, потому что сохраняет каналы обратной связи от власти к обществу, соответственно, власть минимизирует риск потери ориентации, потери горизонта, она перестает сама себя в этих условиях воспринимать как некую высшую ценность. Тут подключаются психологические механизмы, но нам важен именно функциональный анализ, потому что в истоке лежит именно он.

Осуществление власти - это одна из разновидностей разделения труда. Предполагается, что здесь, особенно когда мы говорим о власти высокоспециализированной, необходима квалификация. В.И. Ленину очень часто припоминают ту самую знаменитую кухарку, которая должна управлять государством. Ленин был человеком увлеченным, но такой глупости не говорил, он говорил, что кухарке необходимо дать возможность управлять государством, то есть необходимо её научить. Товарищ Сталин шел по другому пути, он номинально назначал во властные институты людей "от станка, от сохи", во власти были представлены все профессии. Всё было замечательно, кроме одного - эти люди были власти лишены, потому что она была сосредоточена в аппарате, а они были весьма дорогостоящей вывеской. Например, в Советском Союзе существовало несколько видов иерархии в номенклатуре: номенклатура партийная, государственная и номенклатура советская, плюс особая номенклатура органов правопорядка. Самым страшным наказанием для партийного работника, который проштрафился, был перевод в систему государственных или советских учреждений, потому что при номинальном равенстве это было катастрофой. Главного секретаря Минского горкома, который спился, направили послом в Пхеньян, где он трудолюбиво продолжал свое привычное занятие, но "пил горькую" уже потому, что никаких перспектив карьерного роста у него не

было. Это классический пример замыкания властных институтов на самих себе. В этой связи необходимо прочесть замечательную книгу **"Номенклатура" Михаила Восленского**, где вся система организации власти в Советском Союзе была вскрыта и проанализирована. В том же ключе написал свою книгу другой известный деятель диссидентского крыла коммунистического движения, сербский исследователь Милован Джилас, который одно время входил в близкий круг Сталина. Он написал на эту тему очень интересные мемуары, а также книгу, которая называется **"Новый класс"**, где речь идет о системе власти в социалистических государствах.

В этой связи мы возвращаемся к вопросам о высокой теории: классическая марксистская теория говорила, что есть класс собственников средств производства, а также государственный аппарат института власти, который прежде всего обслуживает и обеспечивает интересы класса собственников. Данная классическая схема (как и все схемы) очень уязвима, но доля истины в этом есть. Оппоненты возражали против теории политарного общества как раз на том основании, что государство - это одно, а класс - это другое. Простейший анализ института власти и собственности показывает, что это прекрасным способом может соединяться, то есть одни и те же лица являются и членами аппарата власти, входят в государственную власть, тем самым они же являются собственниками средств производства, потому что распорядительные полномочия принадлежат институтам. Тут важно помнить очень важную вещь: люди говорят "государство, суд, прокуратура, министерство действует", но это **метафоры, потому что действуют только люди**, и никто другой. Люди воспринимают информацию, в меру отпущенного им они её осмысливают, оценивают, принимают и реализуют решения. Но это люди, обладающие определенным статусом, облеченные определенными полномочиями, тем самым выполняющие необходимую для общества работу. Критиковать власть - занятие обоюдоострое, где всегда есть две стороны: с одной стороны, всякая критика власти наносит ущерб её легитимизму, с другой - власть, которая лишена всякой критики, теряет механизм обратной связи. Необходимо пройти между Сциллой и Харибдой, потому что анархия не даст решения, точно так же не даст решения гиперконцентрация власти. Необходимо искать **механизмы, которые будут балансировать** эту довольно сложную и очень хрупкую систему зависимостей, которая не может быть установлена раз и навсегда, а требует целенаправленных усилий по поддержанию на предмет эффективности.

Эффективно то государство, которое стремится к обеспечению интересов общества, а не отдельно взятой группы. Хотя возможно и второе, но всякий раз, сталкиваясь с подобным использованием власти, можно уверенно говорить, что это контрпродуктивно, противоречит общественным интересам и дает людям право противодействия. Поскольку мы упомянули модное сейчас слово **"легитимация"**, то необходимо зафиксировать, что существует её специальная разновидность. На эти темы довольно много и толково писал немецкий правовед, сильно скомпрометированный своим сотрудничеством с гитлеровской верхушкой, в свое время он написал очень нехорошую работу, которая с квазиюридической точки зрения оправдывала "ночь длинных ножей", уничтожение Гитлером руководителей штурмовых отрядов Эрнста Рёма и его ближайшего окружения. Статья, написанная крупным правоведом с весьма

серьезной репутацией, носила очень профильное название "Фюрер защищает право". Правом, которое преподносилось таким образом, была воля Гитлера. Для нас это весьма актуальная проблематика, потому что в культурной традиции существует негативная тенденция отождествления права с тем, кто осуществляет верховную власть, а это далеко не так. **Карл Шмитт** пишет, что **легальность - это некая специальная форма легитимности**, которая осуществляется на основании и с применением процедур права. **Легализовать - значит узаконить**, легитимность/легитимация может быть помимо закона/вне закона. Харизматический лидер пользуется признанием и поддержкой вне каких-то бы то ни было юридических процедур. Это будет легитимностью, но это не будет легальностью. Легальными должны быть все те органы власти, которые избираются в строгом соответствии с процедурами права, наделение властными полномочиями происходит на основании того, что приятно в качестве закона. Здесь возможно противоречие, коллизия, потому что носитель власти может быть легитимным и нелегальным, ещё хуже то, что он может создать видимость легальности, манипулируя законом. Это самое страшное, что только может постичь систему правовой регуляции, потому что закон, который меняется, или закон, который извращается, переставая быть самим собой, перестает быть законом. Поэтому важно понять, что **демократическое государство - это то государство, где власть легитимируется только легальными средствами**, только средствами права. Отступление от этого принципа и порядка вполне возможно, но чревато потерей дееспособности власти.

Лекция 5. Проблема специфики социально-исторического знания

Философская методология структурно-функционального анализа

Мы завершаем раздел "Общество как организационная форма деятельности", следующий цикл лекций будет посвящен, вероятно, самой сложной и самой интересной проблематике - истории человечества, попыткам её научного и философского осмысления. Для того, чтобы это сделать, стоя на более или менее твердой почве, необходимо со всей тщательностью рассмотреть некоторые основные идеи в качестве опорных, что позволит двигаться дальше.

Одна из самых важных проблем социальной философии, которая признана всеми, кто писал на эти темы - это **проблема специфики социально-исторического знания**. На эту тему написаны тома, но единообразия и единомыслия в этом множестве текстов нет (как почти всегда бывает в философии), наоборот - наблюдается разнообразие взглядов. Великий математик, физик и философ **Пуанкаре**, комментируя возникновение новой науки социологии, отметил, что социология отличается многообразием методик и минимумом результатов, и каждый новоиспеченный доктор социологии считает своим долгом предложить новую концепцию. Это было сказано в 1903 году, ситуация с тех пор только ухудшилась. Необходимо отметить, что первое, на чем все сходятся - это то, что своеобразие социального познания связано с тем, что оно обращено к человеку, а человек наделен сознанием, мышлением и свободной волей, поэтому чрезвычайно трудно усмотреть в социальных процессах какие бы то ни было устойчивые регулярности. Отсюда и памятная **установка неокантианцев**, которые делили все человеческое научное знание на две категории:

- первый класс наук - **науки номотетические**, которые используют некие генерализации, обобщения;
- второй класс наук - **науки идиографические**, чья участь - оставаться в пределах только описания.

Неокантианцы справедливо обращали внимание на то, что любой исследователь социальных процессов и явлений сталкивается с очень сложной проблемой, потому что перед ним возникает невероятное многообразие фактов и калейдоскоп событий. В этой ситуации, конечно, решающее значение приобретает способ видения и метод отбора материалов. Этой теме посвящены очень многие страницы и у **Генриха Риккерта**, и у **Макса Вебера** (в особенности). Неокантианцы считали, что данная задача решается методом отнесения к ценности, потому что в основе всего находится поведение человека. М. Вебер писал: "**Задача социологии – наблюдая, истолковать поведение человека, связывая его действия с ценностными приоритетами**". Это задача вполне почтенная, но было бы грубой ошибкой ограничить задачи социального знания решением только этой проблемы. Все, что мы разбираем, построено на принципиально другом подходе, прежде всего потому, что в данной концепции не разделяется установка концепции социально-философского номинализма. Мы не считаем общество фикцией, неким умозрительным конструктом, которому в действительности ничего не

соответствует. Вспомним, что ключевая формула номинализма следующая: общество - это люди. То, что люди - верно, но не только люди.

Наш подход - это подход, который хорошо известен под именем **структурно-функционального анализа**.

- Важно сразу отметить, обращаясь именно к проблеме мышления и свободной воли, это то, что **поведение человека не абсолютно свободно, что оно детерминировано**. Помимо внешних, физических или природных условий, существенными детерминантами являются детерминанты, имманентные человеческой деятельности - **потребности и интересы людей**. Удовлетворение потребностей и интересов является неременным условием поддержания жизни человеческий сообществ и, соответственно, человеческих индивидов.
- Вторая группа проблем - это то, как это делается. "Как" - это, во-первых, **технологическая вооруженность человеческого труда**, то есть орудия и знания, во-вторых - **формы и способы организации общества**, социальных групп.

Во втором проблемном блоке чрезвычайно большое значение приобретает понятие "**социальная структура**", мы используем принципы системного анализа и определяем структуру как способ связи элементов системы. Развивая данную идею, это необходимо конкретизировать, потому что элементы системы группируются чрезвычайно разнообразно и множеством способов. Это очень важно, потому что способ группирования существенным образом сказывается на содержании интересов людей. На это необходимо обратить особое внимание, потому что человеческие потребности, как можно легко убедиться, инвариантны, они не изменяются на всем протяжении человеческой истории, оставаясь одними и теми же. Изменяются способы удовлетворения человеческих потребностей, здесь ключевая роль принадлежит интересам, которые в довольно осязаемом и большом объеме определяются местом элемента в системе (среди прочего - это место человека в системе социальных связей) и, соответственно, способом его взаимодействия с другими элементами.

Методология заключается в том, что необходимо начать с выделения **элементов социальной системы**, с элементов общества и выяснить, что этих элементов ровно четыре:

- сами люди;
- предметные средства человеческой деятельности;
- информация, которая вырабатывается людьми для поддержания своего существования;
- устойчивые организационные связи и отношения.

Коль скоро мы используем выражение "воспроизводство", то эти четыре элемента воспроизводятся, тем самым во всяком обществе возникают четыре функциональных блока:

- сфера материального производства
- сфера производства информации/духовного производства
- сфера поддержания социального порядка
- сфера воспроизводства общественных индивидов, которая называется социальностью

Поскольку даже в учебниках, не говоря уже об отдельных публикациях, есть серьезная ошибка, ещё раз повторим: социальная сфера - это не сфера социальных отношений (что абсурд, потому что нельзя выделить отношения в обособленную сферу, отношения - это то, что связывает все элементы со всеми), **социальная сфера - это сфера воспроизводства непосредственно человеческой жизни**. Её продуктом являются социализированные индивиды - люди. Это и есть критерий - по продукту выделяется сфера.

Далее мы переходим к более сложной дифференциации, потому что коль скоро мы привязываем характеристики существования общества к технологической вооруженности, то первым и важным делением будет деление на **профессиональные группы**. Там, где разделение труда уже достаточно далеко заходит, совершенно отчетливо оформляется специализация. Здесь находится один из самых важных для понимания социальных взаимодействий и взаимозависимостей феномен, потому что, с одной стороны, специализация влечет за собой очень мощную взаимозависимость специализированных элементов, которые не могут существовать друг без друга, с другой стороны - специализация очень часто влечет конфликт интересов специализированных групп. Приведем простой пример: в достаточно развитом обществе с выделенной индустриальной сферой интересы тех, кто добывает сырье, и интересы тех, кто занимается промышленной переработкой этого сырья, достаточно конфликтны. Отсюда возникла одна из главных идей вдумчивого социально-философского анализа, дело в том, что **главным искусством человека оказывается искусство поиска балансов и компромиссов**, потому что без этого общество выжить не может, но в этом искусстве, к сожалению, люди не всегда преуспевают. Очень хорошо сформулированная мысль принадлежит классику английской политэкономии **Адаму Смиту**, его формула гласит, что особенность человеческих взаимодействий (Смит имеет в виду прежде всего положение на рынке) заключатся в том, что **мы можем удовлетворить свой интерес, только удовлетворив интерес нашего контрагента**. Это истина, как говорили на Востоке, достойна быть записана иглами в уголки глаз, в назидание не только обучающимся, но и вообще всем людям.

- Первое деление - это деление на профессиональные группы, при котором возникает задача поддержания организованного взаимодействия групп.
- Второе деление является гораздо более существенным - это **деление на статусные группы**, которое опять связано с той ролью, которую образующие эти группы субъекты выполняют в системе социальных взаимодействий. Здесь деление двойное - управляющие и управляемые. Между ними возникает отношение, которое парадоксальным образом **и солидарное, и конфликтное**. Существует выражение, которое стало клише и повсеместно используется во

всех текстах (и прежних времен, и современных) - это выражение **"господство"**. В частности, большое внимание ему уделяет М. Вебер, хорошо известен его оборот **"господствующий класс"**. Гораздо более точным является выражение **"правлящий класс"/ruling class**, потому что оно гораздо точнее и позволяет понять, что не только конфликт, не только антагонизм, но и взаимозависимость, взаимосвязь отличают отношения данных общественных групп. Отметим, что основным видом статусной группы является общественный класс, который по совершенно справедливому набору критериев выделяется по первому и основному группообразующему признаку - **отношению к средствам производства**. Здесь речь идет именно об обеспечении основной социальной роли, то есть функции, которую этот правящий класс выполняет - распорядитель ресурсов.

Именно здесь начинаются знаменитые **проблемы имущественного неравенства**, которые на восемь десятых становятся содержанием всех социальных трактатов. В основном отношение к этому, действительно прискорбному обстоятельству морализирующее, это отношение гнева, осуждения, обличений в несправедливости, жестокости и жадности. Все это не лишено оснований, но беда заключается в том, что имущественное неравенство не является следствием одной только жадности или порочности людей, в особенности людей, принадлежащих к правящему классу, потому что в своем основном содержании это следствие необходимости. Можно ли управлять, не располагая ресурсами? В истоках имущественного неравенства лежит не само по себе располагаемое богатство (потому что богатство - это внешний признак), а все-таки та **профессиональная роль, тот вид труда**, которые исполняют данные общественные индивиды или классы. Это серьезное утверждение, которое необходимо всегда иметь в виду, когда мы обращаемся к очень популярной и знаменитой теме классовой борьбы. Классовую борьбу классическая марксистская традиция считала движущей силой истории, но не всей, а истории классового общества. К. Маркс писал: "Вся история классового общества - это история борьбы классов". Во-первых, не только, потому что, конечно, это ещё и история борьбы обществ между собой, во-вторых, эта борьба не всегда имела характер борьбы на уничтожение (этого просто не может быть). Что, собственно, страшного сотворили большевики, когда решили уничтожить господствующие классы? Они не поняли, что людей, которые этот класс образуют, уничтожить можно (можно репрессировать, расстрелять, депортировать), но функцию уничтожить невозможно (её к стенке поставишь и в тюрьму не посадишь), следовательно, придется данную роль обеспечивать, значит с неизбежностью появится какая-то общественная группа, которая будет эту функцию выполнять. Что можно наблюдать в истории Советского Союза: место господствующего класса, класса эксплуататоров заняли люди, которые входили в партийно-государственный аппарат. Это знаменитая номенклатура, соответственно, все отношения, весь конфликт интересов, который обусловлен этим обстоятельством, были, конечно, воспроизведены. К. Маркс проницательно написал, предупреждая от подобного рода экспериментов: "Вся старая мерзость возвратится с неизбежностью". Поэтому, рассуждая о классовой борьбе и об интересах классов,

всегда необходимо иметь в виду данное исходное соображение. Нет ничего легче, чем сослаться на интерес: интерес человека, интерес класса, интерес государства (что очень часто делается). Гораздо труднее понять, в чем действительно этот интерес состоит. Здесь опять возникает проблема, потому что, бесспорно, существуют интересы обособленных социальных образований, социальных групп, но существуют ещё **интересы общества как целого**. Очень часто для общества очень большую опасность представляет поведение, которое подчиняется групповому эгоизму, причем совершенно не важно, будет ли это эгоизм правящей группировки (что нередко наблюдается в истории) или это будет эгоизм непосредственных производителей, потому что и то, и другое пересекает некие пороговые значения. Эти конфликты деструктивны, они разрушительны, и это самая страшная опасность, которая подстерегает общество. На это много раз обращает внимание очень проницательный исследователь Томас Гоббс, другой вопрос, какие он при этом видел рецепты и средства.

Итак, у нас выделены **профессиональные группы, статусные группы и общество как целое, а также отношения между обществами**, которые в конечном счете тоже достаточно часто имеют конфликтный характер, потому что здесь присутствует та взаимозависимость, которая существует внутри общества - взаимозависимость между специализированными обособленными группами. Она не так очевидна в отношении обществ, хотя в современном мире взаимозависимость имеет колоссальные размеры и значение. Здесь работает принцип Адама Смита, сформулированный в несколько ином ключе: **мы не можем нанести ущерб другому, не нанося ущерб себе**. Работает хорошо известная метафора "мы все в одной лодке", точнее будет сказать - "мы все на одной планете". Наша планета - это условие существования всех людей, а не только какого-то выделенного региона, общества или группы обществ, какими бы могущественными средствами и ресурсами они не располагали. Это тоже необходимо иметь в виду, так как это достаточно жесткий функциональный анализ.

Очень важное соображение касается характера или природы социальных отношений. В свое время В.И. Ленин не всегда был последовательным марксистом, в полемике с Н. И. Бухариным он выдвинул идею, которая потом легла в основание очень многих монографий, трактатов и учебников. В.И. Ленин все общественные отношения поделил на два класса:

1. **Материальные общественные отношения**, имея в виду ту известную формулу Маркса, что в общественных отношениях нет ни грамма вещества, но они, тем не менее, материальны, а **материальное - это объективное необходимое**.
2. Вторая группа - **идеологические общественные отношения**.

Далее рассуждение напоминает карикатуру на марксизм, потому что по мысли В.И. Ленина первые отношения складываются, "не проходя через голову человека", спонтанно, а вторые - это отношения, которые конструируются людьми. Здесь автор пролил бальзам на все позиции современных конструктивистов. Это очень нелепая

конструкция, потому что В.И. Ленин направил действие руководимой им политической партии на создание именно тех отношений, которые вполне "прошли через голову", но остались объективно необходимыми. Есть формула, которая в "Философских тетрадах" является комментарием В.И. Ленина к сочинениям Гегеля, когда тот формулирует свое знаменитое утверждение о том, что **свобода есть осознанная необходимость**. В.И. Ленин сопровождает это утверждение следующей репликой: **"Необходимость слепа, пока она неосознанная"**. Это верно, с этим сложно спорить, но важно понять главное - даже когда необходимость осознана, она все равно остается необходимостью, без необходимости человек сделать ничего не может. Это нас возвращает к вопросу о свободе, связанной с мышлением и с волеизъявлением человека. Неверной является формула "или свобода, или необходимость", которая является лейтмотивом человеческой истории, ибо при всем своем разнообразии, а иногда причудливости и прихотливости человеческая история все-таки всегда есть реализация необходимости самоподдержания, необходимости существования во взаимодействии с природной средой и с другими человеческими обществами. Наша задача как исследователей, как аналитиков - постараться понять, что конкретно являются собой эти необходимости или, иначе говоря, какие силы приводят человеческое общество в движение, какие силы обуславливают определенный тип его структуризации, какие силы заставляют общество меняться и, в частности, менять формы социальной организации.

Социально-философские концепции об источниках и механизмах социальных изменений

Рассмотрим известные философские концепции: первая – это так называемая **волецентристская концепция**, одним из самых ярких представителей которой был **Томас Карлейль**, в российской традиции эту концепцию очень горячо разделял и проповедовал **Н.К. Михайловский**, один из создателей партии "Друзья народа". Идея концепции состоит в следующем: история есть результат реализации человеческих произвольных устремлений и установок. Классический пример - это деятельность Наполеона Бонапарта в эпоху Французской революции и Первой империи, которая, конечно, поражала воображение, поскольку Наполеон - никому неведомый, безвестный, артиллерийский поручик, выходец из глухой Корсики, не обладающий никакой родовитостью, связями, всецело дитя случая. В "Воине и мире" Л.Н. Толстого князь Андрей говорит: "Это мой Тулон". Тулон - это военная операция республиканской французской армии против англичан, которые осаждали город-порт и крепость. Именно там Наполеон, получив в командование артиллерию, сумел впервые себя проявить, сразу став из капитана бригадным генералом, таким образом начав замечательную военную карьеру. Случай - это ещё один мотив, который очень любили авторы подобного толка. Все это в общем и целом **сводится к персонифицированной картине истории**. Это все чрезвычайно важно и интересно, хотя тут возникает гораздо больше вопросов, чем утверждений. Необходимо попытаться выявить некие объективные зависимости, потому что альтернативой является та или иная разновидность детерминистских объяснений. Необходимо выявить не человеческий произвол, а некие необходимые зависимости, необходимые факторы, которые

обуславливают характер общественных связей и, соответственно, ход человеческой истории.

Оставляем за скобками фатализм, поскольку он недостаточно интересен, хотя был доминирующей идеей в XVII и XVIII столетии. Более интересен функциональный анализ, здесь на первый план выходит **марксистская концепция - пресловутый экономический детерминизм**, на который все ссылаются, который все проклинают, но не отдают себе в полной мере отчет, что, собственно говоря, это значит. Что означает выражение "экономика первична"? Ближайшим образом это выражение конкретизируют через знаменитый анализ отношений между базисом и надстройкой К. Маркса. Полемизируя с теми, кто считал, что в истоке всех исторических движений лежат человеческие, сознательно волевые усилия, К. Маркс говорит, что существуют системы необходимых связей и зависимостей, некоторая базисная структура - это система технологических отношений и это система отношений классовых, которые также называют экономическими. Над этой структурой возникает или развивается соответствующая этой системе надстройка, это стало альфой и омегой всех объяснений или всех опровержений. Опровержения по большей части довольно примитивные, потому что они, возвращаясь к старой традиции, просто меняют вектор детерминации. Если классические марксисты считали, что воздействие идет от базиса к надстройке, то их оппоненты говорят, что все с точностью до наоборот - все определяют политические институты и юридические структуры. В частности, эту позицию разделяют очень многие крупные авторитеты XX столетия. Необходимо разобраться, что такое базис и что такое надстройка.

- **Базис** - прежде всего отношение между профессиональными группами, которые возникают с необходимостью и меняются под воздействием изменения или развития технологий, и отношения между классами, то есть отношения по поводу присвоения, распоряжения средствами производства.
- **Надстройка** – здесь необходимо быть очень внимательными, потому что К. Маркс в эту категорию включал только государство и право, больше ничего в это понятие не входит, то есть речь идет об институтах социального управления. Мысль К. Маркса достаточно точна и неопровержима: если общество как система организовано определенным образом, то управляться эта система должна блоком, который тоже обладает организацией. Здесь ключевое - не то, что базис порождает надстройку (это верно, но не исчерпывает вопрос), ключевое слово - это "**соответствие**". Надстроечные структуры - институты социального управления должны отвечать базисной структуре, что очевидно. Если рассогласование того и другого заходит достаточно далеко, то общество теряет управляемость. Это и есть канун социальной революции, то есть то, что в теории называется революционной ситуацией, которая происходит с необходимостью, если расхождение и рассогласование заходит достаточно далеко. Классический пример - это трансформация феодального общества, когда его политические институты перестают быть способны управлять структурой, которая уже приобрела буржуазный характер, а система рыночных связей и

товарно-рыночные отношения заполнили практически все социальное пространство. В эту систему архаические и устаревшие феодальные институты уже никак не вписываются, их нельзя не поменять. Интересно, что довольно активную роль в этих изменениях иногда играет сама государственная верхушка феодального общества. Приведем пример: союз абсолютной монархии с бюргерами, с городами, направленный против земельных магнатов с тем, чтобы сломить их могущество и подчинить их системе более широких зависимостей.

В данном направлении детерминации никаких оснований сомневаться нет, это действительно срабатывает, что хорошо наблюдается именно в эпоху буржуазной революции, если понятие "революция" рассматривать в точном соответствии с его содержанием, то есть как смену типа социальной организации. В таком значении термин "революция" используется в естественных науках, в частности, в математике есть понятие "катастрофа", которое определяется как достаточно резкая смена качественных состояний. Это явление необязательно носит негативные коннотации, прежде всего речь идет о трансформации систем. **Социальная революция ближайшим образом связана со сменой типа социального управления, с возникновением нового правящего класса.** Например, феодальный класс лендлордов и соответствующая его интересам абсолютная монархия, сменяются в итоге на те или иные разновидности буржуазного государства. Поэтому **государство есть выразитель интересов правящего класса** - это его институт, который этим классом и создается, и используется для выполнения своей функции. Необходимо помнить, что общество - это сложноорганизованное целое, сложная система взаимозависимостей, и государство, которое является органом общесоциального управления, игнорировать это обстоятельство никак не может. В итоге становится ясно, что основной задачей государства является не подавление сопротивления какого-то класса, как об этом пишут классические учебники марксизма, все-таки основной его задачей является **поддержание целостности общества в условиях перманентно возобновляемого конфликта интересов.** Отметим ещё один мотив рассуждений: если государство с этой своей задачей справляется плохо, например, пытается насытить эгоистические интересы одного класса, игнорируя интересы других, то общество платит за эту деструкцию. Мало сказать, что осуществляется функция социального управления, осуществляется функция общественной власти - необходимо также принимать во внимание то, как эта функция исполняется. Она может исполняться хуже или лучше, она может исполняться негодным образом, что для общества приобретает очень плачевный характер. Поэтому нет ничего хуже такой революционистской идеологии, которая выражается хорошо знакомыми словами партийного гимна "до основания, а затем - мы наш, мы новый мир построим". Это слова Интернационала, гимна не только коммунистической партии Советского Союза, от которого она отказалась, а гимна Союза коммунистов, гимна коммунистов, которые должны были обеспечить соединение пролетариев всех стран. "До основания, а затем" - это плохо, потому что в реальности так никогда не получается, путь реорганизации, путь разумного упорядочивания - это путь наиболее надежный.

Возвращаясь к мысли В.И. Ленина о том, что одна из самых важных идей в социальной философии - это идея, которая связана с пониманием того обстоятельства, что в большой своей части общественные отношения возникают спонтанно или, как не очень уклончиво выразился В.И. Ленин - "не проходя через человеческую голову", то есть люди не контролируют возникновение, формирование этих связей, хотя они являются теми субъектами, между которыми они возникают. Спонтанность - очень важная характеристика, но необходимо понимать, что это - спонтанно формируемый порядок, который подчинен необходимости. Какую-то роль в поддержании этого порядка играют общественные институты и организации, которые ни в коем случае нельзя игнорировать, они создаются людьми сознательно (проходят через человеческую голову), но их создание и функционирование подчиняется необходимости. Скажем, мы разделяем идеологию **анархизма**, то есть очень почтенной социально-философской конструкции, которая утверждает, что все зло в обществе идет от государства, а первое, что должен сделать настоящий революционер - государство уничтожить. Как только государства не будет, то люди будут свободны, так как оно является основным источником порабощения. Освободившись от него, человек вернет себе свою подлинную природу и в обществе наступит гармония, насилие и угнетение сменятся дружбой и товариществом - это анархистский идеал, анархистская утопия. Беда в том, что сделать это невозможно, люди не смогут управлять очень сложной системой с большим числом элементов, с колоссальным количеством зависимостей, не создавая каких-то централизованных органов власти. Мы не можем не создать институт, который, как справедливо подчеркивает Макс Вебер, обладает монополией на применение легального насилия. Если вдуматься, то в этих формулировках Вебер просто продолжает логику Томаса Гоббса, потому что если люди хотят поддержать социальный порядок, хотят поддержать его и в условиях конфликта интересов, и асимметричного распределения богатства (асимметричного вынужденно, потому что существует неравенство труда и неравенство в обеспечении социальных ролей), то для этого необходим орган власти, который минимизирует спонтанное разрешение конфликтов. Хорошо известна формула "мне отмщение, и аз воздам", если выразиться сухим юридическим языком, то это звучит следующим образом: в условиях перманентного возобновляемого конфликта интересов устанавливается абсолютно непререкаемая норма - **никто не может быть судьей в своем деле**, конфликт не может быть разрешен сторонами. Это разрыв с очень давней, насчитывающей десятки тысяч лет традицией, которая словами Томаса Гоббса звучит следующим образом: "**Кто силен, тот и прав**". Данное правило несло очень много проблем и осложнений, но срабатывало. В качестве иллюстрации приведем одну из новелл "**Кодекса короля Альфреда**", одного из германских монархов очень раннего феодального общества. Кодексы - это первые архаические опыты кодификации системы правовых установлений, чем-то подобным была "**Русская правда**" **Ярослава Мудрого**. В случае, когда речь идет о конфликте между кланами, новелла гласит: "Виновная сторона может нести копьё или выкупить его", то есть конфликт может быть разрешен либо вендеттой, либо вергельдом. Это первые робкие шаги в направлении избегания института вендетты как способа разрешения конфликтов, потому что она разрушительна, она деструктивна.

Подумав, можно согласиться с тем, что единственным способом решения этой задачи является монополизация власти. Мы вернулись к формуле Вебера: **"Государство - это институт, который претендует на обладание монополией в применении легального насилия"**. Нелегальное насилие осуждается и криминализуется, потому что оно несет очень большую угрозу для общества. Отсюда вырастает вся система того права, которое мы горделиво называем современным, потому что в той мере, в какой исполняются данные установления, общество может рассчитывать на более-менее стабильный порядок в той мере, в какой они нарушаются. Восстанавливается формула "кто силен, тот и прав". Эта сила может иметь очень разные проявления, пример из нашей недавней истории - это ситуация, которая обозначалась одним словом "Кущевка". Члены организованной преступной группы, контролировали жизнь населения достаточно большой территории, подчиняя себе формальные органы власти (либо запугивая, либо покупая их). Кущевка была территорией, на которой право переставало действовать по факту. Таких примеров история знает очень много, они всегда сводятся к одной и той же формуле: либо у нас право силы, либо у нас сила права. Это очень печальный выбор, но он непреложный, третьего не дано, компромисса между ними не бывает. Не важно, как это представляется в системе массовой информации, важно, как это происходит по сути, то есть кто принимает решения, какими путями и средствами они реализуются. Это самое важное в анализе, обмануть здесь никого невозможно, потому что это подчиняется достаточно жесткой логике и жестким правилам. Можно, конечно, долго и выспренно рассуждать о правовом формализме, о том, что жизнь богаче и сложнее и т.д., но все подобные рассуждения завершаются одной единственной максимой: **право должно максимально соответствовать положению вещей, оно должно быть эффективным регулятором, эффективным инструментом социального управления**, следовательно, оно должно обеспечивать баланс интересов, компромисс между обособленными социальными группами.

Экономический детерминизм

Ещё одна линия детерминации, которая для нас тоже весьма существенна и интересна, уже больше связана с не с функционированием общества, а с его изменением, что опять возвращает нас к формуле "экономический детерминизм". Важно обратить внимание на то, что по какой-то причине существует очень распространенная ошибка совершенно некорректного отождествления понятий "материальное производство" и "экономика", но это не одно и то же:

- **материальное производство** - это обособленная сфера общественной жизни, которая на выходе воссоздает весь комплекс предметных средств человеческой деятельности и является его главной задачей.
- **экономика** - это отношения, которые связаны с обменом либо с живым трудом, живой деятельностью, либо с её опредмеченным, объективированным результатом.

Ключевое значение здесь имеет формула **Василия Леонтьева**: затраты - выпуск, то есть какое количество ресурсов люди должны потратить для того, чтобы решить задачу, насколько устойчиво они её решают, насколько устойчиво общество способно себя поддерживать во взаимодействии с природной средой и с себе подобными социальными образованиями. Это очень хорошо выражено в формуле Маркса: "Конечным результатом человеческой производительной деятельности является существование человеческого общества". На сегодня мы имеем достаточное количество обоснований, чтобы обобщить, расширить эти рамки и сказать, что конечным **результатом существования человеческого общества** является его собственное воспроизводство в виде множества специальных организмов и обособленных общественных групп.

В результате мы опять выходим на понятия "**потребности**" и "**интересы**". Важнейшим интересом всякого организованного и самодостаточного человеческого сообщества, которое может себя воспроизводить в цикле действий, не нуждаясь в привлечении каких-то сторонних элементов, является **доступ к ресурсам**. Зададим себе простой вопрос: по какому каналу природные ресурсы поступают в общество и перерабатываются? Конечно, в материальном производстве, в котором есть источник энергии, сырья и переработанных в том или ином виде и опредмеченных результатов человеческой деятельности. Это достаточное основание, чтобы утверждать, что именно материальное производство является начальным звеном, детерминирующим все последующие усилия человеческого общества, потому что оно создает тот набор возможностей, которым общество потом пользуется. Здесь нет жесткой линейной зависимости, так как имеет место постоянный взаимообмен - все зависят от всех, но это не значит, что эта зависимость только координационная, потому что здесь имеет место субординация. Речь идет о том, что **наличное состояние материального производства определяет тот набор или коридор возможностей, которым располагает организованное человеческое сообщество**. Этот тезис стали подвергать очень серьезному сомнению и пытались его опротестовать, используя знаменитую формулу о том, что наука стала производительной силой общества, когда встала на свои собственные ноги и стала непосредственным источником технологических разработок. Необходимо задаться вопросом: разве в истории человеческого общества когда-нибудь были времена, когда общество не зависело от располагаемой информации? Такого времени не было, эта зависимость существует всегда, а наука - это просто специфический способ получения, обработки и сохранения информации. Можно сделать акцент на выражении "непосредственная производительная сила", хотя здесь тоже необходимо быть осторожными. Непосредственная производительная сила - это прежде всего технологии, то есть то, что непосредственно используется как информационные программы создания класса необходимых людям предметов. У науки совершенно другая задача, наука как таковая создает не технологии, которые являются уже вторым, опосредованным результатом. **Наука должна получить достоверные знания об изучаемых объектах, её цель, её продукт - это достоверная информация**, а уже потом, на следующем этапе или цикле информация преобразуется в технологические решения, которые действительно непосредственно участвуют в

производстве чего бы то ни было. Подменять эти цели совершенно нецелесообразно, не нужно ждать от науки того, к чему она не предназначена. Задача науки - получение достоверных знаний, а задача философии - всемирно ей в этом способствовать, далее знания превращаются в способы практической деятельности.

Соглашаясь с Марксом, необходимо помнить, что человеческая деятельность по своему существу практична. Это возвращает нас к мысли о первичности материального производства. Представим, что люди располагают совокупностью достоверных знаний, которые открывают новые перспективы и возможности, но это только знания, общество ими воспользоваться никак не может, пока они не переросли в форму практических рекомендаций. Это легко проиллюстрировать на множестве примеров, особенно имеющих место тех отраслях, где научные исследования ближайшим образом связаны с практикой, прежде всего в медицине. Некое научное открытие, разработка на его основании лекарства или какой-то технологии лечения болезни - это вещи достаточно очевидным образом отличные друг от друга. Необходимо иметь в виду, что только то, что работает непосредственно, что перерабатывает энергию, что превращается в предметные средства деятельности создает какие-то перспективы, знания остаются знаниями, то есть тем, что находится в голове, в текстах и работает только в этом качестве. Имеет смысл разделять следующий канонический тезис марксистской концепции: **"Материальное производство первично по отношению ко всем другим отраслям или сферам общественной жизни"**. Конечно, оно зависит от состояния духовного производства, очень зависит от организации, от управления. Наличие зависимости - вещь не отрицаемая, но субординация создается именно таким образом, поменять такое соотношение в будущем вряд ли удастся по той простой причине, что люди никогда не смогут напиться информацией, они должны получать какие-то питательные вещества и дышать воздухом, который должен отвечать неким физиологическим требованиям. Наука здесь может сыграть колоссальную роль, указывая на угрозы и рекомендуя шаги по их предотвращению, по их минимизации, но она опять будет решать только свои собственные задачи.

Экономическая детерминация - это организация взаимодействия между специализированными производителями. Экономика есть в любой отрасли общественного труда, экономические измерения присутствуют и в политике, и в военном деле, и в прочем. Поставим вопрос должным образом: чего это стоит или чего стоит отсутствие этого? Чего стоит общество с отсутствием должно разработанной системой здравоохранения? Общество начинает болеть, хилеть, а всякого рода риски, и угрозы множатся. Речь идет о решении задачи оптимального распределения ресурсов, здесь колоссальную роль играет некая балансировка (как и в случае с интересами). Зададимся простым вопросом: каким образом должны быть связаны между собой специализированные производители, если основным содержанием этой связи, этих отношений является обмен? На всем протяжении человеческой истории наблюдаются только два способа решения задачи организации этих связей: **спонтанно идущий обмен** на основании свободных договоренностей товарладельцев или **централизованное распределение**, когда вся система подчиняется решениям и

директивам, идущим с верхнего этажа высшего звена системы власти, системы управления.

Можно с достаточной уверенностью сказать, что история человечества, начиная с эпохи, которую условно называют эпохой цивилизации (существует различная терминология) - это **история эмансипации власти и собственности**, то есть их разделение, потому что первоначально они существовали слитно, неразрывно. В истории существовал институт власти и собственности, когда управленческие функции, как писал Энгельс - "распоряжения людьми и распоряжения вещами", были слиты в одном и том же институте и персонифицированы одними и теми же людьми. Это самые первые формы устойчивой социальной иерархии, их нам демонстрирует Ближний Восток, спустя достаточно внушительное время (более 10 тыс. лет, что доказывает необходимость и законосообразность данного процесса), такого же рода структуры возникают и в Мезоамерике, в знаменитых империях ацтеков и инков. Доказано, что между ними непосредственного общения не было, это явление не было заимствовано, а возникло спонтанно по мере надобности, по мере решений тех задач, которые уже возникали в связи с усложнением системы социальных связей. Постепенно эта модель размывается, диффундирует, во все большей мере возникает порцелизация собственности, то есть распорядительные полномочия сосредотачиваются в тех модулях, которые отвечают за определенные виды производительной деятельности. Возникает институт не просто частной собственности, а **институт индивидуальной частной собственности**. Даже если говорить о группах, то это будут группы, которые образуются взаимодействием индивидов, между ними возникают отношения товарообмена, которые подчиняются законам формулы "затраты - выпуск".

Почему Маркс, когда он занимался анализом капиталистической экономики, считал необходимым преодоление, а не уничтожение института частной собственности и, соответственно, изменение формы отношений между организаторами и непосредственными производителями, помимо того, что это было связано с несправедливостью, эксплуатацией, присвоением прибавочной стоимости и т.д.? Одна из основных линий критики Маркса была связана с тем, что капиталистический рынок - это рынок спонтанно формируемых пропорций, то есть рынок, который в очень сильной степени подвержен хаотическим флуктуациям. Отметим знаменитые циклы с кризисом перепроизводства, со всеми вытекающими отсюда негативными социальными последствиями. **Кризис перепроизводства** - это невозможность реализации товаров, сокращение производства, потеря рабочих мест и, соответственно, обнищание пролетариата. К. Маркс говорил, что построенную на локальных, частных сделках систему (вспомним классическую формулу К. Маркса: "Основное противоречие капитализма состоит в противоречии между общественным характером производства и частной формой присвоения") необходимо преодолеть, переводя общество в более совершенную систему. Эту систему К. Маркс именовал **коммунистической (на первой фазе социалистической)**, потому что главная его идея состояла в том, что подобная организация или реорганизация позволят избежать спонтанных флуктуаций, позволят заменить случайные балансы упорядоченным,

целенаправленным, управляемым процессом воспроизводства общества или рыночную экономику плановой.

Плановая экономика возвращает нас к вопросу о том, каков институт, который распоряжается ресурсами и, соответственно, в каком отношении этот институт находится к людям, которые заняты в непосредственном производстве. Выделим три сектора нормально функционирующего рынка, обособленные согласно характеру выполняемых задач:

- **Первый и основной сектор рынка - производство вещей, производство средств производства и потребления, которые приобретают товарный характер.** Данное соображение зашло достаточно далеко и повлекло за собой достаточно нехорошие подмены. Какие две формы имеет любой продукт человеческого труда, произведенный в любой отрасли общественного производства, если использовать понятие стоимость? Стоимость в англоязычной традиции одновременно обозначает ценность, что тоже рождает много aberrаций. Услуга в этом смысле ничем не отличается от предмета, если говорить о живом труде, то это тоже услуга. По К. Марксу опредмеченный труд овеществляет субъективную производительную силу человека. Существует продукт, который произведен ради того, чтобы удовлетворить какую-то потребность человека, в этом качестве продукт называется потребительной стоимостью или потребительной ценностью, он остается таковым до того момента, пока не вступает в обращение. Как только продукт вступает в обращение, как только его меняют на другой продукт - он становится меновой стоимостью или собственно товаром. Это азы политической экономии. **Товар - это только меновая стоимость** и ничего другого, поэтому обращаясь на рынке, товары соотносятся друг с другом именно как меновые стоимости. Совершенно неважно, какую именно потребительную функцию продукт выполняет, он меняется на другие продукты, его стоимость определяется через данные обмены.
- **Второй сектор рынка - фондовый рынок, рынок капиталов.** Деньги во втором секторе рынка имеют множество форм существования. Хорошо известен такой элемент рынка, как ценная бумага, суть которого долго не могли понять, поскольку бумага вдруг становилась предметом купли-продажи. Ценные бумаги - это обязательство, долговая расписка, они имеют стоимость, ими можно торговать. Акции - другая разновидность элемента рынка. Эти недоумения напоминают начало монетизации народного хозяйства, когда люди не могли понять, каким же образом бумага может быть эквивалентна золотой монете, поскольку золото - это ценность во плоти, это "золотой телец", которого можно пощупать. "Что только проклятые китайцы не придумают - платить бумагой за реальные вещи!". Когда Чичиков покупал мертвые души, то совершал сделки на ассигнации, этот процесс очень хорошо и подробно описал Гоголь. Подобное всегда подчеркивалось в документах, в купчей крепости, потому что курс ассигнаций был меньше, чем курс серебряных денег. Один и тот же серебряный рубль и рубль бумажный были разными по своей платежной и покупательной способности деньгами. Это роль психологии, это абсурд, тем не менее это тот

абсурд, который воплощался в человеческих взаимодействиях, в человеческих отношениях.

- Третий сектор рынка - это **рынок труда**, то есть это то место, где совершается найм рабочей силы сообразно её стоимости. **Стоимость рабочей силы** напрямую выводится из "Капитала" К. Маркса, её определяет совокупность стоимостей товаров, необходимых для её поддержания. Квалифицированный труд создает более дорогой продукт. Чтобы поддерживать этот труд в его дееспособном качестве необходима совокупность товаров, которые эту задачу решают, поэтому за него платят дороже и он может на рынке больше себе купить. Связка, когда оценивается не конкретный производительный труд, а та совокупность потребительных ценностей (совокупность товаров), которые нужны для его поддержания является азами политической экономии.

Отсюда вырастает явление, которое многих "коррежит", то есть престижное потребление, символизирующее статус человека и показывающее его место в системе общественных связей и взаимозависимостей, его групповую принадлежность. Престижное потребление является не просто прихотью или произволом. В эпоху раннего российского капитализма был распространен анекдот про двух нуворишей ("новых русских"), которые ходят по магазину и один другому сообщает о том, что нашел прекрасный костюм, который стоит очень дорого, второй ему отвечает, что нашел ещё лучше, потому что стоит намного дороже. Это иллюстрация демонстративного потребления, которое является не совсем пустым явлением. Если человек едет в банк за кредитом и делает это с помощью велосипеда, то к нему будет одно отношение, если с помощью Мерседеса - другое, что создает любопытные коллизии. Главное, что в системе зависимостей всех от всех работают **законы товарного производства и товарного обмена**.

Действительно, рынок чреват серьезными отклонениями от разумного баланса, что мы сейчас и наблюдаем: включился мощный разрушительный фактор - угроза пандемии и рынок мгновенно разбалансировался. И рынок товаров, и рынок финансовый, под серьезной угрозой находится и рынок рабочей силы. Сторонники социалистического преобразования народного хозяйства видят панацею в огосударствлении собственности, то есть в передаче распорядительных полномочий в единый центр управления, но это лекарство хуже болезни. Что такое плановое хозяйство? Что необходимо для того, чтобы общество развивалось по плану? **Общество - это многоэлементная система**, в которой существует много функциональных модулей, а также множество связей и зависимостей между ними. Для того, чтобы планировать, люди должны иметь достаточно достоверной информации о положении вещей, то есть должны иметь картину состояния общества, которая очень близка к действительности. Дальше люди должны иметь очень четкое представление о целях, которые хотят поставить перед обществом, иметь очень четкое представление о том, каким образом для решения поставленных задач должны быть распределены ресурсы. Дальше люди должны иметь возможность проконтролировать ход исполнения директивных установлений и внести при необходимости нужные коррективы,

располагая соответствующим ресурсом. Очень легко провозгласить национальные цели, программы и пр., располагая соответствующими статусными возможностями эти программы легко насытить ресурсом, но где гарантии, что задача поставлена правильно, а наличное состояние общества адекватно представлено в планирующих головах? Этих гарантий нет, рынок таких целей не преследует, он реагирует на свое собственное состояние, он организуется в своем целом спонтанно, несмотря на то, что принимаются некие целенаправленные усилия с целью сохранить положение на рынке (положение данного конкретного модуля).

Рынок в целом никем не управляется, потому что при наличном положении вещей это не решаемая проблема, похожая на старую сказку про сороконожку, которая начала думать, как она ходит. Если у нас нет информации или алгоритмов её обработки, а самое главное - если нет четкого понимания, что и ради чего необходимо делать, то мы рискуем создать деформации и диспропорции, гораздо худшие, чем те, что создаются на рынке спонтанно, что и демонстрирует плановая экономика. По всей видимости, неслучайно повсеместно можно наблюдать в опытах подобного рода отчетливо различимую милитаризацию народного хозяйства, когда приоритеты отдаются военной промышленности и содержанию армии. Когда-то в нашем лексиконе бытовало выражение "внеэкономическое принуждение", которое связывалось с распоряжением, в частности, всякого рода силовыми ресурсами. Армия ни в коем случае не может рассматриваться как что-то существующее вне экономики, потому что армия является потребителем ресурсов колоссальных размеров. Вспомним логику анализа: как эти ресурсы возвращаются в новые циклы воспроизводства, как армия возвращает то, что на нее потрачено? Когда речь идет о производстве энергии, сырья, станков, продуктов питания и пр., то ясно, как это возвращается - через потребление. Армия создает безопасность, уверенность в том, что общество не потеряет своих позиций, прежде всего не потеряет доступ к жизнеобеспечивающим ресурсам. При этом возникает проблема существенной сложности, проблема соразмерности затраченных ресурсов и безопасности. Представим ситуацию, которая происходит во времена доядерной эпохи: рядом с нашей страной растет военный потенциал соседа, который озабочен собственной безопасностью, хочет гарантировать условия более-менее стабильного и спокойного воспроизводства, военный потенциал соседа представляет для нас угрозу, поэтому мы начинаем модернизировать свой собственный военный потенциал - это называется гонка вооружений. Эта картина хорошо известна на примере соревнования Великобритании и Германской империи по поводу военного флота, которая кончилась Первой мировой войной, которая унесла столько ресурсов и жизней, что произошедшее стало действительной катастрофой и потерей, не говоря уже о том, что по очень приблизительным подсчетам было потеряно около 20 млн. жизней. После Первой мировой войны Европу захватила страшная пандемия гриппа, которая известна как "Испанка", от нее погибло около 100 млн. человек. Можно задаться вопросом: какая между этими событиями связь? Дело в том, что грипп стал таким убийственным потому, что существовала порожденная войной разруха, отсутствовала система устойчивых взаимодействий, отсутствовала система здравоохранения, поскольку все ресурсы были направлены на войну, а потом на преодоление её

последствий. Это пример неконтролируемых усилий людей, направленных на решение некой, вроде бы самоочевидной задачи. Современный мир попал в совершенно новое качественное состояние, в новую фазу со времени ядерной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки 8 августа 1945 года. Это можно не осознавать, в этом можно не отдавать себе отчет, но это так, следовательно, это обесмысливает знаменитое высказывание **Карла фон Клаузевица**: "Война есть продолжение политики другими средствами", которое было верно до 8 августа 1945 года. Мы можем предпринимать какие-то локальные военные усилия для решения частных задач, даже если это обходится крайне дорого, не говоря уже о максимизации риска перехода "обычной" войны в войну ядерную. Гонка вооружений - это палка о двух концах, которая, с одной стороны, вроде бы создает какие-то представления о безопасности, о надежности защиты, а с другой - ставит безопасность под угрозу. Дело не в пацифистских убеждениях, а в элементарной логике, в двусторонней ситуации, когда угроза одновременно и преодолевается, и максимизируется.

В очень сложном современном обществе, где отмечается гораздо большая степень взаимозависимостей (в современном мире практически нет сколь-нибудь независимых автономных образований, за исключением совсем маленьких групп людей, которые обитают в лесах Южной Америки), очень большую роль начинает играть ответ на вопрос: куда мы направляем ресурсы? Таким образом организуется новое производство в рыночной экономике, которое является ответом на некую потребность, возможность занять на рынке нишу, способствующую реализации товаров. Людям что-то необходимо, соответственно, данная надобность удовлетворяется. В централизованной экономике, которая управляется верховной инстанцией, инициировать такие производства может только сама инстанция по своему усмотрению. Давно известно, что одной из самых надежных форм легитимации господства является возвеличивание носителя власти, который представляется самым мудрым, разумным и ответственным. Это работает на решение задачи, но является ли он действительно таковым, ведь здесь необходимо, как показывает политическая история, достаточно уникальное сочетание компетентности и ответственности, когда человек не будет думать, на сколько он хорош во власти. В нашей, местами трагической истории, был совершенно фарсовый трагикомический пример - **Александр Федорович Керенский**, который был человеком редкостной ограниченности. А.Ф. Керенский, вероятно, несет большую долю ответственности за последующее развитие событий в стране, потому что, если бы он отвечал своему назначению и тому, что должен был делать в обретенном им случайно качестве, то Россия, возможно, избежала бы многих и многих бед и несчастий. Сослагательное наклонение в историографии - это колебание воздуха, тем не менее, роль лидера, особенно в современном мире - это роль чрезвычайно ответственная, а ответственность предполагает компетенцию, знания, умение видеть вещи в их реальных зависимостях, а не в воображаемых или представляемых. Все это особенно значимо, если мы говорим об амбициозных проектах или о проектах, подпитывающихся исторической памятью, которая является вещью весьма субъективной.

В системе социальных связей есть очень жесткие зависимости, которые срабатывают всегда и неизменно, так же, как срабатывают законы природы. К сожалению, мы не всегда умеем их улавливать, выявлять и фиксировать, а самое главное - с ними считаться. Очень часто действия людей, которые потом ретроспективно изучаются, поражают своей непредусмотрительностью. Задним числом (то, что у французов называется "остроумие на лестнице") очень легко увидеть, чего делать было ни в коем случае нельзя и не нужно, но сделали. Дальше начинается печальная мудрость: "Благими намерениями устлана дорога в ад". Приведем истину, которая была осознана ещё в античной философии: **"Философское знание начинается с осознания бессилия человека перед необходимостью"**. Это в свое время сказал Эпиктет, во след ему повторил Шопенгауэр. Данное высказывание не должно рождать пессимизм, не должно подпитывать мысли о человеческом бессилии, потому что необходимость можно распознать, её можно постичь, можно, и нужно с ней считаться.

Лекция 6. Ключевые вопросы философско-исторического знания

История осмысления проблемы соотношения необходимости исторических событий и свободы человека

Мы продолжаем рассмотрение ключевых вопросов философско-исторического знания. Поскольку до настоящего времени по преимуществу мы занимались вопросами теоретической социологии, то необходимо отметить важное обстоятельство: при всей очевидной специализации, при всем различии задач социологического и исторического знания общее интегральное осмысление предполагает синтез их подходов. **История человечества - это история формирования, функционирования, жизнедеятельности и изменения человеческих обществ.** Понять, что происходит в истории, не представляя фундаментальных принципов социальной организации, структуризации и функционирования основных блоков социальных систем, главное - не представляя закономерностей изменения систем - невозможно. Здесь требуется очень важное уточнение, которое непосредственно связано с собственно философскими задачами: философия, если рассматривать её в её истории - это скорее понятие собирательное, потому что по линиям философии объединяются множество совершенно различных концепций, школ и направлений. Соответственно, это разнообразие не может не сказываться при рассмотрении вопросов философско-исторического знания. Мы не можем оспорить того обстоятельства, что представление об истории человечества, о том, что в ней происходит, почему и как совершаются изменения, которые мы наблюдаем и фиксируем в истории - все это очень зависит от той философской концепции, которая служит системой отсчета. Это всегда происходит с философским знанием в соотношении со знаниями специально научными, это справедливо и для естественных наук, и для наук социально-гуманитарных.

Все множество философских концепций, все множество форм и вариаций философского знания делится на два больших класса (в настоящее время данное разделение не очень приветствуется). Философское знание существует как знание материалистическое, либо как знание идеалистическое (объективно идеалистическое):

- для **материалистического миропонимания** - мир представляет собой движущуюся материю. Именно так понимается единство мира: мир един в своей материальности, все события, процессы, виды наблюдаемых изменений охватываются представлением о единстве.
- для **объективного идеализма** - наблюдаемое, видимое, то есть чувственно-воспринимаемая картина является недостаточной и не единственной, потому что это концепция, которая примысливает ко всем чувственно-наблюдаемым данным представление о том, что также существует чувственно не воспринимаемая, но умозрачительно представляемая идеальная субстанция, являющаяся движущей силой всего происходящего. Материальный, вещественный, субстратный мир, который мы воспринимаем при помощи органов чувств, в этом смысле мыслится как мир сотворенный, мир производный и мир зависимый.

Наибольшее значение данное различие принимает тогда, когда мы обращаемся к проблемам истории человечества, жизни человеческого рода на Земле. Для материалистов все события человеческой истории - это специфическая разновидность материального движения. **Общая схема материалистического миропонимания** рассматривает мир как движение трех форм, трех царств бытия:

1. **Мир физических событий** - изучает комплекс физических наук.
2. **Мир органический, мир жизни** - локализован пока в рамках только нашей планеты.
3. **Мир социальный.**

Миры существуют не обособленно, а во взаимосвязи, взаимозависимости, общее представление заключается в том, что все совершающиеся события и наблюдаемые изменения в последнем счете подчинены некоторым общим фундаментальным законам, единым для всего мира. Это важно понимать, потому что на этом основании мы получаем достаточно надежную опору для постижения специфики и органических процессов, тем более процессов социальных, то есть процессов человеческой истории.

Проблема соотношения необходимости и свободы - одна из самых важных проблем социально-исторического знания, которая обсуждается с тех ранних времен, когда можно констатировать возникновение философии как некой специализированной области знания. Это вопрос о законосообразности исторического процесса и соотношения в этом плане представлений о необходимости и о свободе человека. Если представить несколько упрощенно, то позиции здесь диаметрально противоположные, потому что все зависит от понимания, от того содержания, которое мыслитель или некая философская школа вкладывает в понятие "необходимость". Это выводит нас на классическую философскую проблему, согласно решению которой все, что совершается в мире является причинно обусловленным. Существует философская максима, согласно которой любые изменения имеют свою причину. Это понимание подводило некоторых философов к выводу о том, что коль скоро всё причинно обусловлено, а связь между причиной и следствием имеет необходимый характер, то ни о какой свободе человеческой деятельности говорить не приходится. Эту позицию разделял крупный мыслитель **Бенедикт Спиноза**, один из самых авторитетных философов, который не сомневался в иллюзорности представления человека о том, что он - свободное существо. Существует размышление Спинозы о движущемся камне, влекомом потоком воды, который в своем воображении может представлять себя свободно движущимся объектом. Такие же иллюзии питают наделенные разумом человеческие существа, которые полагают себя и свои действия свободными. В действительности они включены в очень жесткую цепь зависимостей, не в силах человеческих ничего изменить в ходе событий, он предопределен, предустановлен и т.д. С этим связано известная максима Спинозы, которая гласит, что дело **разумного человека - не плакать, не смеяться, а понимать**. Человеческие эмоции здесь решающего значения не имеют.

Очень близкие идеи на сей счет были у **Георга Гегеля** - философа уже более позднего времени (XIX столетия) и одного из самых авторитетнейших умов в истории философской мысли. Немецкий философ высоко ценил наследие Спинозы, по сути он также считал, что задачей философско-исторического знания является открытие той необходимости, которая определяет ход, характер и в конечном счете исход исторического процесса. Возникает ряд проблем: в предшествующих лекциях мы отмечали, что (несмотря на весьма авторитетную представленность в истории философской мысли) представление о том, что соотношение необходимости и свободы являет собой некую жесткую дизъюнкцию по принципу - либо необходимость, либо свобода - это представление, хотя и распространенное, но неверное. Гегель является автором формулы, которая получила очень широкое распространение, хотя её далеко не всегда правильно понимали: **"Свобода есть форма проявления необходимости. Если цитировать ближе к определению Гегеля: свобода есть осознанная необходимость"**. Здесь начинаются довольно существенные расхождения в отправных методологических позициях, потому что мы сталкиваемся, говоря о понятии причинности, с тем фактом истории научной мысли, философской мысли, что само понятие причинности понималось очень по-разному. То, что сегодня принято называть революцией в науке, существенным образом связано с переосмыслением понимания причинности.

Классическое представление, восходящее к Античности, где канонической фигурой является древнегреческий мыслитель **Демокрит**, получило наиболее полное выражение в связи с опытом развития естественнонаучного знания. Такое понимание причинности связывают прежде всего с именем великого французского астронома и математика **Лапласа**, существует термин **"Лапласовский детерминизм"**. Согласно этому пониманию есть признание того, что все изменения, все события, которые мы наблюдаем в физическом, органическом и в человеческом мире (мире исторических событий) причинно обусловлены. Люди должны принять их абсолютно необходимым, неизменяемый характер, поскольку связь между причиной и следствием имеет однозначный характер: если А - то В (по логической формуле импликации). Всякое событие имеет свою причину, связь между ними имеет необходимый характер, по-другому быть не могло. Это понимание находит свое выражение в замечательной в своей четкости формуле Лапласа: **"Случайность есть мера человеческого незнания"**. Это значит, что событие, которое мы расцениваем как случайное - это событие, причин которого мы не сумели установить, мы не знаем, что именно обусловило наблюдаемое событие, произошедшее изменение. Философский ум, который проникает в сущность вещей, понимает, что ничего беспричинного нет, поэтому все, что совершается, совершается с полной необходимостью. Данная концепция хорошо известна, она получила название абсолютного детерминизма. В рамках этого понимания ни о какой свободе речи быть не может. Если мы связываем это представление с человеческими устремлениями, с желаниями, то в рамках данной логики объяснения и устремления тоже имеют неслучайный характер. Собственно, мы выходим на классическую проблему - проблему свободы воли человека.

Почему **проблеме свободы человека** классическая традиция предавала столь большое значение? Почему считалось необходимым из этих общих представлений сделать некое специальное исключение? Потому что здесь мы с неизбежностью выходим в этическую проблематику: если человек несвободен в своих решениях, в своих поступках, то тогда он не ответственен, потому что ответственность можно возложить только на свободное существо, на то существо, которое имеет возможность выбирать. В терминах философии морали этот выбор в последнем счете - это выбор между добром и злом. Коль скоро мы утверждаем, что человек не свободное существо и он не может выбрать, а подчиняется некоему общему ходу событий (как камень Спинозы, который влеком потоком и не может ничего изменить в своем движении), то об ответственности человека говорить нельзя. Более того, при последовательном размышлении оказывается, что попытка оценить происходящее в терминах добра и зла тоже не имеет под собой оснований, потому что коль скоро мы признаем, что все совершается с абсолютной необходимостью, тогда необходимо вспомнить поэтическую строчку "Добру и злу внимая равнодушно". Понятия "добро" и "зло" представляют собой некие иллюзии. Возникает огромный пласт проблем, который не укладывался в привычные представления и вызывал ряд очень серьезных возражений, поэтому люди шли по пути наименьшего сопротивления. Постулировалось (без всяких околичностей), что:

- **Мир природы** - это мир необходимых событий, мир причинной обусловленности.
- **Мир человеческий** - это нечто совершенно иное, нечто существующее совершенно особым образом, здесь всё совершается сообразно свободной воле человека, сообразно тем выборам, которые он делает.

Данная полемика, противоречие, напряжение мысли характерны для философии на протяжении многих и многих лет её существования. Это один из важнейших узлов философской мысли и дискуссии, неслучайно философия вновь и вновь возвращается к этой проблематике, пытаясь каким-то образом найти непротиворечивое решение, когда, с одной стороны, сохранял бы свое значение принцип причинности, принцип необходимой обусловленности наблюдаемых изменений, а с другой стороны – всё-таки принималось во внимание, что человек действительно способен свободно выбирать, совершать поступки сообразно своим собственным представлениям, в том числе морального порядка, представлениям о добре и зле. Здесь у философов тоже нет согласия, не все они единодушны в понимании того, что есть добро, что есть зло. Это тоже является проблемным узлом и пластом очень активных обсуждений.

Связь законосообразности исторического процесса и конечной цели

Соображения общего порядка необходимы, чтобы понять, как надлежит мыслить историю человечества, каков процесс по своей природе. Является ли он законосообразным, если да, то каким законам он подчиняется? Как соотносится исторический процесс, который является проявлением человеческой активности, с процессами природы и т.д. Необходимо наметить отправные точки этого процесса.

Каким образом связано некое представление о регулярном законосообразном характере исторического процесса с представлением о целесообразности вообще, о целесообразности человеческих действий? Важно подчеркнуть, что идея связи, цели и некой регулярности - это идея в философии довольно давно и прочно утвердившаяся, её наличие можно с уверенностью констатировать и у античных мыслителей, и во всех последующих эпохах. Речь идет о том, что некая **наблюдаемая упорядоченность, регулярность хода и исхода событий является проявлением стремления к цели**. Наиболее яркое воплощение идея связи регулярности, законосообразности хода истории и некоторого конечного результата, конечной цели - нашла в философии Гегеля. Философ утверждал, что историческое движение - это движение, которое устремлено к некоторому конечному результату. Именно движение к цели, к некоторому финалу является регулярным, законосообразным, необходимым в силу того, что достижение конечного результата возможно только через прохождение необходимых этапов. Стоит заметить, что Гегель (хотя он размышлял о всемирной истории человечества как целого) сразу вводит одно очень важное для понимания его логики и аргументации различие - делит все народы на два больших класса:

- **народы исторические** - совершают предустановленную революцию, обеспечивают продвижение к основному, главному, последнему результату человеческой истории;
- **народы неисторические** - все остальные народы.

Необходимо сказать о той цели, которая с точки зрения Гегеля реализуется в истории человечества, истории исторических народов. Движением мира является самодвижение абсолютного духа, который этот мир создает, который направляет его движение. Сам дух, сообразно своей собственной внутренней природе, сообразно своему существу движим стремлением к самопознанию. Исторический процесс - это процесс, в котором поэтапно реализуется все более полное, все более точное и достоверное самопознание абсолютного духа. Дух открывает на каждом этапе истории, в каждом витке исторического движения свою собственную сущность, свою самость, которая состоит в том, что его природа - это свобода. Таким образом, конечная формула философии истории Гегеля такова: **"История есть прогресс самосознания духом своей свободы"**. Процесс постижения, процесс самопознания проходит три необходимых фазы:

1. **Начальное состояние человеческого общества, в котором свободен один человек - носитель верховной власти, деспот**. Он единственный свободен, все остальные несвободны, находятся у него в подчинении, пребывают в зависимости от него, можно даже сказать, что находятся в состоянии рабства. Гегель вводит характеристику, которая впоследствии получила широкое распространение - **"азиатский деспотизм"**. Государства данного типа впервые сформировались среди азиатских народов. В этом первом состоянии мы сталкиваемся не со свободой, а с полнотой произвола. Это неудовлетворительное состояние, поэтому оно с неизбежностью переходит в следующую более высокую фазу.

2. **Фаза, которая характеризуется существованием общества, в котором свободны немногие.** Это фаза античных народов, когда основной формой общества и государства была полисная демократия. Если мы берем опыт античных городов-государств, прежде всего Афин и Спарты, то речь идет о том, что свободными считались только свободнорожденные, полноправные афиняне. Основная масса людей, не принадлежавших к этой общности, не признавалась свободной.
3. Завершающая цикл исторического процесса фаза - это **фаза, связанная с возникновением христианства.** Гегель несколько раз замечает, что важнейшим событием человеческой истории был приход Иисуса Христа. С позиций своей философии Гегель говорит, что именно Христос принес людям сознание того, что они свободны по своей собственной человеческой природе, своей сущности. Что их свобода не зависит от их социальной позиции, статуса, от любых форм локализации. Человек свободен по природе, осознав это обстоятельство (осознание приносит христианское вероучение, которое в своей высшей форме приобретает протестантскую версию христианства), в конце концов человечество приходит к своему финальному состоянию. Отметим курьез, почти карикатуру: максимально свободным обществом и государством Гегель провозглашает современное ему Прусское королевство, потому что его законы основаны на фундаментальных положениях христианского вероучения, а христианство в своем протестантском изводе является в Королевстве Пруссия государственной религией. Этого для Гегеля достаточно, чтобы признать, что именно в этом состоянии человек и человечество обретает максимум свободы. Именно поэтому философско-историческую концепцию Гегеля впоследствии весьма непочтительно назвали "гигантским недоноском".

Умы современников и последующие поколения философско-историческая концепция Гегеля привлекала утверждением, что **ход истории имеет неслучайный характер, что он подчинен определенным законам**, что все, что совершается, совершается с необходимостью, что высшее состояние философского ума, высшая истина, к которой этот ум должен прийти, заключается в том, что свобода обретается людьми с необходимостью, ибо это предопределено с начала времен, а философский ум открывает истинную природу хода и исхода исторических событий. Дальше Гегель видел задачу философии в том, чтобы эту открытую истину сделать достоянием возможно большего числа людей. Речь идет о том, что теперь философия должна получить максимально широкое распространение и признание. Этим была обусловлена любопытная ситуация: вся гегелевская школа разделилась на консервативную часть - старогегельянцев, которые получили ключевые позиции в университетах разных стран (прежде всего германских, а среди них - в Берлинском университете), и младогегельянцев, которые делали акцент на том, что исторический процесс - это процесс непрестанно совершающихся изменений революционного характера, которые должны направляться и поддерживаться усилиями людей, обретшими истину благодаря гегелевской философии. Младогегельянцы были в каком-то смысле

революционной группой, которая фундировала идеологию прогрессивных изменений, сообразных общему направлению движения человечества.

К младогегельянцам первоначально принадлежали **К. Маркс и Ф. Энгельс**, которые попытались радикально переосмыслить концепцию Гегеля, сохранив фундаментальную идею законосообразного характера исторических изменений, но произведя очень любопытную операцию, сообразную канонам рационалистического миропонимания. Они попытались демистифицировать гегелевскую картину мира, картину истории человечества, исключив из объяснения представления о порождающем материальный мир абсолютном духе, исключив из своей философско-исторической картины мира представление о том, что именно дух в своем стремлении к самопознанию является той движущей силой, которая обуславливает исторические изменения. Взамен, пройдя через обогащение и оплодотворение философией Фейербаха, К. Маркс сформулировал очень важный и сильный в своем объяснительном значении тезис: **"История есть деятельность преследующего свои цели человека"**. То есть никакого другого субъекта в истории человечества, кроме действующих живых индивидов - не было, не нужно домысливать некие мистические сущности, которые делают человека по сути дела не свободным субъектом, не свободно действующим существом, а исполнителем неких чуждых и внешних ему предначертаний. Гегель дал очень серьезные основания для подобного понимания: он когда-то написал, что люди являются чем-то вроде марионеток абсолютного духа. Замысел Гегеля, его ирония заключаются в том, что люди воображают себя свободными (это в каком-то плане повторение мысли Спинозы) в выборе своих целей, в выборе образа действий, но в действительности они служат целям абсолютного духа, который ими пользуется как инструментами для достижения конечного состояния полноты самопознания.

Младогегельянцев, а впоследствии и перешедших на позиции марксизма марксистов совершенно не устраивал такой подход, поэтому они создают философско-историческую концепцию, согласно которой в истории нет никаких других деятелей, кроме самих человеческих индивидов. **Идею необходимости, идею регулярности исторических событий было необходимо соотносить с идеей человеческой свободы.** К. Маркс достаточно емко отвечает на это четкой формулой: "Люди сами делают свою историю (имеется в виду, что никаких других субъектов нет, кроме разумных живых человеческих существ), но делают её при необходимых условиях". Таким образом, **свобода человека не безгранична, она совершается или реализуется при определенных, данных человеку обстоятельствах.** За рамки этих ограничений человек, сохраняя свою свободу, в принципе выйти никак не может. То есть свобода выбора есть, есть свобода человеческих предпочтений, есть свобода выбора образа действий, но эта свобода безграничная.

Эта мысль Маркса хорошо коррелирует с утвердившимся в философском сообществе пониманием, согласно которому свобода и необходимость не являются противоречащими друг другу понятиями. **Необходимость** - это такая характеристика связи событий, которая не подчиняется человеческому произволу, она обусловлена имманентной природой совершающихся событий. С этих позиций человек

необходимость отменить не может. Он свободен в реализации необходимости, пути её реализации могут быть вариативными, тем самым человек сохраняет свободу действий, возможность выбора. Круг этих возможностей не однообразен, он меняется и может быть более или менее широким. Далеко не все, сделанные людьми или человеком выборы, реализуемый образ действий являются наиболее разумными, наиболее оптимальными. Именно с философской точки зрения важно понимать, что человек нарушить необходимость не в состоянии, не в силах человеческих выйти за пределы круга возможностей, которые обусловлены наличным положением вещей, но внутри этого набора возможностей он ищет и находит те решения, которые позволяют ему его знания: как он видит ситуацию, какие возможности он распознает, что-то, возможно, остается за пределами его видения и понимания. Самое главное - какими ресурсами для реализации своих программ, своих решений располагает человек, точнее организованное человеческое сообщество.

Пути реализации необходимости в деятельности человека

В таком случае необходимо вернуться к уже известному и затрагивавшемуся ранее вопросу и ответить на главный вопрос: в чем состоит необходимость, которая должна быть реализована в человеческой деятельности? Если мы не принимаем теологическую концепцию, согласно которой эта необходимость есть необходимость предустановленного движения к финальной цели, если мы тем самым отказываемся рассматривать историю человечества в том ключе, который предлагает концепция Гегеля (как средство для решения некоторой сверхзадачи, когда люди представляются инструментами для достижения не ими поставленной цели), то что тогда мы можем предложить, какие соображения о необходимости и путях её реализации? Это необходимость того же самого порядка, что и необходимость, наблюдаемая в процессах органической жизни. Современная наука, современная философия, которая опирается на научные представления, **рассматривает процессы органической жизни и жизни человеческого сообщества как разновидность процессов самоорганизации и самоподдержания.** При определенных обстоятельствах возникает структура, которая способна к самосохранению, к самовоспроизводству во взаимодействии с окружающей средой. Среда для такого рода самоподдерживающихся и самоорганизующихся систем является источником ресурсов. Эти вопросы были рассмотрены ранее при анализе проблемы самоорганизации социальных систем. Такого рода системы современная наука квалифицирует как системы диссипативные. Приведем очень образное выражение одного из создателей этой концепции **Ильи Пригожина: "Динамика диссипативных структур, их изменение совершается в очень любопытном поле, где одна граница задана абсолютной необходимостью (когда все совершается однозначно, линейно и предустановлено), другая граница - это полный хаос (когда любые происходящие изменения абсолютно непредсказуемы, не обусловлены предшествующим состоянием)".** В этом диапазоне, между полюсами полной детерминированности и полного хаоса совершается процесс органической эволюции и процессы эволюции социальных образований, то есть человеческих обществ. Это принципиально новая методология, которая была неизвестна предшествующим эпохам человеческой мысли, это очень эффективный подход и способ осмысления

происходящего, потому что таким образом мы получаем возможность объединить представления о необходимом законосообразном характере событий и о свободных решениях человека. Эти решения свободны в том смысле, что **человек выбирает средства и пути решения задачи самоподдержания**. Необходимо отметить, что это довольно жесткая система, потому что если человеческие представления и решения, а также применяемые людьми средства неадекватны характеру задачи, то совершается тоже самое, что и в органической эволюции - недееспособные структуры, неэффективные способы действия выбраковываются.

Фундаментальный принцип теории эволюции Ч. Дарвина, который принят подавляющим большинством современных биологов-эволюционистов - это ненаправленная изменчивость, ненаправленный мутагенез, то есть изменения в геномах живых организмов, которые происходят случайным образом под воздействием сложившихся обстоятельств, и регулирующий, организующий, создающий некоторые формы порядка отбор. Нет возможности считать, что эволюция живых организмов совершается сообразно принципу высшей гармонии (как принято иногда было думать), когда целью природы является создание все более и более совершенных организмов. Подобного рода целесообразности в мутагенезе нет, изменения совершаются в случайном порядке, но дальше включается механизм отбора. Отбираются приспособленные, то есть те органические структуры, те живые образования, которые могут поддерживать свою жизнь, воспроизводить её в определенном взаимодействии со средой обитания, поэтому **ключевым термином для объяснения общего хода органической и социально-исторической эволюции является термин "адаптация"**. Поведение живых существ и поведение организованных в сообщество людей в этом смысле характеризуется как поведение адаптивное, но человеческое поведение, человеческая деятельность отличаются от поведения животных своим активным характером. Это поведение не только адаптивно, оно адаптивно адаптирующее, потому что человек, благодаря своей способности к орудийной деятельности, благодаря тому, что он обладает способностью к мышлению и созданию мыслительных конструкций, которые реализуются в его практиках, преобразует окружающую среду, делая её пригодной для своего существования. Сегодня это стало проблемой, которая обсуждается очень активно и вызывает самые разные, даже алармистские реакции. Это проблема разрушения окружающей среды, лишение её каких-то необходимых для человеческого существования характеристик. Люди могут перейти границу допустимого преобразования таким образом, что накопившиеся изменения будут вредоносны и начнут создавать угрозы для дальнейшей жизнедеятельности людей. Это показывает на то, что свобода человека безгранична, более того, не всякий выбор, который люди совершают и реализуют в своих действиях, может считаться свободным, потому что в последнем счете необходимо отдавать себе отчет в том, что есть свобода действия, есть свобода достижения результатов - свобода делать и свобода сделать. В конечном счете необходимо признать, что свободными являются только те решения и действия людей, которые позволяют, обеспечивают, соучаствуют в решении главной задачи самоподдержания человеческого общества.

Структурообразующие принципы формирования устойчивых социальных систем

После установления постулата, вернемся к рассмотрению классических вопросов о том, что с точки зрения исторической динамики, исторической изменчивости является образующим основанием, структурообразующим принципом формирования устойчивых социальных систем. Наиболее распространенным способом объяснения исторических изменений было указание на то, что происходит развитие человеческих знаний, совершается прогресс. Очень часто представление о прогрессе человеческих знаний тоже в конечном счете выводило на идею о некоей предустановленной целеустремленности в духе гегелевских соображений, о которых шла речь выше. Мы говорим о том, что **человек спонтанно, имманентно следует своей собственной внутренней природе, он устремлен к обретению некоего высшего состояния.** Духовные стремления человека в итоге обуславливают то, что происходит в человеческой истории. Необходимо отметить, что современное понимание источника изменений в человеческом обществе далеко от идеи финальной цели, финальной устремленности человеческих усилий. Телеология вообще в современной философии науки, в отличие от того, что было в предшествующие эпохи философского размышления, не рассматривается как достаточно обоснованная концепция. Стоит специально подчеркнуть, что в современном философском понимании механизмов изменений и в природе, и в обществе отсутствует понятие целевой причины при сохранении представления о целесообразности поведения живых организмов, тем более, человеческих существ. Целесообразность есть, но это не та целесообразность, которая связывалась с идеей о некоем финальном состоянии, к которому устремлен процесс. На эту тему размышлял Аристотель, согласно которому целевая причина - это то, что существует во вне совершающегося процесса, что притягивает к себе, обуславливает характер и вектор движения. Сегодня мы подобного рода понимание данного механизма не разделяем, от такой трактовки целевой причины современная философия отказалась. **Идея целесообразности теснейшим образом связана с механизмом самоподдержания, самосохранения.**

Все, что обсуждалось ранее, связано с вопросом не столько и только содержательного анализа исторической эволюции человечества, сколько адекватного осмысления этих событий в гносеологических и методологических условиях. Согласно давно устоявшейся в философии традиции именно мыслительные структуры и процедуры, которые вырабатывает человек, позволяют с той или иной степенью адекватности оценивать в зависимости от качества интеллектуальной работы наблюдаемые события или те события, которые мы реконструируем применительно к прошедшему времени. Это задает горизонт видения, способ видения, то есть философская проработка начальных оснований познавательных усилий людей имеет чрезвычайно большое значение. **Философская рефлексия по поводу своего интеллектуального инструментария - это одна из задач философско-исторического знания.** Совершенно неслучайно, что одним из образующих центров этого рода размышлений является вопрос о том, каким образом соотносятся

собственные имманентные характеристики совершающегося процесса (в данном случае процесса исторической эволюции человечества) и тот познавательный инструментарий, который наука разрабатывала для постижения, познания и осмысления этих событий. Необходимо подчеркнуть, что существуют две позиции, наработанные в самое последнее время, одна из которых является наиболее распространенной

- первый вариант постановки и решения данной проблемы: способ видения и метод постижения, метод исследования некоей области действительности обуславливает характер наших представлений и своеобразие тех интеллектуальных моделей, познавательных конструкций, которые мы создаем. Это понимание идет от **И. Канта**, оно может быть выражено достаточно определенно: **способ конструирования и метод познания обуславливают видение объекта, понимание хода и исхода событий**, в итоге обуславливают способность достичь желаемого результата - получить некое достоверное знание.
- второй вариант - более традиционный и более надежный, согласно этой позиции **метод**, который должен быть разработан, который действительно является результатом неких творческих и конструктивных усилий познающего человека, **должен соотносываться с качественным своеобразием материала** тех процессов, которые человек изучает.

Общие **фундаментальные принципы научного познания**:

- **принцип наблюдаемости** - в истоках человеческих знаний лежат факты
- **принцип логической согласованности объясняющих построений**, объясняющих суждений. Наличие логических противоречий, равно как и наличие несоответствия фактическим данным - это симптомы, сигналы, которые указывают на необходимость изменения способов познания, изменения методологии.
- **принцип внутренней согласованности суждений в различных областях знания** - важный принцип, хотя ему придают меньшее значение. Мы не можем себе позволить никакие суждения об истории человечества, если они противоречат фундаментальным принципам физики. Ни один социально-исторический процесс, никакие изменения в человеческой истории не идут с нарушением этих фундаментальных законов. В данном случае решающую роль играет понимание того, как работает второе начало термодинамики, ибо мы сегодня имеем все основания для того, чтобы оценить с самых общих позиций исторический процесс, как процесс негэнтропийный. Физики в таких случаях выражаются очень изящно - откачка энтропии во внешнюю среду. Люди поддерживают упорядоченность своей жизни, своих взаимодействий постольку, поскольку разрушают, видоизменяют согласованные и упорядоченные связи в среде обитания. Это не подлежит человеческим произвольным решениям, люди не могут от этого отказаться и следуют этому принципу. Поскольку мы осознано

или неосознанно его соблюдаем, постольку получаем возможность решить задачу самоподдержания, это определяет то, насколько наши действия могут быть успешными.

Эти принципы очень важны, мы говорим о них сегодня потому, что в современной литературе по теории познания возник любопытный крен, то есть склонность, которая всегда наблюдается в истории человеческой мысли. Это преобладание убеждений, что наше представление является субъективными конструктами. Существует направление социальной мысли, которое называется **конструктивизм**, профессор **Пол Лазарсфельд** является специалистом по современной конструктивистке, он утверждает, что весь опыт осмысления человеческой познавательной деятельности приводит к заключению, что люди должны перестать претендовать на получение объективной, достоверной истины. Само понятие "истина" становится избыточным, потому что знания не могут претендовать на онтологическую достоверность. В одном из романов братьев Стругацких есть куплет: "Берем картину мироздания - да! И тупо смотрим, что к чему". Согласно современным версиям когнитивистики, согласно психологической трактовке наших познавательных усилий никакой картины мироздания мы взять не можем, потому что все, с чем мы работаем, является результатом наших собственных усилий. Это наши собственные конструкции, наши построения, поэтому по понятным причинам невозможно применить классическое определение того, что такое истина. Истина, понимаемая как соответствие знания и действительности, оказывается бессмысленным утверждением, потому что мы не можем сравнить действительность со знанием, можем сравнить только одну форму знания с другой, например, чувственное знание с некоторыми вербальными построениями. Это очень опасная точка зрения, потому что следующим логическим шагом в этом направлении является избыточно популярный в современной философии тезис, согласно которому то, что считается истиной, является следствием некоего соглашения. Люди договорились, что их представления, некое понимание являются истиной. Таким образом, истина - это то, что принимается по соглашению, она конвенциональна. Это явление проявляется в ситуации дискуссии, резкого столкновения разных подходов. Печально известный пример - столкновение генетической науки и того, что в истории нашего отечества известно под именем "Лысенковщина". В свое время под давлением органов государственной власти и органов идеологического контроля большая часть институтов и биологических факультетов, которые были заняты изучением биологической жизни, были согласны с тем, что генетика - это лженаука, измышление буржуазных идеологов, а в действительности достоверным знанием обладает только мичуринская биология, представленная наиболее крупным и авторитетным своим деятелем - академиком Трофимом Денисовичем Лысенко. Конвенция торжествовала, очень крупных представителей генетической науки изгоняли из институтов, запрещая им преподавать и принимать участие в исследовательской работе. Великое счастье, что такие крупные ученые, как Н.В. Тимофеев-Ресовский получили возможность работать, пусть на периферии и практически конспиративно. Благодаря семинарам, которые проходили под руководством этого великого ученого, были наработаны принципы современной

радиобиологии, была получена возможность защиты живых организмов от воздействия интенсивной радиации. Одного этого примера достаточно, чтобы убедиться, что истина - это все-таки то, что соответствует действительности. Наши знания могут претендовать на истину именно потому, что они отвечают неким объективным свойствам, характеристикам тех процессов, которые мы не только наблюдаем и изучаем, а тех процессов, в которые мы включены в качестве живых существ, существующих постольку, поскольку их поведение отвечает требованиям адаптивности.

Принцип соответствия знания и действительности очень важен, в том числе и в исторических дисциплинах, потому что если пытаться согласовать текущие решения, планы и программы, в частности, с изучением исторического опыта людей, то эффективность, успешность и адекватность этих программ напрямую будут зависеть от достоверности исторических знаний. Именно это соображение требует освободить историческую науку от какого-то бы ни было внешнего идеологического или политического контроля. Сейчас являются модными разговоры об исторической политике, политике исторической памяти и т.д., в основном этому придается политико-идеологический смысл: необходимо каким-то образом обеспечить наши собственные интересы, не позволить использовать историческое знание для реализации целей, которые могут нанести интересам ущерб. Это очень правильная постановка вопроса, в этой связи необходимо отметить вещь, которая совершенно неоспорима - единственным путем достижения данной цели является получение достоверного знания. Для исследователей (историков, политологов, социологов и любых других представителей социальных наук) нельзя заранее, извне формулировать некие желаемые результаты. Если достоверность каких-то представлений доказана методами и средствами науки, то приходится это принимать и считаться, даже если это вызывает негативные эмоциональные реакции и не согласуется с нашими представлениями о том, чего бы нам хотелось. Истина - вещь суровая, о ней справедливо говорят: истина - дочь времени. Это означает, что истина обретается благодаря настойчивым усилиям по её обретению. **Получение истинного знания требует:**

- во-первых - полной независимости, полной свободы в исследованиях;
- во-вторых - использования наработанных методик, опирающихся на хорошо известные принципы получения знания и его удостоверения.

Необходимо дополнить этот тезис важным соображением: никакой окончательной абсолютной истины люди действительно получить не в состоянии. **Истина не являет собой нечто застывшее, нечто окончательное, нечто неизменяемое.** Наши знания пополняются, развиваются, изменяются и всегда требуют переосмысления, кроме того, людям, которые работают с научной проблематикой, хорошо известен принцип: каждая решенная задача, каждый полученный результат рождает две новые проблемы (как минимум). Это процесс перманентно возобновляемый, процесс постоянно идущий, но изменения знаний и представлений совсем не означают, что все, что мы знаем, субъективно и подчиняется сугубо человеческим представлениям.

Лекция 7. Проблемы типологии истории

Основные положения неокантианства в сфере социально-исторического знания

Продолжая обсуждение философских проблем исторического познания и учитывая вопросы, которые были рассмотрены на прошлой лекции, мы начнем с проблематики сугубо методологической, с вопроса о том, как возможно историческое познание (если использовать известную формулировку Иммануила Канта). Это совсем нетривиальный и непростой вопрос, потому что с времен античной философии, античных софистов была существенным образом осмыслена очень непростая проблема: все убеждения людей о том, что они обладают знаниями о неких реально происходящих событиях, философская критика и анализ расценивалось как соображение иллюзорное, потому что все, что люди пытаются утверждать о действительности, является утверждениями о том, что они знают. Люди всегда говорят о своих знаниях, а не том, что происходит вне и помимо человеческих представлений. Эта мысль в разных вариациях воспроизводилась на всем протяжении истории философии. В качестве выразительной иллюстрации можно привести содержательное и четко сформулированное высказывание, которое принадлежит современному американскому писателю, автору исторического романа "Мартовские иды". Один из персонажей романа - Марк Туллий Цицерон произносит следующее: **"История, которую мы читаем, как правило, лишь цепь предположений, прикидывающихся фактами"**. Исторически так Цицерон сказать не мог, это сильная модернизация, но приведенная формула заслуживает внимательного аналитического отношения. Для контраста сравним, что по этому поводу сказал крупнейший русский философ В.С. Соловьев: **"История есть ряд основанных на фактических данных соображений вероятности"**. В отличие от ранее озвученного, Владимир Сергеевич признавал возможность получения фактических данных.

В таком случае возникают вопросы: что такое факты, которые люди делают отправными позициями в изучении истории, можно ли говорить об исторических фактах, как о достоверном представлении? Это совсем нетривиальные вопросы, здесь огромное влияние получили те философские концепции, которые отталкиваются от теории познания, сформулированной в трудах немецкого философа И. Канта. Согласно Канту, важнейшую роль играет различие способов представления объектов в разуме. Как в обыденном сознании представляется научное знание? Собираются некие факты, далее разрабатываются объяснения, которые тем или иным образом опираются на представления о законах. Возникает следующий вопрос: что собой представляют эти законы, например, законы истории? Согласно кантовскому пониманию законы - это всего лишь конструкты разума, его плоды, потому что только разум может придавать объектам знания форму всеобщего. Дело в том, что согласно убеждениям очень большой группы философов мир реальных событий - это мир событий единичных, уникальных, а всякое обобщение - это результат тех процедур или операций, которые совершаются в человеческом уме и человеческим умом, поэтому очень важна позиция, которая было предельно четко выражена Кантом и принимается всеми его

последователями: **"Не формы нашего ума сообразуются с вещами природы, а напротив - вещи природы формами ума. Наш ум находит в природе только то, что он сам вложил в неё до опыта и независимо от опыта"**. Если вдуматься, то это довольно сильно ограничивает познавательные возможности человека, потому что получается, что мы можем найти и сформулировать в качестве своих знаний только то, что сами придумали. Эта мысль не новая, мы уже упоминали софистов, еще одно свидетельство - великий немецкий поэт **Иоганн Вольфганг Гёте**, который в самом начале поэмы **"Фауст"** вкладывает в уста своего героя замечательное выражение:

Не трогайте преданий старины.
Вам не сломать ее печатей.
А то, что духом времени зовут,
Есть дух профессоров и их понятий,
Который эти господа некстати
За истинную древность выдают.

Как можно видеть, это всегда одно и то же: знания, к которым мы апеллируем, которые мы пытаемся сообщить другим людям - это знания, которые принадлежат людям, которые заняты познавательной деятельностью. Поэтому у нас при строгом философском анализе нет ни малейших оснований утверждать, что мы знаем что-то в действительности. По мысли Канта люди в действительности видят только то, что сами вкладывают, наши картины мира - это всецело наши создания, наши построения.

Данные мотивы сейчас получили новое выражение, они опять подняты на щит и стали доминирующими установками в рассмотрении целого ряда проблем. Появляются очень знакомые по смыслу формулировки, в теории познания сформировано направление, которое именуется конструктивизмом. Его адепты, в частности, профессор когнитивной психологии **Пол Лазарфельд** прямым текстом формулируют уже знакомую мысль: "Научная деятельность - это разработка мыслительных конструкций, а не открытие законов, это попытка построения теории знания, которая не выдвигает онтологических притязаний, а потому и не исходит из предпосылки о реальности". В таком же ключе рассуждает **Роджерс Брубейкер** - современный историк, написавший несколько серьезных работ, в частности, трактующих вопросы этнологии. Историк пишет: "Когда в последней четверти XX века конструктивистские установки получили признание и распространение, объективистские понимания были вытеснены субъективистскими подходами". Этого рода линия аргументации, которую с полным основанием можно назвать субъективизмом - **субъективистской теорией познания в эпистемологии**, конечно, встречает возражения и резкую критику, несогласие, отторжение и т.д. Важно привести соображения оппонентов субъективистской линии, прежде всего британского историка и социолога **Эрика Хобсбаума**, который отмечает, что рост интеллектуальной моды на постмодерн в западных университетах заменяет факты интеллектуальными конструкциями, только претендующими на объективность. С точки зрения последователя этой концепции не существует ясного различия между фактами и фикцией. В действительности такое различие есть, и для историков абсолютно необходимо различать одно и другое. Если

мы не имеем понятийного инструментария и логики, которая позволит понять, где мы имеем дело с фактами, с достоверностью, а где - с сугубо субъективными представлениями и убеждениями, то никакая задача научного знания не может быть разрешена. В том же ключе рассуждают два очень интересных ученых **А. Сокал и Ж. Брикмон**, которые не являются философами по своей основной специальности - это авторы популярной книги "**Интеллектуальные уловки**". Физики пишут прямо: "Мы называем релятивизмом любую философию, которая утверждает, что значимость текста зависит только от индивида или социальной группы". Рассмотренные контраргументы сводятся к одному - **людям, в силу особенностей человеческой природы, дана возможность познавать объективный мир, открыта возможность получения достоверных знаний**. Это не простая задача, она не решается с ходу, здесь совершенно недостаточно одного только здравого смысла, поэтому очень важное значение имеет гносеологическая и даже философская рефлексия.

В истоке, в основании всей нашей системы знаний так или иначе лежит общая картина мира, которая создается философией, в построении этой картины мира сказывается гносеологическая позиция того или иного мыслителя. В особенности это имеет значение в сфере социально-исторических наук, которые обращены к человеку. Поэтому сегодня значительная часть лекции будет посвящена разбору основных положений концепции, которая получила наибольшее влияние в сфере социально-исторического знания и известна под именем "**неокантианство**". Представителями данного направления мысли, которое принадлежит последней четверти XIX и началу XX века, являются крупнейшие немецкие мыслители **Вильгельм Виндельбанд, Генрих Риккерт** и наиболее известный, читаемый и цитируемый философ и социолог **Макс Вебер**. Неокантианцы пытались, отталкиваясь от базовых идей И. Канта, построить некую **систему методологических принципов**, которые открывали бы возможность получения достоверного знания о событиях истории человечества и о событиях жизни людей, объединенных в сообщества. Неокантианцы предложили четкую дихотомию, они не отказывали в возможности получения достоверного знания о событиях человеческой истории, но при этом категорически настаивали на том, что существует два рода наук, очень отличных друг от друга по своим целям и методам:

- **науки о природе** - природа мыслится, как царство необходимости;
- **науки о духе или науки о культуре** - культура мыслится, как сфера жизнедеятельности человека разумного и свободного, науки о культуре принадлежат к области понимающих наук.

Согласно давно устоявшемуся противопоставлению природы и культуры одного этого различия было достаточно, чтобы сформировать совершенно различные методы изучения объектов. Прежде всего отмечалось, что науки о природе и науки о культуре преследуют разные цели. Здесь неокантианцы отталкивались от тезиса немецкого мыслителя, психолога и философа **Вильгельма Дильтея**, который дал следующую формулировку: "Природу мы объясняем, тогда как душевную жизнь мы понимаем". Существует ещё одно существенное различие форм научного знания - это различие методов. Можно отметить наличие оттенков в позициях мыслителей, но в основном

речь шла о том, что науки о природе (естественные науки) используют **номотетический метод**, когда собранные данные о конкретных событиях (их достаточно часто, но не очень точно называли единичными событиями) каким-то образом обобщались, далее формировались общие законы, на основании которых потом решалась общая задача объяснения. **Объяснение** - это процедура, которая позволяет подвести наблюдаемое единичное событие, установленный факт под общий закон и тем самым объяснить то, что произошло.

Науки о культуре, науки о духе - это **науки идиографические** или науки описательные. Важно отметить, что довольно часто и даже в научных текстах можно обнаружить неправильное написание – идеографические науки. Отметим, что речь идет не об идеях, а об описаниях, термин является производной от двух слов: от греч. *idios* - особенный, своеобразный, *gra-pho* - пишу. Науки о культуре должны быть очень осторожны в операциях обобщения и очень внимательны к своему понятийному инструментарию. Если обратиться к наработкам Вильгельма Виндельбанда в этой области (мыслитель точно и пронизательно заметил, что проблема философии - это значение аксиом), то основные методы человеческого познания, сообразно давно утвердившимся представлениям - это методы дедуктивные и индуктивные:

- **дедуктивные методы:** человеческая мысль оперирует общими категориями, далее на основании логически выверенных процедур выстраиваются рассуждения от общего к частному или от общего к единичному;
- **индуктивные методы:** индуктивное обобщение охватывает некоторые выделенные ряды событий, данное обобщение имеет ограниченную применимость, оно может быть соотнесено только с конкретными, определенным образом локализованными группами событий.

В. Виндельбанд не отрицает возможности обобщения социально-исторического знания, но подчеркивает, что общее и существенное в историческом знании, историческом исследовании имеет другой смысл, чем в естествознании. В первом случае оно означает **ценностную связь фактов, во втором - их закономерность**. Таким образом в оборот наук о культуре вводится очень важное и многократно сейчас используемое понятие "**ценности**". Сравним формулировку Виндельбанда с очень близкой по своему содержанию мыслью М. Вебера, который в своей знаменитой работе "**Протестантская этика и дух капитализма**" замечает: "**Эмпирическая реальность есть для нас культура потому, что мы соотносим её с ценностными идеями**". Лейтмотивы должны быть вполне очевидны: объектом изучения наук в культуре является человек, чьё поведение направляется и вдохновляется его ценностными приоритетами.

Правомерны вопросы: почему именно эти ценностные приоритеты, а не какие-то другие, можно ли каким-то образом установить обусловленность ценностей? Возможно ли выяснить, что ценности, которые были установлены путем эмпирических исследований при реконструкции неких особенностей культуры прошлого, а также при анализе социологических исследований современной культуры, современного

общества, являются зависимыми в своих содержаниях и производными? Или же у нас такой возможности нет? Тогда мы должны принимать некие ценностные предпочтения как исходную данность, которая далее используется для решения задачи понимания. Неокантианцы используют метод, который на русский язык переводится, возможно, не очень удачным словосочетанием "**отнесение к ценности**". Это означает, что человеческое поведение истолковывается (термин М. Вебера) посредством соотнесения наблюдаемых поступков, наблюдаемой линии поведения с теми ценностными установками, которые известны, как принадлежащие этому человеку или в более широком охвате - как установки, которые характерны для какой-то определенной культуры. Сегодня можно увидеть, что ценность стала понятием повседневного лексикона (даже уже не на уровне философского осмысления или научного исследования). Политики очень часто говорят о том, что существует задача сохранения ценностей, приумножения ценностей, защиты ценностей и т.д. Ценности всякий раз рассматриваются как некая изначальная данность. Пытаясь ответить на вопрос "Почему эти ценности, а не какие-то другие?", в лучшем случае можно услышать ссылку на традицию, на то, что набор ценностных приоритетов всегда был характерен для той или иной культуры. Мы еще не раз будем сталкиваться с такой конструкцией, не раз будем убеждаться в том, что анализ ценностных приоритетов, ценностных шкал, характерных для той или иной культуры, является некой отправной точкой для целого ряда более специальных исследований. Это вполне приемлемая задача науки и корректная постановка вопроса.

Основания классовой дифференциации в марксизме

Проблема заключается в вопросах: можно ли довольствоваться только этой задачей, возможно ли пойти по классическому пути и понять - имеют ли интересующие нас ценностные приоритеты одного человека, зафиксированные как специфические характеристики некой культуры, какое-то объяснение? С позиции субъективистской теории познания решить эту задачу в принципе невозможно, потому что в строгом соответствии с начальными представлениями данной концепции ценности являются собой некое порождение интеллектуальных усилий людей. Если радикально поменять позицию и перейти на позиции материалистического понимания, которое распространяется в том числе и на область человеческой истории, то тогда откроется возможность ответить на вопрос: каким образом формируются ценностные приоритеты, под влиянием каких факторов они изменяются? Именно такие задачи позволяет решить то, что принято называть **материалистическим пониманием истории**. Необходимо отметить, что этому направлению социально-философской мысли довольно сильно не повезло, потому что оно в силу ряда совпавших или естественным образом взаимосвязанных факторов оказалось в очень сильной степени скомпрометированной. Скомпрометированному как идеология, лейтмотивом которой был тезис о том, что история - это история борьбы классов, что человеческие действия прежде всего направляются классовым интересом. То есть действия индивида определяются его принадлежностью к определенной социальной группе, именуемой классом. Классы возникают неслучайным образом, их интересы имеют объективный характер, то есть не являются результатом свободного выбора, свободного

предпочтения людей. Классовый интерес является именно тем фактором, который детерминирует ценностные приоритеты и отдельно взятых людей, и тех больших социальных групп, к которым люди принадлежат.

Важно понимать, что очень опасным методом является путь наименьшего сопротивления, путь радикальных упрощений. Действительно, тематика классовой дифференциации общества, классовых интересов и конфликтов - это тематика не надуманная, она не является порождением сугубо идеологии или каких-то текущих интересов политического или экономического свойства. Данная проблематика заслуживает очень серьезного внимания, одним из свидетельств этого является то, что её разделяли историки, совсем не во всем и не всегда согласные с Марксом, не разделявшие и не принимавшие его идеи без остатка, без критики. Таких историков в XX веке можно назвать много, это будут влиятельные фигуры, творчество которых заслуживает всяческого внимания. Одного имени будет более, чем достаточно - это крупнейший французский историк **Марк Блок**, один из создателей школы анналов. Одна из основных работ Блока, жемчужина в его наследии именуется "**Феодальное общество**", при чтении этой книги легко можно увидеть довольно существенную переключку с марксистской концепцией. Тем не менее, необходимо разобраться в том, что же дает Марксу и его последователям основание утверждать, что мотивы человеческих действий не являются сугубо субъективными, не являются результатом произвольных предпочтений, результатом стечения каких-то локальных обстоятельств. Действительно ли человеческие цели, мотивы человеческих действий, в том числе ценностные приоритеты, которые подлинно играют очень большую роль в формировании человеческого поведения, имеют в основном своем содержании неслучайный характер? Одна из самых ближайших наших задач заключается в том, что мы должны разобраться в **основаниях классовой дифференциации** и тем самым получить ответ на вопрос о том, что такое классовые интересы. Это не пустые понятия, они не надуманные, не являются производением сугубо идеологического порядка - это категории, которые имеют под собой очень серьезное историческое и социологическое содержание.

Знаменитое определение классов принадлежит **В.И. Ленину**, который здесь, конечно, опирался на разработки К. Маркса, прежде всего на "**Капитал**" и на философско-исторические работы, одна из которых имеет очень четкое название "**Классовая борьба во Франции**". По В.И. Ленину **классы - это большие группы людей, которые различаются:**

- по своему отношению к средствам производствам
- по месту и роли в системе разделения общественного труда
- по располагаемому доходу

Данные три критерия, три фактора классовообразования естественным образом взаимосвязаны, они не существуют изолированно. Прежде всего возникает вопрос: почему такое внимание уделяется собственности на средства производства или, говоря несколько иначе, отношению к средствам производства? Согласно марксистской

концепции отношение к средствам производства - это структурообразующее основание системы отношений между людьми. Ответ нам уже известен: согласно марксистской концепции человек - это существо, которое свое существование поддерживает посредством производительной деятельности. Классическая формула Маркса гласит: **"Человек начинает отличать себя от объектов природы с того момента, как он начинает производить необходимые ему средства к жизни"**. В процессе производства (вынуждено опустим многие подробности аргументации) люди вступают в определенные отношения друг с другом, которые имеют объективный характер. Это означает, что они не зависят от человеческого произвола, не устанавливаются людьми по своему произвольному желанию, хотя человеческими действиями руководят какие-то более-менее осмысленные намерения и устремления. Первое, что необходимо отметить, используя классическую социологическую терминологию: **классы - это объективные социальные группы**. Помимо всего прочего, это означает, что классы не создаются целенаправленно, никто не создавал класс феодалов, класс крестьян, класс капиталистов, хотя все эти социальные группы являются реально существующими или существовавшими в человеческой истории. Они возникли как некий спонтанный или побочный продукт в воспроизводственной деятельности организованных человеческих сообществ. **В истоке классовобразования лежит разделение труда.**

Самый большой по длительности период в человеческой истории человеческое общество было обществом бесклассовым. То есть люди, объединенные в устойчивые человеческие коллективы, были в этом отношении равны, они все были сособственниками тех средств производства, которые им принадлежали. В этой связи необходимо задаться важным вопросом: что такое быть собственником? В обыденных представлениях людей представление о статусе собственника, как правило, сводится только к одной характеристике (которая, конечно, существенна, её ни в коем случае нельзя выводить из поля зрения, но она недостаточна): собственник - это человек, который обладает определенным фондом потребления, располагает каким-то ресурсом жизнеобеспечения. По этому признаку люди или даже общественные группы делятся на хорошо нам знакомых "богатых" и "бедных". **Жан-Жак Руссо**, пытаясь объяснить феномен общественного неравенства, в конце концов сводил его существование к человеческой жадности. Людям от природы порочным, от природы склонным к совершению зла свойственно стяжательство, они склонны к накоплению богатства. Стать богатым - главный ценностный приоритет людей подобного типа, следствие их моральных (или аморальных) устремлений, это уже зависит от оценки). Соответственно, люди, которые лишены устремления стяжательства и не склонны вещественное богатство возводить в самый высший приоритет, то есть люди бедные - бедны потому, что не прилагают достаточных усилий, чтобы накопить богатство. Они лишены того, что иногда (совсем неточно и некорректно) называется инстинктом накопительства.

Важно подчеркнуть, что параллели, которые выстраиваются для того, чтобы объяснить особенности человеческих действий в этом плане, являются в высшей степени характерными. Они рассказывают о животных, имеющих инстинкт накопления запасов, например, барсуках или бурундуках, которые тащат в норы то, что им потом

понадобится для выживания в суровые климатические периоды. Можно вспомнить замечательную басню **И. А. Крылова "Стрекоза и муравей"** - классический пример такого рода подходов. Данные объяснения очень поверхностны, какие-то черты действительности человеческих отношений, характеров и поступков они определенно выражают, но более-менее исчерпывающее объяснение на этом основании не предоставляют. Существовала очень популярная среди просветителей XVIII столетия, особенно среди последователей Ж.-Ж. Руссо, легенда о **"добродетельных дикарях"**, которым (в отличие от развращенных европейцев, испорченных жаждой богатства и стремлением к накопительству) чужда эта страсть, они не хотят копить имущество. Приводился восхищавший всех пример индейского вождя, который получил от пришлых европейцев в подарок одеяло и тут же поделил его на столько кусочков, сколько было вигвамов в его племени. Этот поступок был принят за образец добродетели человеческой, за высший ценностный приоритет, к которому надлежит стремиться людям, если они хотят быть настоящими людьми. Довольно суровый анализ реалий человеческой истории от такого рода квазиобъяснений не оставляет камня на камне, потому что люди испытывают нужду в вещах, которые позволяют им обеспечивать свою жизнь, и это обеспечение имеет характер производства. Коль скоро мы всецело зависим от продуктивности своего труда, от его производительности, то нетрудно увидеть **два основных фактора, которые обуславливают производительность:**

- **орудия труда и их технологический ресурс, а также связанные с орудиями знания людей**, которые позволяют производить необходимый продукт жизнеобеспечения, включая сами орудия, потому что производство средств производства - это одна из самых важных задач, которая всегда решалась и будет решаться человечеством;
- **организация взаимодействия субъектов производства** - то, что делает труд общественно организованным.

Исток открытия К. Маркса состоит в указании на то, что технологическая вооруженность труда и форма его организации являются теснейшим образом связанными. Если для труда используются достаточно примитивные орудия, примитивные технологии, то необходимый уровень его продуктивности обеспечивается прямой, непосредственной кооперацией в создании жизнеобеспечивающего продукта. То есть люди работают сообща с минимальным обособлением, с минимальной изоляцией друг от друга, в совместной работе они получают необходимый объем жизнеобеспечивающего продукта, который дает им шансы на то, чтобы они прожили следующий цикл. Если использовать привычную терминологию, то таковы охота и собирательство. Отсюда ясна совершенно прямая и непосредственная, очевидная заинтересованность людей в повышении производительности труда, которая зависит от развития и совершенствования орудий и технологий, от форм организации взаимодействия производителей. С этим связаны нормы, которые уже действительно разрабатываются в человеческом уме и непосредственным образом направляют человеческие действия. Данные нормы бывают двух типов:

- **нормы чисто технологические** - регламенты использования орудий, включая регламенты их изготовления;
- **нормы собственно социальные** - регламентируют соотнесенное поведение людей, их общие групповые действия.

Отсюда выводятся и **моральные регуляторы** - нормы, которые позволяют людям поддерживать стойкие отношения, упорядоченный характер своих взаимодействий. Здесь же вырабатываются ценностные приоритеты, которые непосредственно в человеческом уме формируют представления о ценности, о значимости, о каких-то необходимых вариантах действий.

Ранее рассмотренное позволяет уверенно сделать вывод о том, что **ценностные приоритеты**, которые формируются в рамках той или иной культуры, а потом усваиваются теми индивидами, которые в ней прошли социализацию, приобрели свои человеческие качества и навыки, в том числе навыки взаимодействия - **ни в коем случае не являются случайными**, не являются результатами произвольного творчества человеческого ума. Как и во всех других ситуациях, здесь ум отвечает некой объективной необходимости, он решает те задачи, которые перед ним ставит сама жизненная повседневная практика. От того, насколько успешно решаются эти задачи, зависит стабильность существования соответствующих человеческих групп, то есть того, что лежит в основе всех дальнейших объяснений. В частности, на этом основании марксистская традиция объясняет человеческую историю. Здесь мы не можем довольствоваться только сравнительным анализом, описанием множества различных вариантов решения задач, о которых идет речь, мы должны пытаться найти какие-то более общие характеристик, какие-то инвариантные признаки, которые позволяют классифицировать формы социального порядка, социальной организации.

Способ производства как базовая характеристика формационного подхода к типологии истории

Все вышесказанное позволяет увидеть методы и способы решения той задачи, которую социально-историческое знание пыталось решить и решало тем или иным образом на всем протяжении своей истории - это **классификационная задача построения обобщенных характеристик, типов и форм социально-исторического движения**. Самая простая и распространенная форма решения данной задачи хорошо известна - это вычленение в истории человечества периодов дикости, варварства и цивилизации. Долгое время эта классификация без особого размышления принималась как нечто само собой разумеющееся, что, конечно, создавало всякого рода риски. Один из них сыграл весьма негативную роль - это уже хорошо знакомое стремление связывать какие-то состояния человеческого общества, его культуры с личными человеческими особенностями, если угодно, с генетическими особенностями той или иной человеческой общности. В пределе - это порочная концепция неравенства людей в зависимости от расовой принадлежности. Печальные плоды подобного понимания (которое уже превращалось в идеологию), непосредственно направлявшего усилия людей и даже политических институтов, хорошо известны.

Существует очень интересная и важная проблема корректных обобщений форм социальной организации и периодов исторического движения, исторического изменения. Именно марксистская концепция создала очень неплохие предпосылки для решения этой задачи, предложив подход весьма аргументированный и с очень четкими логически выверенными объяснениями. Имеется в виду **теория общественно-экономических формаций**, которая благодаря целому ряду факторов всегда преподносилась в очень упрощенном, схематизированном, едва ли не карикатурном виде. Речь идет о пресловутой "пятичленке", которая во всех вариациях входила во все учебники марксистско-ленинской философии и краткие курсы. Ни на какие серьезные объяснения сложнейшего материала эта предельно упрощенная схема, претендовать не могла. Сейчас, когда марксизм престал быть государственной и обязательной идеологией, на этом основании от теории формации склонны отказываться без особых раздумий, не пытаясь выяснить - какие задачи она позволяет решить при более внимательном и четком использовании её основных принципов.

В основании формационного деления человеческой истории лежит категория "способ производства", причем это указание на то, каким образом субъекты производительной деятельности связаны друг с другом. Данная связь обусловлена технологической вооруженностью их труда, поэтому очень важно принимать во внимание, что способ производства имеет две стороны:

- **технологическая сторона** обусловлена уровнем орудийной или технологической специализации. Как только специализация достигает некоторых пороговых значений, то решающая роль переходит к форме организации обмена специализированным трудом или его результатами. Если люди специализируются в каком-то одном виде производства, то с нарастающей силой попадают в зависимость от иначе специализированных производителей, от продуктов их труда. Тогда наиболее важной формой общественных отношений становится отношение обмена трудом. Обмен трудом - это обмен "живым" трудом, когда речь идет хотя бы о простейших формах прямой кооперации. Например, деятельность группы охотников, в которой некоторые специализируются как загонщики, другие - выслеживают дичь, кто-то специализируется на непосредственном обеспечении добычей. Таких вариантов специализированных субъектов можно вообразить достаточно много. Включается механизм систематического взаимообмена специализированным трудом и его продуктами. На первый план выходит решение задачи организации данного обмена с учетом количества и качества обмениваемых продуктов, потому что труд (и это тоже очень важное обстоятельство) неравноценен, мы не можем всегда и во всех случаях организовать обмен трудом по простейшему принципу один к одному. Когда мы рассматривали тезис о том, что в истоке социального неравенства лежит неравенство труда, то прежде всего имелось в виду именно это обстоятельство. Ни человеческая жадность, ни склонность к стяжательству, ни склонность к накоплению вещественного богатства, даже ни стремление к получению некоего высокого общественного статуса или престижа (что, конечно, соприсутствует в человеческой истории, в человеческих

взаимоотношениях в качестве взаимодействия), а **необходимость упорядоченного воспроизводства лежит в истоке всего**, когда люди не могут позволить себе неэффективное использование наличных ресурсов (будь то ресурсы предметные или ресурсы человеческого труда). Так возникает и утверждается измененная форма экономических отношений.

- **экономическая сторона** способа производства, сердцевиной которой является отношение к средствам производства. Мы выходим на одно из самых важных понятий социального анализа - это понятие "собственность". По каким-то причинам у нас склонны рассматривать собственность как бинарные отношения "человек - вещь". Это довольно грубая ошибка, потому что в строгом и очень точном в своем содержании определении **собственность** формулируется как **отношение людей по поводу вещей**. Уделявший очень большое внимание этой проблеме К. Маркс показал, что в истоке собственности как общественного отношения лежит производительное присвоение, которое ближайшим образом связано с технологической характеристикой, технологической вооруженностью труда. Не правильно говорить "отношение к собственности", потому что собственность и есть отношение, необходимо говорить "отношение людей" или "отношение к вещам". Возражая социалистам, логике рассуждения Ж.-Ж. Руссо и Прудону, Маркс очень хорошо показал, что собственность как общественное отношение в своих конкретных формах не создается по человеческому произволу и не может быть по нему отменена. Более того, невозможно представить общество, в котором нет собственности как формы социальной связи, потому что нельзя производить - не присваивая, следовательно, присваивая нечто в порядке труда, мы выстраиваем определенные отношения людей к объектам, средствам и результатам труда.

Способ производства - это всегда единство технологического способа производства, способа связи специализированных производителей и экономической стороны, экономического способа производства, то есть формы присвоения людьми. Это то, что лежит в ядре организации взаимодействия, статус собственника дает распорядительные полномочия. Если принять во внимание это важнейшее обстоятельство, то отсюда будет сделан очень важный вывод: собственник средств производства в обыденном сознании чаще всего воспринимается как человек, присвоивший богатства и живущий в условиях достатка, комфорта и роскоши, но это только одна и не самая важная сторона, которая характеризует деятельность людей, обладающих подобным статусом. **Собственник средств производства – это распорядитель ресурсов, организатор воспроизводственного процесса**. Рассмотрим возражение, которое не лишено основания: каким образом феодальный сеньор является организатором производства, если он не выходит в поле, а о технологии производства сельскохозяйственной продукции не имеет ни малейшего представления? Дело заключается именно в том, что его роль - роль организатора производства проявляется опосредованно, потому что сеньор является получателем ренты. Причем социально-экономическая наука изобрела для объяснения данного положения вещей очень четкое наименование "получатель статусной ренты", сеньор получает некий прибавочный

продукт в силу того, что он обладает статусом собственника средств производства, главным из которых в данном случае является земля. Неслучайно в англоязычной лексике этот статус получил наименование лендлорд - господин земли. Сеньор изымает прибавочный продукт, изымает ренту, тем самым организует труд непосредственных производителей, формирует для них условия, которые вынуждают их работать с определенной интенсивностью и отдачей. Самое главное - лендлорд является распорядителем прибавочного продукта, который далеко не целиком и не полностью идет на его непосредственное, личное, повседневное потребление (при всем контрасте его объемов и характеристик по сравнению с потреблением крестьян). Решающая роль принадлежит военному фактору, который является необходимостью поддержания боеспособности общества. Решение данной задачи - это вооружение, следовательно, развитие технологии производства оружия. Качество оружия имеет немалую роль, мы знаем, какой эффект для человеческих обществ возымел переход от бронзового века к железному. Таких иллюстраций можно подобрать много, но суть будет одна - более высокое качество материала (что предполагает более высокое качество технологий) дает более высокую инструментальную надежность для орудий, в особенности для оружия. Важно помнить, что возникновение профессиональных воинов - это одна из форм разделения труда. Воины обеспечивают обществу безопасность, а общество вынуждено их содержать (экипировать, кормить, обеспечивать их всем необходимым). Возникновение конного войска предполагает: достаточно высоко развитое искусство коневодства (разведение лошадей, которые способны нести боевую нагрузку), формирование группы всадников, которые владеют искусством верховой езды и ведения конного боя. Знать второго ранга в Древнем Риме именовалась всадниками, это неслучайно, потому что это являлось указанием не столько на статус (это пришло позже), сколько на тот род специализации, которому эта группа соответствовала.

Вышеизложенное позволяет понять, что **прибавочный продукт** - это продукт, который идет на обеспечение нужд общества, взятого как единый социальный организм, как единое интегрированное образование, в котором все необходимые задачи решаются на основании устойчивой, организованной, целенаправленно поддерживаемой системы разделения труда. Поскольку такое общество усложняется, то оно растет численно. Численный рост - это не просто увеличение количества населения, главным образом он проявляется как рост количества связей между людьми, то есть растет число элементов, растет число зависимостей. Данный рост непременно дает иерархическую организацию, то есть разного рода уровни выделяются уже в системе. Это один из путей и фактор, который способствует формированию устойчивого социального неравенства, когда в обществе появляются люди, специализирующиеся на решении задач общественного руководства, задач социального управления, и люди, которые выполняют роли исполнителей. Это **ролевые классы, классы функциональные**, их возникновение не является врожденным пороком одних и каких-то человеческих слабостей других - это некие **моменты саморазвития системы организованного общественного труда**. Конечно, здесь течение событий существенным образом связано и с особенностями культуры, и с четкими характеристиками мотиваций, а если брать какие-то локальные исторические эпизоды,

то вплоть до личных характеристик тех людей, которые выполняют роль лидеров, роль руководителей. От этого во многом зависит ход и исход конкретных событий, но общая логика, доминирующий тренд и механизмы изменения человеческому производству неподвластны, они выражают некую необходимость. Причем необходимость ни в коем случае не может быть интерпретирована (здесь мы затрагиваем несколько иную проблемную область) в духе прогрессирующей эволюции, когда более высокий уровень развития является целью предшествующего общества. Это решение задач повседневного жизнеобеспечения в изменяющихся условиях, в условиях иногда очень сильного давления всякого рода факторов: природных катаклизмов (неурожаи по тем или иным причинам - уже существенное ограничение возможностей), военный конфликт (растрата и разрушение ресурсов, сокращение численности населения тем или иным образом) и прочие события, которые могут проявляться в каких-то конкретных перипетиях исторических событий. Доминирующий тренд изменений - это вещь, которая обнаруживает устойчивость, подчиняясь именно закону стабильного воспроизводства во взаимодействии с изменяющейся средой. При этом важно помнить, что среда тоже изменится далеко не всегда только спонтанно, она может изменяться под существенным воздействием самих человеческих обществ. Деятельность людей - это деятельность адаптивно адаптирующая, люди адаптируются через те изменения, которые вносят в среду обитания и которые вынуждают их адаптироваться к тому, что является результатом собственного труда, труда предков, труда предшественников. Это механизм, это динамика исторического изменения.

Способ производства - это форма организации специализированных индивидов, которые связаны между собой технической особенностью своего труда, в еще большей мере они связаны необходимостью организованного обмена деятельностью, когда одни специализированные производители живут постольку, поскольку они имеют доступ к результату труда (продукту) других специализированных производителей. Почему в обществе формируется **имущественное неравенство**, которое иногда приобретает чрезвычайно контрастные формы? Здесь, в конкретных локальных обстоятельствах значительная роль может принадлежать культуре, моральным установкам, представлениям людей о своей общности, о своей взаимозависимости и т.д. В данном случае наблюдается один из самых трагических парадоксов истории: когда люди были теснейшим образом связаны, но принадлежали к разным общественным стратам и не понимали этой связи, этой зависимости, то тогда между ними формировались устойчиво поддерживаемые отношения враждебности. В частности, одним из самых конкретных проявлений данного явления было прохождение линии "свой-чужой", то есть определения - на кого распространялись требования общественной поддержки, солидарности, взаимопомощи, а кто воспринимался как нечто чуждое, враждебное или (как минимум) индифферентное. Классическим примером являются отношения между свободнорожденными спартиатами и илотами в древней Спарте, которая воспринималась и справедливо считалась образцом четкой военной организации. Но это общество было построено на чудовищном угнетении, на эксплуатации и на унижении тех людей, которых и людьми не считали, потому что человек - это тот, кто

рожден человеком. К поработанным людям вполне применялось далеко неслучайно возникшее выражение "говорящее орудие". Это характерная примета тех отношений, которые возникали между людьми, в действительности теснейшим образом связанными и взаимозависимыми.

Мы подошли к очень важной и сложной проблеме, которая находится внутри социального конфликта. Внешние конфликты, их природа и механизм более-менее понятны, хотя тоже требуют внимательного анализа, здесь нельзя довольствоваться некими поверхностными суждениями мнимой очевидности. Внутренний конфликт возникает тогда, когда речь идет о конфликте между членами одного сообщества, между носителями одной культуры, пусть даже существенно отличной в разных группах, но все-таки это одна культура, в представителях которой сходства больше, чем отличий между носителями различных культур. Тем не менее, конфликт групп более, чем очевиден, согласно каноническому марксизму он обуславливал перманентно возобновляемую борьбу классов. Эта борьба имела место, имел место и **конфликт интересов, который был связан с распределением или перераспределением прибавочного продукта**. Это лежит на поверхности: непосредственные производители были всячески заинтересованы в том, чтобы минимизировать изъятие прибавочного продукта, лидирующие группы, социальные верхи всеми силами и средствами стремились изъятие прибавочного продукта максимизировать. За этими человеческими субъективными устремлениями лежит необходимость. При достижении определенного порога сложности общество не может не производить прибавочный продукт, его распределение подчиняется логике и действует на основе механизма обеспечения воспроизводства. Если в силу тех или иных причин, которых история демонстрирует великое множество, механизм разрешения объективного конфликта интересов приобретает деструктивный характер, то есть разрушает связи, которые порождены взаимозависимостью специализированных групп, то это наносит ущерб всему обществу. Необходимо освоиться с мыслью, что **целостность общности, поддержание её единства, единство человеческого коллектива обеспечивается постольку, поскольку поддерживается баланс интересов**. Всякое нарушение баланса – контрпродуктивно, чревато разрушительными последствиями и очень часто таковыми последствиями оборачивается. Ход и исход событий в конкретных локальных обстоятельствах существенным образом зависят от культуры, информированности, компетентности и в итоге от ответственности участников необходимого взаимодействия. Слепая ярость, абсолютное неприятие оппонентов, стремление к одностороннему преобладанию, к неограниченному господству, к ничем несдерживаемому доминированию оборачиваются катастрофой.

В данном случае речь идет не моральных декларациях, не о призыве жить дружно - речь идет о необходимости, потому что общество, которое разделено в себе в силу вышеописанных факторов, все-таки должно поддерживать свою целостность, свое единство. Это позволяет внести существенные коррективы в представление марксистов о классовых конфликтах и борьбе классов. С точки зрения очень односторонне видящего данную проблематику марксизма конфликт классов никак не может быть разрешен, потому что у конфликтующих групп якобы нет общего интереса, якобы они

обречены на борьбу. Существует конфликт, который управляется логикой достижения абсолютной победы: "если не я - то ты", "если не ты - то я". Это игра с нулевой суммой. В классовом взаимодействии этого нет, есть общий интерес поддержания целостности группы, интерес обеспечения воспроизводства в качестве организованного сообщества. **Интерес - вещь объективная**, то есть то, что не поддается человеческому произволу. Для того, чтобы он мог быть реализован должны быть соответствующие характеристики культуры.

- Мы пришли к положению, радикально отличному от представления иных школ социальной философии, которые исходят из того, что **ценности есть некий произвольный продукт человеческого ума, ценность для историка есть некая начальная данность**. Историк, эмпирически опираясь на источники, устанавливает ценностные приоритеты, характерные той или иной культуре, далее он объясняет наблюдаемые изменения логикой ценностного приоритета, логикой отнесения к ценности.
- Для материалистического понимания истории проблема ставится совершенно иначе: необходимо понять **ценностные приоритеты, обусловленные объективным интересом**. Они формируются с необходимостью, но здесь есть очень большая свобода решения проблем. Необходимость никуда не исчезает, но люди свободны в выборе путей реализации необходимости.

История, увы, нередко демонстрирует трагические примеры того, что этот выбор был неадекватен, неэффективен. Люди неправильно поняли свои интересы, не правильно определили пути решения необходимых задач, в конце концов, своей собственной деятельностью, своим перманентно возобновляемым конфликтом привели к тому, что общество разрушается. Мы всегда можем отметить в истории возникновение узловых проблем, которые называются революционными ситуациями - это ситуации необходимого перехода из некоторого уже неудовлетворительного состояния, неудовлетворительной формы организации к иной, более высокой. Если такой переход совершается в каких-то конкретных обществах, то они переходят на новый уровень развития, обретают новые возможности развития и взаимодействия с другими обществами. История показывает, что очень часто обладание этими новыми возможностями (например, новым военным технологическим ресурсом) приводит к экспансии, к злоупотреблениям, к тому, что лучше вооруженное или лучше организованное общество начинает доминировать над завоеванными обществами. Это называется колониальным захватом и наблюдается в человеческой истории повсеместно. В этом нет ничего хорошего, потому что, обеспечивая свое существование, общество-завоеватель, имперское общество, существенным образом ограничивает возможности развития обществ завоеванных, зависимых, которые вынуждены значительную часть создаваемых ими ресурсов отдавать завоевателю.

Отсюда возникает ещё один компонент истории - это неравенство не внутри сообщества, а **неравенство между различным образом организованными обществами**, которые являются носителями различных культур, обыкновений, навыков и т.д. Все это факторы очень существенные, они влияют на ход и исход

конкретных событий. Если абстрагироваться от массы подробностей, постараться выявить доминирующие тренды, то выстраивается четкая картина: меняются формы технической вооруженности труда, меняются технологии, меняются формы организации, и тем самым они же при определенных условиях являются формами эксплуатации. В зависимости от того, какие результаты извлекают люди из этих новаций, этих обстоятельств, обуславливается дальнейший ход и исход истории. Общество, которое, например, в силу своего организационного и технологического превосходства накапливает достаточный ресурс, получает возможность ускоренного развития. Тогда создается уже привычная иллюзия, что это превосходство имманентно присуще данному обществу, тогда как в действительности оно является результатом предшествующих исторических усилий, предшествующих трансформаций.

Мы рассмотрели, каким образом материалистическое понимание истории или конкретно теория экономических формаций объясняет ход и исход исторической эволюции. Выделено не пять, а шесть типов социально-экономической организации, неслучайно один из них - так называемый **"азиатский способ производства"** или **"политарный способ производства"** очень тщательно обходился официальной советской историографией. Это происходило по вполне понятным причинам: типические черты азиатского способа производства легко обнаруживались в общественной и политической организации советского общества. Об этом мы поговорим на следующей лекции.

Лекция 8. Проблемы типологии истории. Часть 2

Положения социально-философской концепции К. Маркса

Материалистическое понимание истории как социально-философской концепции, основы которой были разработаны К. Марксом и Ф. Энгельсом, было продолжено рядом серьезных исследователей - **Антонио Грамши** и другими. Мыслители пытались использовать и развить тот творческий потенциал, который создавала данная концепция. К сожалению, учение оказалось довольно сильно скомпрометированным, потому что в силу мотивов, которые в нем содержались, были ему присущи, данная концепция очень легко превращалась в идеологию. Разница между социально-философским исследованием и идеологией заключается в том, что идеология не исследует проблемы, она призвана решать совершенно другие задачи - **идеология должна мотивировать людей к определенному рода действиям**, к определенному поведению. С материалистическим пониманием истории произошла метаморфоза, его в основном стали воспринимать и использовать в качестве идеологии, это отношение сохраняется по сию пору (особенно с момента, когда марксизм перестал быть официальной философией стран социалистического лагеря). Позволяется и пренебрежительное отношение к этому в высшей степени интересному наследию, его третируют и отбрасывают как нечто заведомо устаревшее и негодное. Данное отношение представляется в высшей степени ошибочным, к счастью, далеко не все исследователи его разделяют. Здесь можно вспомнить слова **Роберта Мертона**, одного из создателей современной американской социологической школы, который наряду с

Толкоттом Парсонсом заложил основы теоретической социологии и разработал концепцию теорий среднего уровня: "Если кому-то покажется, что в моих работах отчетливо различимы следы влияния марксизма, то это свидетельствует только о том, что я получил хорошее образование". Важно подчеркнуть, что мы будем говорить об академической традиции, об объяснительных возможностях, которые создает данная концепция. Прошло уже много лет с тех времен, когда были обнародованы основные работы К. Маркса и Ф. Энгельса, в наших знаниях об обществе и человеке произошло много изменений, мы узнали гораздо больше, чем было известно во второй половине XIX века, тем не менее, огульно утверждать, что данная концепция устарела и не отвечает никаким современным представлениям, было бы сильным огрублением.

К. Маркс радикально переосмыслил важнейшую, образующую философскую проблему, центральную для социальной философии - **проблему природы человека, сущности человека**. Категория "сущность" сейчас тоже не в особой чести, поскольку считается, что она в основном является достоянием метафизики, но это не верно. Если мы понимаем сущность, как её понимают многие ученые, в том числе те, которые заняты в области естественных наук, то **сущность** - это некая устойчивая, повторяемая и инвариантная характеристика, присущая определенному классу явлений, которая позволяет понять, каким образом организованы и происходят изменения в изучаемой сфере действительности. С традиционной точки зрения, которая очень прочно утвердилась в философии с самого начала и до сих пор весьма весомо присутствует в сфере философских знаний, человек прежде всего рассматривался как существо мыслящее. От природы или от бога человек наделен даром мышления, потому все, что связано с человеком, в первую очередь требует изучения того, как он мыслит, каким образом особенности мышления сказываются на его повседневных поступках, на его поведении. Именно это мы установили, размышляя о методике, которая требовала все социально-философские и исторические исследования начинать с изучения ценностных приоритетов той или иной культуры. М. Вебер в этой связи отмечал: "Опираясь на знания об особенностях ценностной мотивации людей определенной культуры, производя операцию отнесения к ценности, мы должны истолковать поведение людей".

Установка К. Маркса радикально иная, он шел по следам Л. Фейербаха, который радикально отбросил начальные положения концепции Ф. Гегеля, для которого человек был прежде всего духовным существом, носителем субъективного духа. Фейербах объявил человека продуктом природы, природным существом, и это была натурфилософская установка. К. Маркс сделал следующий шаг, потому что сумел объяснить, почему человек является продуктом природной эволюции, действительно являет собой некий особый вид жизни среди других видов жизни. Человек радикально отличается от просто биологических организмов, он обретает некое совершенно новое качество. Это новое качество К. Маркс связал со способом существования человека, с тем особым специфическим способом, который присущ только человеческим существам, способом поддержания своей жизни. К. Маркс формулирует свою идею в следующих словах: **"Человек начинает отличать себя от животных с того момента, как он начинает производить необходимые ему средства к жизни"**. Это ключевая характеристика, человек - это существо производящее.

- **Процесс производства** - это процесс, который совершается между человеком и природой, человек использует природные ресурсы той среды, той экологической ниши, в которой существует некое конкретное сообщество. Прежде всего в человеке необходимо видеть человека деятельного.
- **Мышление** - это специфическая способность, специфическое свойство человека - то, что мы сегодня называем информационным программированием поведения, информационным обеспечением поведения, и в данном случае это - прежде всего обеспечение деятельности человека по воспроизводству устойчивого существования.
- **Человеческая деятельность** - деятельность орудийно-вооруженная, переставшая быть только процессом адаптации. В отличие от животных, которым тоже необходимо использовать природный ресурс в среде, в которой они обитают (где совершается прямой метаболизм, обмен веществ между организмами и средой), люди этот процесс взаимодействия со средой обитания осуществляют посредством использования орудий. Это тот способ существования, тот способ взаимодействия с ней, которым люди, извлекая необходимые для себя ресурсы, вместе с тем существенным образом изменяют и характеристики самой среды. Такая деятельность называется адаптивно адаптирующей.
- **Человек** - прежде всего субъект орудийного воздействия на среду. Посредством орудий люди преобразуют некие элементы природы, превращая их в средства поддержания своей жизни.

Отсюда следуют отчасти нам знакомые характеристики человеческой деятельности. Устойчивое существование человеческих коллективов в довольно существенной мере зависит от богатства естественных ресурсов среды обитания (особенно на первых порах истории человечества), но именно в силу орудийной деятельности решающую роль приобретает продуктивность труда, способность получить, преобразуя характеристики среды обитания, достаточный для жизни объем средств её поддержания. Мы приходим к довольно очевидному положению, которое лежит в истоке всех последующих объяснений: **существование человека на всем протяжении истории зависело от продуктивности его труда, а продуктивность труда в свою очередь зависит от эффективности и качества орудий**, тем самым от технологий их изготовления и использования. Человеческие действия - это действия, в основном связанные со знаниями: как можно использовать природные ресурсы, каким образом можно создать и использовать орудия. Эффективность человеческого труда напрямую зависит от качества орудий и орудийной техники, от орудийной вооруженности человеческих усилий. Важно оговорить особо, что орудия - это очень широкое понятие. Конечно, оно включает в себя особый подкласс "оружие", который используется в случае столкновения с другими коллективами.

Продуктивность труда также зависит от чрезвычайно значимого обстоятельства, не менее существенного, чем технологическая вооруженность труда - от того, как люди

организованы в трудовом процессе. К. Маркс эту зависимость характеризует в следующем выражении: **"В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли и сознания не зависящие отношения"**. Эти отношения называются отношениями производственными (в широком смысле слова). Необходимо иметь в виду, что здесь понятие "производство" имеет очень широкий характер. Это не только узкий смысл данного понятия, как изготовление чего бы то ни было, в данном случае производство является производством человеком своей собственной жизни, всех её необходимых компонентов, в том числе и производство самих человеческих существ. К. Маркс в этом отношении дает очень точную формулу: **"Производя необходимые для него средства к жизни, человек производит себя как человека"**. Если обратиться ко второй организационной стороне производственного процесса, отвечая на вопросы: каким образом люди организованы в своем трудовом взаимодействии, какие связи и в каких конкретных формах возникают между ними? - то мы отвечаем на очень важный вопрос, который всегда интересовал исследователей, и не только социологов: что лежит в истоках интеграции, в истоках формирования единого человеческого сообщества? Этот **источник интеграции - взаимозависимость в процессе труда**.

К. Марксом было установлено ещё одно очень важное обстоятельство и краеугольное положение его социально-философской концепции: **существует зависимость между уровнем технологического развития - технологической вооруженности труда и формами человеческой организации - формами кооперации людей в труде**. Если существенным образом меняются технологии, то в конечном счете наступают изменения в формах социального порядка. Забегая вперед, зададим вопрос: что означают слова Маркса о том, что люди вступают в необходимые, от их воли и сознания независимые отношения? Это означает, что объединение людей в общества не является добровольным актом, совершаемым по разумному соглашению (как это долгое время предполагали сторонники теории общественного договора). Никогда в истории человечества не было такого периода, когда люди представляли собой обособленных индивидов, одиночек, а формы их кооперации устанавливались на основе добровольного соглашения. Никогда в истории человечества не было того состояния, которое иногда в литературе называют дообщественным. С самого начала человек – это общественное существо, он является продуктом той системы социальных зависимостей, в которых он оказывается с момента своего рождения.

Развивая эту логику, мы приходим к очень интересным результатам и получаем возможность ответить на вопрос: почему в истории человечества существуют коллективистская этика, коллективистская мораль, почему она в какой-то момент времени сменяется совершенно иными установками, которые выдвигают на первый план достоинство индивида, рассматривают его как высшую ценность? Это не совершается в результате только одной работы ума, в основе такого рода трансформации системы нормативной регуляции социального поведения людей в обществе лежат формы организации взаимодействия производящих субъектов. Именно это обстоятельство выражается в получившей широкое распространение формуле, которая долгое время в отрыве от контекста исследований звучала как догматический

постулат: **общественное бытие определяет общественное сознание**. Непосредственно против этого, как мы будем иметь возможность убедиться ещё не раз, выступали многие и многие оппоненты К. Маркса, но весомых аргументов, которые позволили бы поставить хотя бы под сомнение справедливость этого фундаментального положения социальной философии марксизма, так и не было найдено. Можно утверждать, что и не будет, потому что человек - это существо деятельное, существо, которое не живет в сфере чистой мысли. Его деятельность не является простым претворением своих мыслительных разработок, она не сводима к объективации его интеллектуальной работы. Тут гораздо более сложные зависимости, хотя, конечно, отсюда не стоит делать вывод о том, что мышление являет собой некий автоматический коррелят событий, которые происходят в жизни. Необходимо помнить о том, что мышление обладает очень высокой степенью автономии, высокой степенью способности совершать все необходимые трансформации внутри себя. При этом необходимо отметить, что мыслительные операции человека - это некая разновидность информационной ориентации в труде, некий способ упорядоченного взаимодействия со средой, способ коррекции поведения в случае необходимости. Эти процессы возможны только тогда, когда работает механизм обратной связи. Здесь главную роль играет механизм отрицательной обратной связи, которая согласно широко распространенному определению возникает в случае получения некой информации о произошедших изменениях. Если движение к намеченной цели каким-то образом обнаруживает отклонения, то вносятся необходимые исправления, то есть **отрицательная обратная связь - это коррекция на величину ошибки**. Ошибки по сравнению с намеченной целью, по сравнению с неким избранным образом действий. Именно благодаря этой способности люди получают возможность, в том числе совершенствовать и свою технику, и свои технологии, а также формы организации. Если выясняется, что задачу обеспечения жизни, производства необходимого для поддержания жизни объема продуктов возможно решить с меньшими затратами и с большей эффективностью и надежностью (что зависит от технической вооруженности труда и от форм кооперации людей в труде), тогда люди находят новые приемлемые способы её решения, новые способы своей организации.

Изменение форм взаимодействия людей совершенно очевидным способом влечет за собой необходимость изменения нормативных регуляторов, которые непосредственно обеспечивают возможность поддержания устойчивых общественных отношений. В таких ситуациях людьми движет не только стремление к достижению некоторого идеала, достижению образца, представляющегося совершенным, в основном всё-таки (как и всегда в человеческой истории) в истоках подобного движения, в истоках изменения нормативных регуляторов, ценностных установок, в конце концов даже в изменениях методов мышления, способов понимания - лежит необходимость. Существует собирательное определение культуры, в котором она понимается как некая сумма ценностей, созданных людьми в определенных исторических обстоятельствах. Это не полное и не точное определение, оно не вполне верно, поскольку лучше всего определять культуру через ту роль, функцию, которую она исполняет в жизнедеятельности человека. Культура как некое явление особого

качества определяется очень точно: **культура - это способ человеческой деятельности.** При таком понимании культуры, отталкиваясь от более общего и абстрактного определения и наполняя его конкретными содержаниями, мы получаем возможность ответить на многие вопросы, которые перед нами ставит изучение человеческой истории.

Полемика об истоках социальной стратификации

Мы получили некий новый способ видения, новый объяснительный принцип, согласно которому можем дать ответ на следующие вопросы:

- Как и почему происходят наблюдаемые в истории изменения? Нас особенно интересуют изменения большого масштаба, которые фиксируются на протяжении длительного времени. Французский историк **Жак Ле Гофф** назвал это "большим временем".
- Какие механизмы управляют изменением форм и способов интеграции людей в единые коллективы?
- Каким образом происходит структуризация общества, формирование в нем неких новых структурных элементов?
- Каким образом формируются новые связи и зависимости между людьми?
- К каким последствиям приводят данные изменения, когда они накапливаются, переходят некоторые количественные границы?

Именно с ответами на эти вопросы было связано преобразование марксизма и социально-философской концепции в систему идеологических императивов, потому что К. Маркс в самом известном своем сочинении, которое было положено в основание всех идеологических разработок, то есть в "**Манифесте коммунистической партии**" формулирует тезис, который долгое время его последователями совершенно безоговорочно воспринимался как некая не подлежащая никакому сомнению и никаким уточнениям догма. К. Маркс со всей определенностью утверждает, что **история человечества - это история борьбы классов.** Все объяснения, которые историк хочет выработать, наблюдая ход и исход исторических событий, должны восходить к данному принципу. Мягко говоря, это утверждение сформулировано чрезвычайно сильно, поскольку большая часть человеческой истории является историей бесклассового общества, поэтому никакой классовой борьбы там не было и быть не могло. Тогда перед нами встают вопросы: почему в обществе возникает классовая дифференциация, почему общество, которое по очевидному соображению должно сохранять единство, должно ориентировать своих членов на солидарность и взаимопомощь вдруг оказывается расколотым на противоборствующие группы? Почему возникают очень сильные напряжения, которые выплескиваются в виде насильственных действий? Классовая борьба в истории очень часто принимает характер насильственных столкновений уже не с внешним противником, а внутри сообщества между образующими его социальными группами.

Первый вопрос, на который необходимо ответить: как и почему возникает социальная стратификация, которая приводит к тому, что возникает (если подойти к

этой проблеме обобщенно и с позиций очень высоких абстракций) дивергенция на два больших класса? Это класс господствующий и класс зависимых производителей, который очень часто с известной долей справедливости определяется как класс эксплуатируемый, класс трудящихся, которые вынуждены работать на своих господ. Это была очень распространенная трактовка. Данная проблема занимала умы людей, задолго до марксизма существовали **две основные концепции, которые объясняли феномен социального неравенства:**

- первая концепция была широко принята и востребована, она исходила из того, что **неравенство людей обусловлено неравенством их собственной природы.** Выразим это несколько упрощенно: существуют люди, которые от природы, от рождения предназначены господствовать, властвовать, а есть люди, которые от природы обречены на зависимое состояние. Читая многочисленные философские трактаты, очень часто можно столкнуться именно с таким способом видения и объяснения.
- вторая концепция, истоки которой могут быть найдены ещё в античной философии, в более близкое нам время теснейшим образом связана с наследием Ж.-Ж. Руссо. Её можно в какой-то мере уподобить библейской легенде о грехопадении Адама, потому что было время, когда люди, ведущие естественный образ жизни, следовали законам и требованиям природы. Они не знали внутренних конфликтов, они были существами, которые были лишены самой главной порочной черты (главной в глазах Ж.-Ж. Руссо и его последователей) - стяжательства, жажды накопления богатства, присвоения. Были времена в истории человечества, когда собственности не было, все было общим, поэтому никому не приходило в голову конфликтовать из-за некой доли богатства. По совершенно необъяснимым причинам (что просто предполагается Ж.-Ж. Руссо, потому что другого способа объяснить это обстоятельство он не видит) находится некий человек, который огораживает участок земли, являющейся естественным богатством и провозглашает - "Отныне это моё!". Таким образом появился институт собственности, появилась возможность накопления богатства в одних руках, что, естественно, происходило за счет обездоливания других людей. Это событие произошло, поскольку другие члены данного сообщества с ним смирились, более того, они пошли этим же путем - тоже начали огораживать отдельные участки. Выход из этого тягостного положения вещей, которое влечет за собой множество неприятных последствий, Ж.-Ж. Руссо видел совершенно определенным образом: для того, чтобы человечество выбралось из этой пучины губящих его пороков, **необходимо запретить накопление богатства и перераспределить имущество в равных долях между всеми членами сообщества,** далее сделать так, чтобы каждый человек, каждая семья жили только плодами своего труда. Речь шла о том, что труд должен быть направлен к обеспечению повседневного существования, он должен обеспечивать простой и естественный образ жизни: жильё, одежду, продукты питания и не более того. Соответственно, в таком обществе минимизируется или вообще исчезает необходимость обмена. В итоге все

пороки уйдут, у людей не будет нужды конфликтовать из-за богатства, пропадет то, что является источником всех бед и несчастий - уйдет имущественное неравенство.

Поскольку неравенство действительно является прискорбным фактом, который мы наблюдаем на протяжении многих тысяч лет истории (на роль этого обстоятельства указывали очень многие мыслители), постольку перспектива преодоления этого неправильного устройства привлекала многие умы. Убежденнейшим последователем учения Ж.-Ж. Руссо был великий русский писатель Л.Н. Толстой. Известно, что одна из главных книг Руссо "**Исповедь**" была настольной книгой Льва Николаевича. Ещё одним ярким выразителем этих настроений и последователем принципов руссоистской социальной философии был всем памятный литературный персонаж известного романа М.А. Булгакова Шариков, у которого имелся очень простой лозунг - "отнять и поделить". В какой-то мере большевики, которые пришли к власти под лозунгом социалистической революции, последовали этому рецепту, но ни к чему хорошему это не привело, поэтому такого рода объяснения классовой дифференциации, попытки свести все к неким особенностям личного поведения (к жажде богатства, к порочности, к отказу от общепризнанных принципов равенства и взаимопомощи) - достаточно беспомощны и по сути дела ничего не объясняют.

К. Маркс и его концепция предлагают нам нечто, гораздо более разработанное. Система аргументов К. Маркса в отношении того, что является источником классовой дифференциации, источником возникновения устойчиво возобновляемого социального неравенства, всецело лежит в русле его отправных положений, которые постулируют, что в истоке лежит **разделение труда**. Если люди идут по пути усложнения орудий, совершенствования технологии, то возникает феномен, который простому труду неизвестен – это **феномен специализации**. Как только специализация достигает определенных пороговых значений, то всякий специализированный производитель оказывается перед необходимостью систематического обмена продуктами своего труда с иначе специализированными производителями. Это очень важное соображение, потому что в данном случае оно позволяет понять, что дифференциация происходит спонтанно, независимо от человеческих установлений и намерений. Она ставит людей перед совершенно новыми задачами, в данном случае это задача организации обмена трудом. Специализация, разделение, возникновение новых функциональных элементов внутри системы разделенного труда и необходимость организации обмена дают ожидаемый результат - труд становится более продуктивным. Люди получают возможность более уверенно удовлетворять свои потребности, потому что отныне они могут производить больше продукта, создавать необходимые ресурсы и резервы, тем самым стабилизировать процесс своего существования. Конечно, они по-прежнему остаются в очень сильной зависимости от того, что происходит в природной среде. Эту зависимость мы пока выносим за скобки, сосредоточив внимание на том, что же происходит в обществе по мере того, как оно накапливает технологическое разнообразие и специализацию, которая создает достаточно функционально обособленные профессиональные группы.

Ближайшим результатом такого положения вещей становится численное разрастание общества, которое растет количественно. Теперь люди могут себя обеспечить в большем количестве, поскольку труд стал более продуктивным. В итоге срабатывает хорошо знакомый всем специалистам по теории системного анализа **эффект стратификации - возникает иерархическая организация**. Система, которая растет по числу элементов и по числу связей между ними, неизбежно приобретает иерархические формы организации. Иерархия в данном случае обусловлена тем, что представляет собой одну из разновидностей разделения труда. Общество теперь уже не может спонтанно поддерживать свою целостность, организованность своих действий. Для того, чтобы уверенно функционировать в качестве целостной системы, в обществе выделяется блок управления. Должна существовать некая социальная группа, которая обеспечивает функцию управления, следовательно, зависимость между господами и зависимыми производителями должна быть охарактеризована, как **зависимость между управляющими и управляемыми**. Поэтому выражение "господствующий класс" не очень соответствует, гораздо более точным представляется формула "правлящий класс", что хорошо выражено в английском языке - ruling class. Именно эту задачу решает группа, которая берет на себя данную функцию.

Соответственно, мы должны задаться вопросом, что является необходимым условием, непременной предпосылкой, что обеспечивает возможность управления обществом как неким целостным образованием? Для ответа необходимо вспомнить классическое определение класса, которое принадлежит В.И. Ленину, который в данном случае опирался на К. Маркса и его наиболее фундаментальную, известную работу "Капитал", а также на целый ряд социально-исторических сочинений. Среди них, прежде всего должна быть названа очень известная и очень интересная работа К. Маркса "**Классовая борьба во Франции**", которая в неких локальных исторических обстоятельствах позволяет понять очень многое. Согласно В.И. Ленину классы - это большие группы людей, которые различаются между собой по отношению к средствам производства или по собственности на средства производства, по месту и роли в системе разделения общественного труда и по располагаемому богатству. Все три признака - это одновременно три фактора классовобразования, они существуют во взаимосвязи и не существуют независимо друг от друга. Прежде всего необходимо ответить на вопрос: почему отношениям к средствам производства придается такое значение, почему именно этот признак считается наиболее существенным? Ответ очевиден: потому что **тот, кто распоряжается средствами производства - распоряжается всем процессом воспроизводства общества как целостной системы**. Возможность распоряжаться средствами производства, которые созданы и используются людьми - это возможность управлять ходом событий, тем, что необходимо для поддержания жизни общества в меняющихся условиях.

К. Маркс внес очень существенные коррективы в понимание самого существа собственности как общественного отношения. Долгое время считалось, и в настоящее время многие исследователи также считают, что собственность является отношением человек-вещь. В трактате "**Философия права**" Гегель пишет: **собственность - это**

манифестация господства человеческой воли над вещью. Здесь философ исходил из того, что человек - это существо мыслящее, которое обладает разумом и волей, поэтому человек распоряжается вещами, костным миром неживых предметов (пусть это будут также живые организмы, которые тоже лишены разума и души) по своему усмотрению, сообразно тому, какие цели он перед собой ставит, какие средства он для этого избирает. Вспоминается литературная цитата знаменитого Ильи Пряхина из сочинения Ильфа и Петрова: "Как пожелаем, так и сделаем". Это, конечно, карикатура, но она позволяет понять, как к тому, что есть собственность относились люди, которые не очень в это вдумывались. Человеку X принадлежит множество вещей, он ими распоряжается, он их хозяин, собственник - чего же больше? К. Маркс дал гораздо более глубокое и точное определение, потому что для него **собственность - это общественные отношения, отношения людей по поводу вещей.** Сторонами этого отношения являются люди, а предметы самого разного толка являются не собственностью, а объектом собственности. Обратим внимание на это соображение, потому что и в обиходной речи, и в речи профессионалов (в том числе юристов) можно очень часто встретить практическое отождествление собственности и объекта собственности. "Мой дом является моей собственностью, дом и есть собственность" - это утверждение неверно. Со строго академической точки зрения, дом или любой другой предмет обладания - это объект собственности, это то, что присвоено человеком, это присвоение признано другими людьми. Это отношение человека с другими людьми, с другими субъектами, только при этом условии возможно распоряжение теми или иными предметами, поскольку решающая роль принадлежит распоряжению средствами производства. Необходимо признать, что собственники средств производства - это не просто богатые люди, которые обеспечили себе более высокий уровень потребления, более комфортную жизнь за счет тех, кто собственности лишен.

- **собственники** - это прежде всего субъекты, которые выполняют важнейшую функцию организаторов общественного производства организуя массовый труд. Мы будем иметь возможность не раз убедиться в справедливости такой характеристики.
- **непосредственные производители** - это люди, которые должны определенным образом выполнять производственное задание, считаясь с наличными условиями, в которых существует общество.

Отношение к средствам производства может иметь довольно разнородный характер, потому что это не всегда полное лишение средств производства. Иногда возникает очень своеобразный институт зависимой собственности, которая может использоваться на определенных условиях. Таковы, как правило, формы использования ресурсов в обществе, которое определяется как феодальное.

Классовая борьба как следствие конфликта интересов

Если вернуться к тезису о классовой борьбе, то К. Маркс согласно общей логике своей концепции не считал такие конфликты результатом только свободных решений

человека или группы людей. Он считал, что **классовая борьба является результатом и следствием конфликта интересов**. Это отличалось от ситуации первобытного общества, которое было лишено классовой дифференциации, в котором интересы всех членов сообщества были близки, солидарны, поэтому оно не знало воспроизводимых, устойчивых внутренних конфликтов. С момента обособления классов возникают диаметрально направленные интересы. Необходимо отметить, что эти размышления не лишены оснований, конечно, существует и разнообразие, и различие интересов, есть их конфликт, а также наличествует масса важных аспектов, которые нельзя упускать из вида. Для того, чтобы с этим разобраться, необходимо дать определение понятию "интерес": интерес - это категория, которая не связана с психологией поведения, потому что рассмотренный в данном плане интерес - это интенция внимания (нам интересен тот или иной человек, то или иное произведение искусства, книга или картина). Интенция внимания - это выражение какого-то нашего отношения к предметам или людям, с точки зрения социальной философии и теоретической социологии интерес определяется иначе. Отличие главным образом связано с тем, что на второй план уходят человеческие волевые устремления, а на первый план выходит объективность, необходимость. **Интерес определяется как необходимое отношение человека к средствам удовлетворения своих потребностей**. Из этого следует важный вывод: интерес не произволен, в фундаменте пирамиды интересов (вспомним концепцию пирамиды потребностей А. Маслоу) лежит необходимое отношение к средствам удовлетворения потребностей, которое существенно связано с теми ролями, которые люди исполняют в системе разделенного общественного труда.

Вернемся к конфликту интересов, который связан с очень важной категорией политической экономии - **"прибавочная стоимость"**. Опираясь на поверхностное прочтение классических работ по данному поводу, извлечение прибавочной стоимости часто, характеризуют как простой грабеж, присвоение неоплаченного труда. Если брать классическую формулу капиталистических отношений между трудом и капиталом, то рабочий получает оговоренную зарплату, которая покрывает его нужды, позволяет ему жить. Он получает стоимость своего труда в полной мере, что сформулировано у К. Маркса., исследователь и критик **Йозеф Шумпетер** специально обращает внимание на это обстоятельство. Согласно существующему договору, отношения строятся на том, что рабочий, получив стоимость средств жизнеобеспечения, ещё какое-то время работает, а новую стоимость забирает собственник средств производства. **Новая стоимость** - это то, что превышает меру потребления непосредственного производителя, что создано его трудом, но идет на удовлетворение иных потребностей. Если бы прибавочная стоимость целиком и полностью шла на удовлетворение потребностей самого капиталиста, нужд его повседневной жизни, то все было бы просто, но К. Маркс в "Капитале" подчеркивает, что капиталист, который попытается проесть или промотать прибавочную стоимость, очень скоро перестанет быть капиталистом. Прибавочная стоимость в основном инвестируется в развитие производства, в ту же самую отрасль или в другую, но факт остается фактом - **прибавочная стоимость есть необходимое условие развития**

производства тех или иных видов и форм. Это обстоятельство очень важно подчеркнуть, потому что в данном случае мы сталкиваемся с целесообразностью управленческих решений, с этой точки зрения они могут быть разными: более или менее эффективными, давать позитивные результаты или вызывать деструктивные последствия. Это лежит на ответственности субъектов, которые осуществляют функцию управления. Дело так обстоит везде и всегда: представим воюющую армию, в которой решения принимает военное командование, если лишить его полномочий, права приказывать для того, чтобы армия могла достичь необходимого результата (предотвратить поражение и обеспечить победу), то она перестанет быть управляемой системой. Это с высокой вероятностью повлечет её поражение, чему есть печальные примеры, в частности, в отечественной истории после Февральской революции 1917 года, которую принято называть буржуазной, был издан знаменитый приказ Временного правительства N1, который уравнивал в правах всех военнослужащих. Солдаты, рядовые или, как тогда говорили, нижние чины становились равными в правах офицерам, что повлекло за собой утрату военной организации. Данная логика применима практически во всех обстоятельствах организованного сообщества, потому что всегда есть люди, которые должны обеспечивать функцию управления, и есть люди, которые должны эти решения исполнять, работать по планам и указаниям других людей. В этой связи можно вспомнить, что такому пониманию не противоречит подход с совершенно иных позиций, в социологии политики известно определение М. Вебера: **власть - это присвоение чужой воли. Власть - это такой общественный статус, который позволяет отдавать обязывающие приказы и с высокой вероятностью ожидать их исполнения.** То есть одни люди управляют поведением других людей, в этом смысле они присваивают чужую волю. Это краеугольный камень общественного порядка, поддержания некоторой согласованности действий в условиях иерархической организации, которая является не проявлением злой воли, а проявлением законов организации и функционирования сложных систем.

С точки зрения К. Маркса и его последователей нет никаких альтернатив: конфликт интересов свидетельствует о том, что **интересы обоих классов - господствующего класса собственников и класса непосредственных производителей - это интересы диаметрально противоположные.** Третьего не дано, и коль скоро это так, то в классовом столкновении воспроизводится ситуация, которая в теории известна как игра с нулевой суммой: если я выиграл, то ты проиграл, если ты выиграл, то я проиграл. Отсюда следовал недвусмысленный вывод: классовая борьба в конечном счете - это борьба на уничтожение одной из противоборствующих сторон. Данный вывод возник в забвении того, что это в принципе невозможно, поскольку эти стороны являются следствием разделения труда, они полагают друг друга, поэтому невозможно уничтожить одну сторону и оставить другую. В.И. Ленин, который в этом отношении был "плохим" марксистом, сформулировал положение, которое повлекло за собой в практическом воплощении очень печальные последствия: главным интересом рабочего класса является уничтожение капиталистов, института частной собственности на средства производства и, соответственно, переход полноты

власти в руки класса пролетариев. Если исходить из данной логики, то совершенно естественно возникает вопрос: в этом новом положении кто-то должен на себя взять функцию управления, а кто-то должен остаться в положении непосредственных производителей - кто окажется новым распорядителем, новой группой, осуществляющей функцию общественного управления? Ответ дает история Советского Союза - в итоге новым классом управленцев оказалась Коммунистическая партия большевиков, которая потом стала именоваться Коммунистическая партия Советского Союза, которая фактом присвоения распорядительных полномочий оказалась уже не партией в классическом смысле этого слова, а по сути дела государством в его новой форме.

Вышерассмотренное позволяет сказать, что положение о том, что классовые интересы являются интересами сугубо антагонистические, не точное и не полное. Конфликт классовых интересов при определенных условиях может принять характер антагонизма, когда противоборство сторон действительно доходит до крайних пределов и приобретает крайние формы. Но эта ситуация достаточно редкая, мы еще вернемся к этому положению и рассмотрим очень интересный разворот темы классового антагонизма, возникающего именно потому, что классы как стороны, возникшие вследствие разделения труда, взаимно полагают друг друга. При том, что сохраняется конфликт интересов, есть разнонаправленность интересов, у классов сохраняется некий общий интерес, поле достижения возможного компромисса - **интерес сохранения общества в качестве организованной и функционирующей целостной системы**, деструкция которой не выгодна ни той, ни другой стороне.

Сугубо антагонистический классовый конфликт, который действительно не может быть преодолен иначе, чем посредством одной из сторон, возникает в случае, когда конфликт возникает не между непосредственными производителями и классом управляющих. Это **конфликт между социальными группами, которые претендуют на исполнение одной и той же роли управленцев**. Классическим примером является конфликт между буржуазией и феодальной аристократией, когда класс землевладельцев, распорядителей земли, опираясь на свое обретенное положение, сохранял почти все привилегии, но постепенно превращался в класс паразитический, а функция управления переходила от этой социальной группы к буржуазии. В силу того, что развилось разделение труда, возник интенсивный товарообмен (когда практически все продукты производства принимали товарную форму), буржуазия постепенно, по факту переняла на себя распорядительные полномочия. На этой почве не могла не возникнуть очень острая конкуренция и конфликт интересов, смысл которого заключался в вопросе о том, за кем останется положение господствующего класса, положение группы, которая монополизирует функцию социального управления. Того управления, которое в повседневной жизни осуществлялось спонтанно, посредством принятия решений об осуществлении торговых сделок, об использовании ресурсов и прочего, включая организацию коммуникаций, внутреннего сообщения - всего того, от чего зависит функционирование многократно разделенной системы. Буржуазия испытала очень острую нужду в том, чтобы узаконить фактически обретенный статус господствующего класса, легализовать его.

Таким образом была подготовлена и произошла серия буржуазных революций, которые в итоге завершили процесс структурного преобразования общества, процесс социальной революции как системной перестройки. Теперь все было построено на принципе частной собственности и на интенсивном товарообмене, когда даже (по очень точному определению К. Маркса) сама **рабочая сила превратилась в товар, потому что возник класс наемных рабочих.**

Интересно рассмотреть на наиболее известном конкретном историческом примере, каким образом происходил перехват позиций и трансформация социальной структуры. Данный процесс происходил в Англии, по уровню промышленного и торгового развития уже начавшую занимать лидирующие позиции среди других европейских стран, которые особенно укрепились после военной победы над феодальной католической Испанией, которая была очень серьезным конкурентом Англии на европейском континенте. Стоит уточнить, говоря Англия мы имеем в виду и Ирландию, которая к тому времени уже инкорпорировалась в состав Английского королевства. В конце XIV века в Европе разразилась черная смерть (чума), которая повлекла резкую убыль населения. Экономическим следствием этой катастрофы стало падение цены на землю, потому что не стало рабочих рук, чтобы на ней работать. Земля стала приносить меньший доход, появился некий вакуум, лакуна, которую было необходимо каким-то образом заполнить. Вместе с тем, одним из объектов экспорта в Англии были шерсть и сукно. После изобретения механической прялки, известной под именем "Дженни", резко повысилась производительность труда по выделке сукна, что существенно повысило спрос на шерсть. Одновременно начался процесс, который именовался "огораживанием": лендлорды, распорядители больших имений сочли для себя более выгодным превратить поля, на которых выращивалась сельскохозяйственная продукция и работали общинные крестьяне-арендаторы, в пастбища. Туда запускались отары овец, земля за счет продажи шерсти приносила гораздо большую прибыль. Люди, которые прежде жили и работали на этих землях, оказались излишними, их положение стало достаточно тяжелым, появилась известное выражение "овцы съели людей", поскольку они вытеснили общинников-арендаторов, поставив их на грань выживания. Это было совершенно катастрофическое время для этих социальных групп, потому что часть "избыточного" населения была вытеснена в города, некоторое количество людей получило там работу (так появляется класс наемных рабочих - людей, которые продают свой труд в промышленности и живут на зарплату), а некоторое количество людей (которое не вмещалось в ещё достаточно узкие рамки спроса на рабочую силу, не поглощающего предложение) могло жить только бродяжничеством, грабежом и воровством.

Эти события происходили в период тюдоровской Англии, когда правили Генрих VII - первый король из династии Тюдоров, его ближайший приемник Генрих VIII и Елизавета I, которую принято называть Елизаветой Великой. Тюдоровская Англия известна изданием очень свирепых законов против бродяжничества, которое очень сурово каралось. Если человек не мог доказать, что он принадлежит какому-то приходу, что у него есть некий источник дохода, что он является наемным рабочим, то есть получателем зарплаты, то он автоматически считался бродягой. Его клеймили,

таким образом отмечалось, что человек преступил закон. Если бродяга попадал в руки полиции второй раз (уже в качестве заклеянного человека, не совершившего никакого преступления), то в соответствии с законом его без долгих разбирательств вешали. Если бродяга попадался на краже или грабеже, то наказание было чрезмерно суровым, например, человека варили в кипящем масле. Таким страшным террором англичане пытались предотвратить действительно серьезное бедствие, потому что лишённые иных средств к существованию бродяги объединялись в большие группы, иногда составлявшие до 100 человек. Можно представить, что происходило, когда такая группа набредала на небольшой городок, который не располагал серьезными силами для своей защиты: повальный грабёж, воровство и насилие. Группы представляли собой серьезную угрозу, с которой государство пыталось бороться чудовищными репрессивными мерами, что является неплохой иллюстрацией к тому, что моральное установление (а такого рода практика получала моральную санкцию) в определенных условиях оказывается порожденным обстоятельствами. Люди выживали в сложившихся обстоятельствах так, как это было возможно. Это явление могло быть преодолено одним единственным путем (невозможно всех перевешать, невозможно репрессиями восстановить порядок) - созданием новых рабочих мест, предоставлением возможности получения легального заработка. Это напрямую выводит нас на технологические характеристики общественного производства, о которых речь шла в начале лекции.

Теория общественно-экономических формаций

Данное объяснение позволяет понять, что **теория общественно-экономических формаций**, которая была разработана К. Марксом на базе вышерассмотренных подходов, имеет под собой серьезную основу. К. Маркс по логической матрице опирался на философско-историческую разработку Гегеля, согласно которой человечество проходило на своем историческом пути необходимые стадии. Сначала был доисторический период, который не очень внятно охарактеризован, далее общество, уже организовав государство (как первую форму организации согласно Гегелю), начинает свой путь, который был устремлен к осознанию того, что человек - это существо свободное. Этот путь - три стадии истории, которые одновременно совпадали с формами социально-политической организации:

- **фаза азиатской деспотии**, где свободным был только сам деспот;
- **фаза античной демократии**, где свободны были немногие;
- **фаза германского духа** была проникнута христианским учением и пришла к пониманию того, что человек свободен по своей природе.

По Гегелю данное разделение обуславливало движение мировой истории необходимым образом, эту идею восходящего пути воспринял и К. Маркс. Нечто похожее существовало в биологической науке, когда с позиций, например, Линея пытались осмыслить возникновение новых, все более и более сложных форм органической жизни. Доминировала идея прогресса, теория общественно-

экономических формаций в самом общем виде воспроизводит данную логику, определяя следующие фазы: первая фаза - первобытнообщинное общество, которое организовано на началах коллективной собственности, далее, в силу тех механизмов, о которых шла речь ранее, возникает дифференциация, возникает общество, в котором существуют класс правящих и класс непосредственных производителей. Затем, по мере того, как с развитием технологий земледелие все больше совмещается с промышленным производством, которое потом начинает доминировать, развиваются капиталистические структуры. Капиталистические отношения построены на принципе буржуазной частной собственности, дальнейшее развитие капитализма на своей собственной основе, через разрешение классового конфликта между буржуазией и пролетариатом приводит к тому, что К. Маркс именовал **социалистической революцией - обобществлением производства через переход собственности на средства производства в руки класса производителей**. Такой ход истории, такая смена типов социальной организации представлялась законосообразной, непреложной. Здесь нет гегелевской телеологии, здесь нет цели достижения некоего высшего состояния, развитие совершается за счет имманентных трансформаций, происходящих внутри самого общества.

В конце концов накопившиеся конфликты, недостаток форм организации, форм распределения, которые входят в противоречие с новым, обретенным технологическим ресурсом, с неизбежностью приводят к социальным революциям. **Социальная революция - это смена типа социальной структуры, социальной организации**. В прежние времена по мере того, как накапливались изменения, революции совершались достаточно долгое время, это был не одномоментный процесс. По мере того, как нарастала технологическая вооруженность, численность населения и плотность контактов в наиболее развитых странах, в частности, повышался и уровень общего образования. Это приводило к тому, что преобразования становились всё более и более интенсивными. Главная идея Маркса-идеолога заключалась в том, что **капитализм - это канун социалистической революции**, что кризис назрел (как впоследствии выразился В.И. Ленин), и что единственным выходом из него является социалистическая революция - преобразование общества на началах социалистического, а потом коммунистического порядка. Здесь присутствует очень любопытный разворот темы: в учебниках по марксизму-ленинизму теория общественно-экономических формаций, чередование фаз истории человечества было известно под вульгарным именем "пятичленка", поскольку насчитывали пять общественно-экономических формаций:

- **первобытнообщинная формация**
- **рабовладельческая формация**
- **феодалная формация**
- **капиталистическая формация**
- **коммунистическая формация, через фазу социализма**

Данный подсчет является очень грубой схематизацией и очень сильным упрощением, потому что в ранних подготовительных работах К. Маркса к

"Капиталу", которые известны как **"Экономические рукописи 1857 - 1859 годов"**, автором был выделен еще один тип социальной организации, который именуется "азиатским способом производства", "азиатская форма собственности" или **"азиатская социально-экономическая формация"**. К. Маркс использует восходящее к Гегелю выражение "азиатская деспотия", поскольку примеры такого рода политической организации были известны в основном в азиатских странах. Европейцы черпали сведения из достаточно фрагментарных представлений о том, что собой представляет общество на Востоке, в Китае и в Индии, которая благодаря усилиям Великобритании была наиболее освоена. Естественно, был достаточно хорошо известен Ближний Восток, где также существовали формы деспотической политической организации. **Азиатская деспотия** - это очень своеобразный способ организации общества, в котором существует классовая дифференциация, то есть существует группа, монополюно осуществляющая функцию социального управления, и группа зависимых производителей. Группа управленцев не состоит из индивидуальных частных собственников, как это имеет место в других формах классового общества. Это то, что потом получило наименование **"институт власти собственности"**, когда **высшими распорядительными полномочиями организаторов общественного производства, организаторов деятельности общества в целом является государственный аппарат**. К Маркс пишет: "Деспотическое объединяющее начало, которое стоит над совокупностью общин, одной из главных своих миссий имеет миссию организацию крупномасштабных общественных работ". Если мы имеем дело с обществом, жизнеспособность которого существенно зависит от поливного земледелия, то такими работами становятся работы по созданию всего ирригационного обеспечения, необходимого для успешного земледелия (сети каналов и прочего). Сюда можно подключить и крупномасштабные строительные работы: возведение крупных храмов, пирамид, Великой китайской стены, которая возводилась целыми поколениями. Логика понятна - должен быть некий мобилизующий ресурсы центр, который таким образом позволяет осуществить подобные крупномасштабные работы.

Данные идеи далее были развиты в работах ряда крупных историков и социологов. Наиболее известные из них - это **Карл Виттфогель** и **Карл Поланьи**, работы которых переведены на русский язык и очень интересны. Книги этих исследователей посвящены детальному осмыслению опыта функционирования систем, организованных на началах единства власти собственности. В России этой проблематикой занимался историк **Леонид Васильев**. Работы по осмыслению такого типа социальной организации, как азиатская формация, которая иным образом получила название политарной (где собственником является государство) - в Советском Союзе не пользовались популярностью. Более того, их искусственно сворачивали по причине того, что СССР строился на том же принципе - принципе государства как собственника всех ресурсов общества. Собственника-распорядителя, который все виды общественных работ, в частности, организацию взаимобмена деятельностью между специализированными производствами, основывал на положениях централизованного планирования. В стране существовал центральный

план, который всем предписывал некие производственные задания. Аналогия между древней деспотией и так называемым социалистическим обществом очень не нравилась руководству страны, она создавала нехорошие впечатления, поэтому эта часть наследия К. Маркса держалась под спудом, а исследования не пользовались популярностью. Следующая тема лекции будет посвящена возможности применения логики подхода К. Макса к анализу событий XX столетия.

Лекция 9. Возможности применения марксистской концепции к анализу событий XX века

Опыт построения социализма в отдельно взятой стране

Сегодня мы попытаемся разобраться, насколько события XX столетия могут быть поняты, осмыслены и объяснены с позиций марксистской концепции. Сразу отметим, что падение авторитета данной концепции во второй половине XX века было во многом связано с тем, что события истории пошли не по К. Марксу. К. Маркс говорил о том, что капиталистическая формация - общества, которые построены на формационном типе должны прийти к тупику, к пределу возможности своего развития, потому что накапливаются неразрешимые противоречия. Главным из них Маркс считал **противоречие между непосредственно общественным характером производства и частной формой присвоения**. Общество, которое было построено на принципах индивидуальной или парцеллярной частной собственности, должно было каким-то образом накапливать напряжение и конфликты, которые в рамках этой формы организации не могли найти разрешение. **Противоречие между трудом и капиталом** является другим выражением основного противоречия буржуазного общества. Соответственно, подобная форма организации, включая все регулятивные институты (государство, право), препятствовала дальнейшему историческому движению. Общества этого типа с неизбежностью должны были прийти к своему пределу.

Таким пределом был канун социалистической революции, то есть переход общества на совершенно новые формы организации. Согласно К. Марксу революция должна была быть делом рук того общественного класса, который был кровно заинтересован в изменении типа общественного устройства. Революционным усилиям, естественно, противодействовали владельцы средств производства, хозяева предприятий, которые стремились сохранить существующее положение вещей. Необходимо сделать важное уточнение: согласно К. Марксу, учитывая законы взаимодействия капиталистических обществ, учитывая законы формирования и развития единого капиталистического рынка - все результаты производства, все продукты человеческого труда с неизбежностью приобретали форму товара, соответственно, происходил интенсивный товарообмен. Товар превращался в деньги, деньги превращались в товар, и это воспроизводилось без конца. К. Маркс подчеркивал, что в силу действия законов рынка социалистическая революция может произойти одновременно во всех развитых странах, потому что в противном случае успешного преобразования, успешной реорганизации произойти не может.

Существует общее представление, что состоятельная научная теория, если она хорошо разработана, если она дает истинное знание - решает следующую **триединую задачу**:

- **описывает свои объекты**, то есть владеет языком, который позволяет понять, выделить существенные черты изучаемого объекта;

- **объясняет происходящие изменения**, то есть разъясняет динамику, для этого научная теория использует выведенные общие законы, общие формулировки;
- **успешно предсказывает будущие состояния**, которые следуют из накопленных данных о динамике изучаемого объекта.

Итак, теория описывает, объясняет и предсказывает. Концепция Маркса - не теория, поскольку различия между теорией и концепцией заключаются в строгости формулировок и детализации описаний. В этом отношении концепция К. Маркса была выражена в достаточно общих терминах, которые, как иногда говорят в философии науки, требовали операционализации. Такую работу попытались проделать новые поколения марксистов. Прежде всего идет речь о В.И. Ленине, который ввел в оборот понятие "**империализм**", который (это подчеркивалось) определялся как канун социалистической революции, то есть последняя, высшая стадия капиталистического общества. В.И. Лениным были совершенно четко сформулированы основные признаки империализма, главное, что им отмечалось специально - это окончание раздела мира между крупными капиталистическими державами, которые были остро заинтересованы в новых рынках сырья и сбыта своей продукции, что с неизбежностью приводит к началу борьбы за передел мира. Все внутренние и внешние конфликты общества, построенного на началах капиталистической организации, с неизбежностью обострялись. Действительно, начало века отмечалось серией очень серьезных военных конфликтов, которые в конце концов вылились в Первую мировую империалистическую войну, которая началась в 1914 году. Противоборствующими сторонами были: с одной стороны, Антанта - дружеское согласие (Великобритания, Франция, Россия), с другой - Тройственный союз (Германия, Австро-Венгрия и ряд, примкнувших к ним государств). Позднее в войну на стороне Антанты вступили США, что сыграло решающую роль в поражении Тройственного союза и принесло победу странам Антанты. За исключением России, потому что эта война (согласно В.И. Ленину) должна была создать предпосылки для совершения социалистической революции. Война дает для этого самые благоприятные возможности, потому что кризис резко обостряется, ресурсов для поддержания более-менее приемлемого образа жизни у общества уже не остается, поскольку оно вынуждено максимум сил и средств тратить на проведение военных действий.

Хорошо известен лозунг В.И. Ленина Превратим войну империалистическую в войну гражданскую!" В.И. Ленина. Поскольку война действительно очень сильно подорвала существование основных социальных групп, если говорить о России, то это прежде всего было крестьянство, которому приходилось очень плохо в условиях интенсивных военных действий. Кроме всего прочего, русская армия комплектовалась по преимуществу сельскими тружениками. Неуспехи на фронте, очень серьезные поражения и потери, которые несла русская армия, происходили благодаря ряду факторов, которые сплелись воедино. Не последнюю роль здесь играло достаточно слабое командование и невозможность проводить крупномасштабные операции на том уровне, который требовал новый тип ведения военных действий. Начался достаточно страшный для всякой воюющей стороны процесс - массовое бегство с фронта, дезертирство, причем солдаты прихватывали с собой оружие, потому что собирались

его использовать для того, чтобы отстаивать свои интересы. Партия большевиков, которая была достаточно сильной организацией, отличалась продуманной идейной позицией, ясностью устремлений и целей, а также была хорошо организована, благодаря незаурядным качествам её лидеров.

- происходит **Февральская революция** 1917 года, которая была итогом или плодом резкого ослабления армии и потери дееспособности государственного аппарата. Сил противодействовать революционному всплеску не было, к власти приходит Временное правительство, которое тоже не обнаруживает сколько-нибудь удовлетворительной способности руководить страной в условиях тяжелейшего кризиса.
- в октябре 1917 года происходит **Октябрьская социалистическая революция**. Необходимо отметить, что это было событие колоссальной значимости, которое, без сомнения, может считаться (если использовать определение без негативных коннотаций) резким переходом из одного состояния в другое, катастрофической сменой почти всех характеристик жизнедеятельности общества.

Когда В.И. Ленин программировал революционные действия, он считал, что социалистическая революция в России будет тем запалом, тем триггером, тем спусковым крючком, который запустит назревшие в других европейских странах революции, потому что и победившие, и побежденные переживали достаточно тяжелый кризис, который проявился в силу того, что война истощила все ресурсы. Конечно, у В.И. Ленина были основания подобным образом прогнозировать дальнейший ход событий, это было не только отвлеченное доктринерство, не только убеждение фанатично верующего человека - это были достаточно серьезные факты, которые позволяли делать такие прогнозы с уверенностью. Лозунг "Избавление от империалистической войны посредством перевода её в гражданскую войну" привел к ещё большим жертвам, в итоге гражданской войны Россия потеряла даже больше людей, чем в годы войны империалистической. Но к 1920 году, к исходу всех военных событий, когда Красная армия, созданная организационными усилиями лидеров (В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого и ряда политических активистов, входящих в правящее ядро партии большевиков) одержала военные победы. "Ведь от тайги до британских морей Красная Армия всех сильнее!". Было необходимо попытаться понять, что произойдет дальше, потому что ожидаемой социалистической революции в наиболее развитых странах капиталистического мира (ни в побежденных, ни в странах-победительницах) не произошло. Такого рода движения существовали в Венгрии, в Баварии происходили крупные и в каких-то пределах успешные выступления под социалистическими лозунгами, но в конечном счете сохранился буржуазный строй и его порядки, хотя было понятно, что в полной мере и объеме прежнюю жизнь восстановить не удастся. Перед большевиками стоял очень серьезный вопрос: **можно ли попытаться осуществить социалистический проект в отдельной стране**, допустима ли теоретически возможность построения (тогда говорили - победы) социализма в отдельно взятой стране? В.И. Ленин обладал достаточно ясным и политически трезвым умом и в этом отношении все-таки занимал достаточно осторожную позицию. Он говорил, что непременно нужно сохранить политическую власть и использовать её на

социалистических началах как рычаг преобразований. Поскольку чудовищная нищета, разорение, нехватка всего и вся обнажили полную несостоятельность нового положения вещей, которое зиждилось на централизованном распределении, пришлось пойти на попятные движения. Был введен так называемый НЭП - новая экономическая политика, которая означала, что восстанавливаются принципы буржуазного производства и товарообмена. Правда, не повсеместно, не во всем объеме народного хозяйства, в основном эти изменения затрагивали легкую промышленность, прежде всего сельское хозяйство, потому что отмечался очень острый продовольственный кризис, и, соответственно, сферу частной, мелкооптовой торговли. Поскольку это достаточно быстро дало результаты, то новые социальные группы, прежде всего нэпманы (мелкие и средние капиталисты) почувствовали свою значимость и силу, возникло впечатление, что революция не достигла тех результатов, на которые рассчитывали революционеры.

Победить капитализм как форму общественной организации не удалось. Революционеры одержали военную победу, захватили политическую власть и использовали её как рычаг преобразований, но в силу сложившегося положения вещей они были вынуждены отступить. В.И. Ленин был весьма серьезным политиком, понимая существующее положение, он в своих работах занимал следующую позицию: с одной стороны, выражал неколебимую уверенность, что из России нэпмановской выйдет Россия социалистическая, с другой стороны - предупреждал, что НЭП - это всерьез и надолго. Эти тезисы В.И. Ленина были тезисами последних лет его политической деятельности (1920 - 1922 годы), в 1922 году у него случился тяжелый инсульт, который привел к потере всех личностных характеристик, 1923 год В.И. Ленин провел в Горках с кратковременными восстановлениями дееспособности, в самом начале 1924 года его не стало. Встал вопрос о том, как быть дальше, каким образом проводить политику. В руководящем ядре партии, как это почти всегда бывает, являясь своего рода закономерностью, **образовалось два крыла:**

- крыло партии, возглавляемое Николаем Бухариным, одним из самых авторитетных деятелей партии большевиков, **стояло за сохранение НЭПа, за проведение медленной и осторожной политики.** Это крыло базировалось на том, что командные высоты в промышленности остаются за коммунистическим или социалистическим государством, а сферу непосредственного обеспечения, легкую промышленность и сельское хозяйство необходимо пока сохранять на позициях частной собственности и частной инициативы.
- второе крыло - левые коммунисты, которые из сугубо идеологических соображений, руководствуясь вполне понятным, но трудно конкретизируемым лозунгом "За что боролись?", **требовали скорейшего сворачивания НЭПа и утверждения руководящего положения коммунистической партии,** которая по сути стала государством, потому что никакой другой политической партии уже не существовало.

Большевики считали, что поскольку они выражают интересы прогрессивного революционного класса, то все прочие партии заведомо являются реакционными, контрреволюционными, они враждебны, поэтому должны быть запрещены. Всякое

несогласие и неудовольствие подавлялось открытыми репрессиями. Все-таки предпринимались какие-то усилия для того, чтобы создать оформленный правопорядок, были разработаны начала конституции общества нового типа на началах, принципиально отличных от тех, которые конституировали буржуазное общество. Отметим, опуская многие подробности, что в результате очень ожесточенной схватки с высшим руководством партии большевиков в конце концов возобладали позиции сторонников перехода всего народного хозяйства на социалистические рельсы. Эту группу возглавлял Иосиф Виссарионович Джугашвили с партийным псевдонимом Сталин, который незадолго до ухода В.И. Ленина от активной политической деятельности получил полномочия Генерального секретаря Центрального комитета партии большевиков. По характеристике самого В.И. Ленина, которая была дана в так называемом завещании, Сталин может не суметь распорядиться должным образом, то есть достаточно осторожно и ответственно необъятной властью, которую он сосредоточил в своих руках. Поэтому В.И. Ленин в письме к Съезду КПСС рекомендовал переместить Сталина с этого поста, для того чтобы не произошло такого нежелательного развития событий. Письмо было зачитано не на пленарном заседании съезда, а по группам. Сталин клятвенно пообещал, что он близко к сердцу принял критику вождя и сделает все для того, чтобы не давать ни малейших поводов сомневаться в его верности заветам В.И. Ленина. Далее обращение В.И. Ленина было проигнорировано, сам факт существования письма скрывался, а попытки его каким-то образом обнародовать или заговорить о нем рассматривались как тяжкое политическое преступление, за которое в ряде случаев карали расстрелом. Постепенно в партии сложился культ лидера, которому безоговорочно отдавали право оценки текущего положения вещей и право принятия всех, сколько-нибудь значимых решений.

Социально-экономические последствия гиперцентрализации управления в СССР

Мы рассмотрели одну сторону ситуации, которая касается сложившегося политического режима. Подчеркнем, что он был построен на началах гиперцентрализации власти. **Такая организации власти именуется деспотией**, потом в ход пошло выражение "тоталитарный режим", обозначающее, что политический центр стремится контролировать все основные процессы жизнедеятельности общества и в значительной мере реализует это стремление. Эта возможность в существенной мере обеспечивалась совершенно новым принципом социально-экономического устройства: частная собственность как институт ликвидировалась соответствующими правовыми актами, она рассматривалась как нечто абсолютно запретное. Речь идет уже о том периоде, когда НЭП был практически сведен на нет, потому что нэповские структуры были построены на институте частой собственности. Государство в этом отношении занимало позицию гаранта частной собственности, как и всегда в таких случаях оно должно было обеспечивать, защищать и поддерживать право собственности, пресекать все попытки нелегального нарушения этого права. Какое-то время так и делалось, не трудно понять, что только на этом условии при такой

политике и правовом режиме может функционировать частное предпринимательство и товарообмен, основанные на частной собственности. Именно это послабление, отступление от принципов социализма позволило в достаточно короткие сроки восстановить народное хозяйство и обеспечить более-менее приемлемый уровень потребления, то есть более-менее приемлемый уровень жизни людей. Происходящее рассматривалось как некое отступление от генерального плана построения социализма, всячески педалировался мотив враждебного окружения, что было сильным преувеличением. Скорее это была идеологема, потому что были и кредиты, и концессии, которые отдавались иностранному капиталу, а также было налажено постоянно действующее взаимодействие и партнерство.

Отступление от генерального плана происходило при том, что политическое и экономическое руководство страны отдавало себе отчет в чрезвычайной технической и технологической отсталости народного хозяйства Союза Советских Социалистических Республик. Для того, чтобы ускоренными методами, форсировано провести индустриализацию страны было принято решение использовать возможности централизованного планирования. Тут мы выходим на проблему, о которой необходимо говорить на языке экономической организации. К. Маркс отмечал, что **главное противоречие буржуазного общества является противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения.** Социалистическая революция, ликвидировав частную собственность, создала собственность государственную, то есть произошло обобществление средств производства (при поверхностном понимании). Сосредоточенная в едином центре управленческая функция ставила общество в следующее положение: группа государственной бюрократии имела монополию на распоряжение ресурсами всей страны, и не существенно, что государство именовалось социалистическим, что высшие бюрократы и практически все служащие, работающие в структурах государства, были членами коммунистической партии, факт оставался фактом. Все, кто не входил в эту систему государственного аппарата, естественно, оказывались в положении непосредственных производителей, которые должны были своим трудом обеспечивать более-менее нормальное существование таким образом организованного общества. Для того, чтобы каким-то образом терминологически обозначить новое, положение вещей, произошла своеобразная подмена понятий: **то, что считалось обобществлением средств производства, на самом деле было их огосударствлением,** именно государство стало монопольным собственником, распорядителем всех ресурсов, а тем самым и трудовых ресурсов.

В этом плане полезно обратиться к следующему важному соображению: при буржуазной организации общества, когда труд продается на рынке (существует специальный сегмент буржуазного рынка, который делится на рынок товаров, рабочей силы и финансовый рынок), то стоимость рабочей силы, которая тоже стала товаром, определялся законом спроса и предложения. Стоимость рабочей силы коррелировала со спросом на данный вид труда. Конечно, положение рабочих существенным образом зависело от рыночной конъюнктуры: если спрос на товары падал, соответственно, падал спрос и на производство, и на соответствующие сегменты на рынках труда.

Начиналось массовая безработица со всеми вытекающими отсюда последствиями. Это один из самых фундаментальных признаков кризиса буржуазного общества. И К. Маркс, и его последователи настаивали, что подобного рода кризисы будут возникать перманентно, потому что кризисное развитие, циклы: → **подъем производства** → **стабилизация** → **стагнация** → **спад** → **кризис** → **новый цикл** - неизбежны, потому что они порождаются самой формой и структурой капиталистической организации. Если менять характер связей в обществе, то данные кризисы, по идее, не должны сотрясать новое общество, которое претендовало на решение всех задач на началах централизованного планирования. Что касается положения непосредственных производителей, то было сказано, что отныне заработная плата будет начисляться по труду. Если при коммунизме не будет никаких локальных ограничений, не будет возможностей каким-то образом различать основные профессиональные группы, то социализм - это ещё та первая фаза коммунистического общества, где существует серьезное неравенство видов труда, соответственно, сохраняется неравенство уровней и видов потребления. Что означает начисление зарплаты по труду или определение стоимости труда в условиях планомерного распределения ресурсов, каким образом это может осуществляться? Ответ здесь единственный - по усмотрению управляющих инстанций. Если при капитализме в буржуазном обществе спрос на труд регулируется состояниями рынка, то здесь все приоритеты принадлежат управляющим инстанциям.

Поскольку было принято политическое решение о форсированной индустриализации, то труд тех профессий, которые работали на решение этой задачи, естественно, оценивался дороже. Далее возникает серьезная проблема, потому что индустриализация, то есть реорганизация средств производства, предполагает какие-то ресурсы, наличие капитала, который можно инвестировать в развитие. Возникает вопрос: откуда его взять? Ответ простой - источником добавочного и необходимого для развития промышленности капитала может быть только эксплуатация основной массы трудящихся. Прежде всего, конечно, речь идет о крестьянстве, потому что оно было поставщиком жизнеобеспечивающего продукта, в первую очередь продовольствия. Поскольку тотальное огосударствление сельскохозяйственного производства в условиях, которые существовали в России конца 20-30-х годов XX века, было невозможно, постольку было введено представление, что наряду с общественной государственной собственностью существует собственность, которую поименовали колхозно-кооперативной. Она объявлялась равноправной, суверенной и независимой. Это означало, что колхозы получали в свое распоряжение от государства земли. Государство оставалось собственником земли, но она безвозмездно передавалась колхозам для использования. Колхоз - это коллективное хозяйство, речь идет о том, что для того, чтобы производство приобрело достаточно крупные масштабы и могло стать поставщиком товарной продукции, независимые крестьянские дворовые, семейные хозяйства должны были каким-то образом объединиться, слиться воедино. Они были должны кормить не только себя, но и создавать все необходимое для существования города и промышленности. Всё, что декларировалось, на самом деле оказалось полной профанацией, потому что колхозы были поставлены перед фактом очень жестких требований: им выдавали задания на производство определенных

объемов продукции, а расплачивались они по государственным расценкам. Для того, чтобы получить какую-то зарплату, колхозник должен был регулярно выходить на работу, участие в работе хозяйства отмечалось в соответствующих ведомостях, где начислялись так называемые трудодни. Руководящие инстанции коллективных хозяйств (бригадиры, председатели колхозов), осуществляющие управленческие функции, вели соответствующие ведомости, с помощью которых начислялась заработная плата, которая была на уровне нижнего предела, а иногда даже меньше его. Таким образом мотивировать людей к активному и продуктивному участию в производстве никак не удавалось, колхозники отказывались работать, как они это называли, "за палочки" в ведомости, потому что за ними, как правило, стояла натуральная оплата, то есть выдача определенного количества продуктов, пропорциональная количеству отработанных трудодней. Все это привело основную массу сельских жителей к нищенскому существованию, поскольку промышленность и город высасывали ресурсы. При этом существовал лозунг, что все это необходимо делать, чтобы ускоренным темпом преодолеть отставание от развитых держав, соответственно, таким образом обеспечить уверенное положение Советского Союза в системе международных отношений, потому что со слабыми странами никто считаться не будет. Это был лейтмотив и внутренней и внешней политики. Действительно, эту программу удалось реализовать в достаточно короткие сроки. Была проведена очень мощная реорганизацию, прежде всего тяжелой индустрии. Необходимо иметь в виду следующее важное обстоятельство: в конечном счете главным бенефициаром этого напряженнейшего усилия, главным выгодополучателем оказались военная промышленность и армия. Доминирующим лозунгом был лозунг "Защита социалистического отечества от непременной угрозы!", как писал В.И. Ленин: "Если мы не будем достаточно сильны, то нас сомнут". Люди в это верили, это утверждение казалось им само собой разумеющимся, что наряду с массовой идеологической обработкой во многом способствовало тому, что люди принимали жертвы при достаточно низком уровне жизни и очень низком уровне потребления. Одновременно, хотя это тщательно скрывалось, самая верхушка партии государства жила в условиях, которые трудно квалифицировать иначе, как роскошные. И в отношении личного быта, и в отношении обеспечения отдыха, медицинских услуг и прочего правящая верхушка оказалась отгорожена от основной массы граждан Советского Союза непроницаемой стеной. Попытки проникновения за неё рассматривались как государственное преступление и жестоко преследовались.

Общая картина происходящего в стране очень мало напоминала то, что обещали теоретики социализма, потому что высокого уровня жизни для основной массы трудящихся достичь не удалось. Разброс был достаточно серьезный, даже по отдельным регионам: более обеспеченными были столицы - Санкт-Петербург (впоследствии Ленинград) и Москва, некоторые отдаленные области страны едва ли не возвращались к примитивным формам существования. Такая дифференциация характерна для истории Советского Союза практически на всем её протяжении. Но в достаточно короткий исторический период была создана очень мощная тяжелая промышленность, а также армия, которая обладала высокой численностью и довольно

неплохим вооружением. Всё это сопровождалось очень жестокой политической борьбой и репрессиями, которые оказались не просто средством для решения политических задач и укрепления положения правящей верхушки, а тем механизмом, той политикой, которая позволяла держать в повиновении основную массу населения по принципу "кто не с нами - тот против нас". У экономистов существует выражение "**внеэкономическое принуждение к труду**", примером которого может служить положение в рабовладельческом обществе, когда труженик вообще никак не заинтересован в своем труде, потому что ему остается минимум миниморум, крохи, которые позволяют поддерживать существование (при полном унижении человеческого достоинства), а всё, что он создал, уходило верхушке общества. Есть очень характерная деталь, которая прекрасным образом иллюстрирует это положение вещей: последние десятилетия существования рабовладельческого общества Древнего Рима характеризуется очень любопытной технологической новацией - орудия, которые использовались в сельскохозяйственном труде, стали изготавливаться чрезвычайно массивными, чрезвычайно тяжелыми. Это делалось для того, чтобы их нельзя было сломать, потому что раб при первой возможности (как только надсмотрщик отворачивался) ломал орудия. Это был удобный предлог для того, чтобы уклониться от работы, которая ничего ему не приносила ни в материальном, ни в психологическом плане. Это прямое следствие внеэкономического принуждения к труду и демонстрация его полнейшей неэффективности.

В условиях уже государственной собственности на средства производства в Советском Союзе и зависимости основной массы тружеников от правящей верхушки, в принципе, получалось тоже самое. Стимулировать труд привычными средствами, то есть "лучше работаешь - лучше живешь" - никак не получалось в силу всеобщей нехватки. Все ресурсы шли на решение главной задачи - тяжелая промышленность и армия. Численность армии превышала миллион человек, она была очень дорогим удовольствием, так как всех было необходимо одеть, обусть, поселить, а самое главное – армию было необходимо кормить каждый день. Труд крестьян, которые были поставщиками продовольствия во многом был связан именно с необходимостью содержания армии.

Отметим еще одно очень серьезное соображение: какое-то время такая система может существовать благодаря пропагандистской обработке, террору и сочетанию этих основных методов решения проблем, которые непременно возникают в обществе, но очень долго это продолжаться не может, поскольку эта система неэффективна, она не может уравновесить дисбалансы, накопившиеся в народном хозяйстве. Все это сопровождалось следующим серьезным обстоятельством: один из самых сильных доводов теоретиков социализма состоял в том, что плановое, разумно устроенное и рационально организованное хозяйство, которое последовательно намечает и реализует поставленные цели, противопоставляется принципу стихии рынка, бесконечным циклам кризиса, о которых шла речь ранее. Когда дело дошло до практической реализации этих установок, то выяснилось, что проблема так просто не решается, потому что для того, чтобы разумно и с долгосрочным эффектом спланировать народное хозяйство настолько большой страны с таким значительным уровнем

различий во всех областях (в квалификации труда, в условиях жизни и пр.) - необходимо обладать очень большими знаниями и серьезными технологиями расчётов. Действительно, такая работа была проделана, на первых порах функционирования плановой экономики были разработаны очень любопытные теоретические модели решения серьезных проблем, но в итоге был принят путь наименьшего сопротивления: в качестве основного стимула к труду все-таки был избран страх перед репрессиями. Как говорилось в известном советском фильме о Василии Ивановиче Чапаеве: "Куда христианину податься?". Все ресурсы контролировались правящей группировкой, а на поверхности находились близко лежащие проблемы. Самая главная проблема - вопрос сбалансированного и закономерного развития, которое последовательно, этап за этапом позволяет разрешать задачи, решена не была. Стихийное развитие сохранялось, несмотря на то, что план и плановое управление претендовали на всеохватное руководство. Это основное, что необходимо иметь в виду, когда мы говорим об **опыте социалистического строительства в отдельно взятой стране.**

Кризисное развитие СССР в послевоенный период

Кризисы начали весьма серьезно сказываться, но тут случилась катастрофа Второй мировой войны, произошла трагедия, которая потрясла все советское общество и потребовала мобилизации всех ресурсов. Военная победа досталась СССР ценой невероятных потерь, которые трудно представить, потому что дело не исчерпывается цифрами погибших на фронте. Официальная статистика долгое время утверждала, что потери Советского Союза были примерно такими же, какими были потери фашистской Германии, но потом оказалось, что они во много раз больше. Были потери, которые связаны с невозможностью нормального существования - потери утраты потенциала развития, но победа была достигнута, а победителей не судят. Победа во Второй мировой войне очень укрепила позиции партийно-государственного руководства Советского Союза, которому, располагая колоссальным военным потенциалом, созданному за годы войны, удалось решить некоторые ближайшие геополитические проблемы, ослабить давление извне. Был создан так называемый Социалистический лагерь. Казалось, что победа и успехи Советского Союза, весьма заметные в некоторых областях производили сильное впечатление. Достаточно вспомнить атомную и военную промышленность, полеты в космос, которые тоже имели в первую очередь военную составляющую. Создавалась картина вполне успешного общества, которое преодолело все болезни, все сложности роста и уверенно пойдет дальше, накапливая по нарастающей все больше и больше ресурсов. Но ничего этого не произошло, напротив - началась рутинизация, а самое главное - были утрачены технологические обновления. Они происходили только в очень узком секторе, связанным с военной промышленностью и обеспечением армии. Все остальное, как принято было тогда говорить, осуществлялось по остаточному принципу.

В конце концов выяснилось, что так называемое централизованное управление в действительности влечет за собой те самые порочные следствия, о которых предупреждал Маркс, говоря о кризисном развитии капиталистического общества: нарастающие потери, неадекватная растрата ресурсов без отдачи, затратный характер

производства, низкая производительность труда, в силу того, помимо прочего, что не было достаточных стимулов к тому, чтобы её повышать. Существовал анекдот, популярный в кругах людей, которые начинали ощущать серьезность проблем, связанных с этим способом существования: корабль социализма потерял скорость движения, стали пытаться выяснить в чем дело, каковы причины потери темпа, в итоге эксперт доложил, что дело в том, что весь пар уходит в гудок. То есть пропаганда и бесконечные заверения, что все хорошо, пытались прикрыть нарастающие реальные проблемы. Дело закончилось так, как и должно было закончиться при таком положении вещей - накопившиеся кризисы, падение темпов роста, потеря конкурентоспособности, невозможность восполнения этих потерь в конце концов привели к тому, что произошел вынужденный отказ от социалистического способа существования, которого в действительности не было, это была типичная государственно организованная экономика, которую можно называть государственным капитализмом. Не в названии дело, а в том, что данная система приводила к тому, что все ресурсы скапливались и использовались под контролем центральной власти, которая была монополистом в сфере принятия и хозяйственных решений, и решений политических.

Теория организации больших систем и их управления давно пришла к обоснованному пониманию того, что **гиперцентрализация управления самым парадоксальным образом влечет за собой неизбежную потерю эффективности**. Если говорить об этом с позиций политической теории, то монополизация власти есть худшее средство её использования. Это то, что максимально вредит интересам общества, что было понято достаточно давно, начатки такого понимания уходят в глубину веков. Если взять то, что находится ближе всего к нам по времени, **то теория Джона Локка предлагала принцип разделения властей на ветви:**

- **законодательная власть** осуществляет разработку социального взаимодействия
- **административная власть** обеспечивает оперативное руководство
- **судебная власть** обеспечивает выполнение принятых законов

Это не те же термины, которые были использованы в трудах Локка, но суть дела от этого не меняется. Чуть позже систему разделения властей разработал и обосновал французский мыслитель **Шарль Луи Монтескье**, который многократно предупреждал, что монополизация власти, отказ от принципа её разделения, попытка соединить все функции власти в одних руках влекут за собой неизбежную потерю эффективности управления. Эти теоретические соображения были проигнорированы, в результате можно с достаточным основанием утверждать, что исход такой политики и реализация тотального огосударствления всего и вся привели систему к неизбежному концу.

В этой связи важно отметить, что ни в коем случае нельзя считать, что за такой исход отвечает концепция К. Маркса, как это очень часто пытались делать. Ход событий истории XX века пошел не по тому сценарию, который им якобы прогнозировался. Здесь возможна очень простая аналогия: если горе-химик неправильно смешал химические ингредиенты и последовал взрыв, то законы химии не виноваты, поскольку взрыв законосообразен, то виноват горе-химик. Дело в том, что не

было выполнено главное условие социалистического преобразования общества, о котором говорилось в начале лекции - условие преобразования на началах, одновременных во всех промышленно развитых странах. Уже из одного этого следует, что попытка построения социализма в отдельно взятой стране - это теоретически несостоятельная попытка, она не могла ни к чему привести, кроме того, к чему привела в итоге. Второе соображение заключается в том, что даже этого условия недостаточно, потому что все-таки, по всей видимости, реальное обобществление труда возможно только при более-менее равномерном его распределении по качеству, то есть **ликвидации главной причины социального неравенства - неравенства видов труда**. Оно до сих пор не преодолено, потому что это происходит только на путях технологической революции, технологической реорганизации. Мы сейчас гораздо ближе к этому предполагаемому состоянию, но это произошло после более 30 лет осуществления технологической революции, которую совершенно справедливо называют информационной революцией, что же говорить о положении вещей в начале XX столетия.

Возвращаясь к вопросу о законосообразности хода исторического процесса и о несостоятельности предсказаний марксистской концепции относительно неизбежности перехода капиталистической формы производства в нечто более высокое, связанное с обобществлением средств производства - отметим, что неудачи попыток решения этой проблемы в истории Советского Союза сами по себе не могут служить основанием для отказа в признании правомерности марксистских утверждений. К. Маркс совершенно точно указывает условия и предпосылки, при которых действительно возможно социалистическое преобразование. Вместе с тем, нельзя не видеть, что само по себе развитие технологий, развитие производства и его организационных форм действительно существенно изменило характер исторического процесса. Изменило в том отношении, что теперь то, что в марксистской концепции называется базисными структурами, перестало в своих изменениях отставать во времени от перестроек, идущих в базисной структуре. То есть предшествующая история шла таким образом, что по мере накопления технологических и организационных изменений в основных отраслях производственной деятельности происходила перестройка в системе управляющих институтов и нормативной регламентации поведения. Но вместе с развитием техники, развитием человеческих знаний, с появлением новых возможностей управлять процессами социального взаимодействия и изменения социальные институты получили новые возможности. В частности, речь идет о том, что политическая власть может быть использована как рычаг преобразования базисной структуры, то есть её можно использовать для изменения формы собственности. Что и произошло в октябре 1917 года в России, а впоследствии (при некоторой условности дат) после Второй мировой войны и в Китайской народной республике, и в Северной Корее, и в странах Восточной Европы, которые входили в зону влияния победившего во Второй мировой войне Советского Союза. Именно однотипность этих изменений показывает, что здесь, конечно, сработали объективные законы:

- во всех случаях политическая **власть**, которая захватывалась Коммунистической партией от имени пролетариата, рабочего класса,

использовалась как рычаг реорганизации системы отношения к собственности;

- во всех случаях возникали достаточно независимо идущие процессы одного и того же типа - возникало общество, которое теперь классифицируется как **политарное, где соединялись воедино два института - институты власти и собственности.**

Именно законосообразный характер данных изменений показывает, что очень сходные по своим типологическим характеристикам процессы шли и в Советском Союзе в период 20-30-х годов, и в вышеперечисленных странах уже во второй половине XX века после Второй мировой войны. Социализма ни в каком из этих вариантов построить не удалось, получалось общество, где все ресурсы использовались централизованно, сообразно разработкам и директивам, которые именовались государственным планом и намечали характер производительной деятельности во всех отраслях этого большого социального организма. Что характерно, во всех ситуациях происходило одно и то же: приоритеты отдавались развитию тяжелой промышленности с последующим выходом на форсированное вооружение и создание крупных армий. Тем самым накапливались диспропорции и дисбалансы в народном хозяйстве. Все это происходило за счет сверх эксплуатации основной массы трудящегося населения, стоит задуматься о возможностях государства для извлечения прибавочной стоимости методами и средствами внеэкономического принуждения. Совершенно закономерно, что вопреки декларациям подобная система управления и организации труда демонстрировала свою неэффективность в условиях очень высокого уровня специализации и высокого уровня разнообразия сфер производства. Вместо планомерного объединения усилий и равномерного хода развития наблюдалось прямо противоположное. В конечном счете, поскольку уже стало очевидным, что подобная организация взаимодействия производителей в условиях очень высокой специализации (решающий фактор) неэффективна, то пришлось вернуться к принципам регулирования, основанным на началах частной собственности и учета динамики состояний рынка, но теперь это уж был мировой рынок.

Можно с уверенностью утверждать, что произошло обобществление сфер производства, но оно произошло не так, как предусматривала классическая версия марксистской концепции, что означает только иной характер проявления тех фундаментальных законов, о которых она говорит. Здесь первый и основной фундаментальный закон - это **закон соответствия уровня развития производительных сил и форм социальной организации.** Его специальным проявлением является закон, который указывает на необходимое соответствие между структурной композицией общественного производства и структурной композицией блока социального управления, то есть того, что в классических марксистских терминах именуется надстройкой. Эти соответствия совершенно неоспоримы, здесь даже не требуется дополнительных аргументов, так как понятно, что блок управления некой сложной системы не может быть организован таким образом, чтобы не

наблюдалось необходимого соответствия в структурной композиции самой системы в целом.

Лекция 10. Цивилизационная парадигма в исторической типологии

Типология истории Освальда Шпенглера

В сфере социального знания в XX веке продолжались очень интенсивные поиски решений, которые позволили бы представить историю человечества в максимально обобщенном представлении, с предельно высоких абстракций. В принципе, продолжались попытки найти решение тех же проблем, какие ставились в философско-исторической концепции Гегеля и в философско-исторической концепции К. Маркса. В частности, речь шла о новых принципах социального знания, о его методологии с тем, чтобы учесть своеобразие социально-исторических процессов в их отличие от процессов природных, в том числе даже от процессов органической эволюции, хотя подобного рода аналогии между эволюцией видов органической жизни и эволюцией человечества продолжались, как мы не раз ещё будем иметь возможность убедиться.

Одной из таких попыток была неокантианская концепция социальной философии, которая настаивала на принципиальном отличии двух типов наук, наук о природе и наук о культуре. Примерно в том же самом ключе (можно сказать, что параллельно с этого рода поисками) идет разработка концепции, которая впоследствии получила название "**Концепция локальных цивилизаций**". Термин "цивилизация" сейчас стал достаточно модным, его употребляют в самых разных контекстах. Именно это обстоятельство требует, чтобы мы прежде всего обратили внимание на то, каким образом это понятие определяется, точнее, какие различные смыслы в него вкладываются. В частности, об этом хорошо сказано в статье **Люсьена Февра** - одного из самых замечательных историков XX века и одного из основоположников замечательной французской исторической школы анналов. Л. Февр создал эту школу наряду с виднейшим французским историком **Марком Блоком**, она дала совершенно замечательные плоды - несколько поколений анналистов являются очень авторитетными специалистами и исследователями исторических процессов и событий самых разных эпох и регионов. Наряду с основоположниками школы можно назвать и **Жака Ле Гоффа**, и целый ряд историков, которые объединяются в рамках этой школы.

Л. Февр в своей статье, которая имеет очень точное название "**Цивилизация: эволюция слова и группы идей**", проводит достаточно внятный разбор смысла этого термина и различных вариантов его использования в социально-исторических исследованиях. В частности, Л. Февр отмечает, что:

- цивилизация в своем традиционном понимании рассматривалась как характеристика состояния человеческого общества, отличного от других его состояний, других фаз истории, именуемых фазами дикости и варварства. Возникла **триада: дикость → варварство → цивилизация**.
- данный термин использовался в ином значении, когда слово "цивилизация" означал попросту **совокупность свойств и особенностей**, которые открывает

взгляду наблюдателя коллективная жизнь некоторой человеческой группы: жизнь материальная, интеллектуальная, моральная, политическая и социальная.

Именно в последнем значении используется термин "цивилизация", но с одним очень существенным уточнением - речь идет именно о локальных цивилизациях, то есть о цивилизациях, которые существенным образом отличаются друг от друга. Представителем этой весьма авторитетной социально-философской концепции и главным разработчиком данной проблематики был немецкий мыслитель **Освальд Шпенглер**, автор получившей большую известность книги, которая в русском переводе называется "**Закат Европы**". Что в действительности не очень точно, потому что буквально её необходимо переводить как "Закат западных стран", ибо в понятие "Запад", которое имеет очень широкое хождение, сам Шпенглер включал Соединенные Штаты Америки, но естественным порядком исключал из него Россию. Книга была опубликована в 1918 году, практически сразу после Первой мировой войны, О. Шпенглер писал её на протяжении всех военных лет. Важно отметить, что когда появился первый том работы, то автор и его книга получили невероятную популярность. Один из современников отмечает, что её тираж был мгновенно распродан, хотя речь идет о достаточно трудном времени в Германии, когда только что закончилась война, в обществе преобладали состояния растерянности, неуверенности и страха. Скорее всего, именно поэтому книга Шпенглера, которая претендовала на объяснение сути происходящего, пользовалась невероятной популярностью. Шпенглер в одно мгновение стал знаменитым человеком. Дело доходило до курьезов - он сразу стал получать огромное количество писем с самыми разными просьбами, далеко не всегда они касались существа его историко-философской концепции. Одна дама написала Шпенглеру примерно следующее: "Уважаемый господин профессор, я со всех сторон получаю отзывы о Вашей замечательной книге. Не могли бы Вы подсказать, как мне распорядиться своими сбережениями?". Этот курьез очень хорошо показывает, что книга была востребована самым широким кругом читателей.

В свете этого положения необходимо отметить, что практически сразу после опубликования книги, а также много лет спустя, концепция Шпенглера и его творчество получали очень разнообразные оценки в широком диапазоне. Были дифирамбы, которые аттестовали мыслителя как самого значительного после Гегеля, философа истории, были весьма резкие и даже уничижительные характеристики. Например, великий немецкий писатель **Томас Манн** достаточно резко отозвался о концепции Шпенглера, назвав его "пораженцем рода человеческого". Подчеркивая сильное сходство его философии с философией Фридриха Ницше, он также называл его "умной обезьяной Ницше", что не свидетельствует о признании высокого интеллектуального уровня этого философского труда. Спустя время, **Теодор Адорно** тоже довольно образно высказался относительно метода, тональности и стиля концепции Шпенглера. Он сказал, что автор отчитывает немецкую философию так, как фельдфебель отчитывает первогодка-добровольца, имея в виду достаточно безапелляционный тон, можно сказать, директивный характер высказываний и суждений автора работы. **Люсьен Февр** тоже весьма критически оценивал концепцию Шпенглера, скептически относясь к её значимости для исторического познания. Вместе

с тем, нельзя не отметить, что необыкновенная популярность объясняется тем, что работа Шпенглера отвечала катастрофическому мироощущению многих интеллектуалов в Европе. Далеко не только в Германии, но и в других странах, потерпевших поражение в Первой мировой войне, ощущение катастрофы было повсеместным. В частности, оно подпитывалось осмыслением тех катастрофических событий, которые происходили в советской России, где тоже был весьма значительный разброс оценок. Этот глобальный кризис, который переживало все человечество в 20-е годы XX столетия, воспринимался именно как гибель Европы. Труд Шпенглера отвечал этому умонастроению, его автор был не одинок. Шпенглера справедливо считают одним из идеологов так называемой консервативной революции, он оказывается в ряду таких мыслителей, как Эрнста Юнгера, Бенедетто Кроче, а позже в 30 и 40-е годы XX века - Мартина Хайдеггера.

Для философско-исторической концепции Шпенглера характерен резко антинаучный настрой размышлений, он категорически не согласен с попытками дать научные объяснения хода и исхода исторических событий. Эта установка весьма точно выражена в афористическом высказывании Шпенглера: "Мыслящий дефинициями - судьбы не ведает". Он был убежден, что подлинная история - это не профессор, который работает в пыли архивов и пишет монографии по поводу тех исторических свидетельств, которые изучил. Подлинный историк - это пророк, это провозвестник судеб. Именно так нужно понимать эпатазирующее заглавие главного труда Шпенглера. В подтверждение сказанного процитируем его самого: "Попытки научного постижения истории - это не более, чем глупые попытки разгадать тайны исторической формы с помощью программы". Поэтому методология немецкого философа, его принципы осмысления истории выражаются в двух сопоставимых планах:

- **Критический пафос отвержения методов традиционной историографии**, которая, помимо прочего, страдает таким существенным в глазах Шпенглера недостатком, как европоцентризм. Он позволял себе следующие оценки: "Привычную для западного европейца схему я называю птолемеевой системой истории и противопоставляю ей в качестве коперникова открытия в области истории новую систему, согласно которой новые миры и культуры рассматриваются как меняющиеся проявления и выражения единой, находящейся в центре всего жизни. Все они имеют одинаковое значение в общей картине истории". Реанимируя давно утвердившиеся в социальной мысли принципы витализма, Шпенглер уподобляет единицы исторического бытия, которые он именует культурами, живым организмам. Главным алгоритмом исторического существования является обычный **жизненный цикл**: зарождение → расцвет, обретение всевозможных потенций → мир становления, достигнув предела своих возможностей, переходит в фазу цивилизации и начинается процесс умирания, который, в конце концов завершается гибелью. На этой **логике уподобления живого организма и культуры цивилизации строится вся концепция Шпенглера**. Поэтому философ говорит: "Необходимо увидеть мир-как-историю, понятую, увиденную, оформленную из своей противоположности - мира-как-природы". Предлагаются принципиально разные

методы, нам уже знаком этот подход, он был продемонстрирован в концепции неокантианства. Для изучения мира природы используются методы математики, где оперируют количественными характеристиками. Шпенглер настаивает, что для мира истории применимо только живое сравнение, аналогии, которые имеют морфологическую оправданность. Тем самым достигается основной результат: по субстанции отделяется органическое восприятие мира от механического, совокупность гештальтов от совокупности законов, образ и символ от формул и систем. Символическое истолкование исторических событий по Шпенглеру - это то, что должно занимать историков в первую очередь, образ и символ - вот что должно быть центром исторических исследований.

- Отметим ещё одно очень существенное соображение, где Шпенглер позволяет себе достаточно резкие формулы - он категорически отказывается рассматривать человечество как некое единство. В этом отношении мыслитель дает очень определенную характеристику: "Человечество - пустое слово. Стоит только исключить этот фантом из круга проблем истории, и вместо монотонной картины линейнообразной всемирной истории я вижу феномен множества мощных культур, с первобытной силой вырастающих из недр породившей их страны. У каждой из них своя собственная идея, свои собственные страсти, собственная жизнь".

В целом, в истории человечества Шпенглер видит **8 культур и цивилизаций**, каждая из которых проходит вышеописанный жизненный цикл:

1. Египетская культура
2. Индийская культура
3. Вавилонская культура
4. Китайская культура
5. Античная культура
6. Арабская культура
7. Культура народов Майя выделяется специально
8. Фаустовская культура - это западная культура, которая по Шпенглеру уже пребывает в фазе цивилизации

Задачей исторического знания считается изучение морфологического сродства, внутренне связующего языка форм всех культурных сфер. Для каждой культуры цивилизации есть свой символ, свое наименование: античная цивилизация - это цивилизация аполлоновская, для цивилизации арабов Шпенглер в качестве символа выбирает цифру, число. Фаустовская цивилизация - это цивилизация неуспокоенного, вечно напряженного духа поиска, который постоянно стремится к нахождению значимых истин.

Главный концепт философии истории Шпенглера традиционен для немецкой классической философии - это понятие духа, которое мы видим, например, в философии истории Гегеля. Дух - это то, что всякий раз определяет неповторимое своеобразие культуры, то - что отличает её от всех прочих культур.

Вместе с тем Шпенглеру не удастся сколько-нибудь последовательно провести эту идею, поскольку в ряде случаев он все-таки сбивается на обобщения следующего типа: "После того, как произошло открытие Америки и она стала доминировать в мире, Запад (имеется в виду Западная Европа) стал планетарными задворками". В целом же ситуация XIX - XX веков (то, что по Шпенглеру является основными симптомами кризиса и предвестием катастрофы) - это противопоставление возникшего и уже утвердившегося мирового города с его слабостью, фальшью, неготовностью к самопожертвованию (мыслитель говорит о нем, как о трусливом образовании) и подлинным, питающимся от материнской земли, то есть культуры крестьянства, которой присуще естественное переживание судьбы, времени и смерти.

Ещё одна очень любопытная черта концепции Шпенглера - это достаточно традиционная идея о том, что подлинная человечность достигается только тогда, когда **идея индивида, принцип индивида подчиняется идее народного целого и службе ему**. Общество должно стоять над индивидом. "Не я, но мы, коллективное чувство, в котором каждое отдельное лицо совершенно растворяется. Дело не в человеческой единице, она должна жертвовать собой целому" - это цитата из другой очень известной и популярной работы Шпенглера, которая называется "**Прусская идея и социализм**" или "**Пруссачество и социализм**". Прусский дух организует данный тип человеческой общности и представляет собой "ощущение жизни, инстинкт, невозможность поступать иначе, совокупность душевных и связанных с ними телесных свойств - всё, что стало признаками расы, определенная совокупность чувства реальности, дисциплины, корпоративного духа и энергии". Это позволяет культуре, пронизанной такими чувствами и таким настроением, достигать значительных результатов, одерживать победы в схватках с врагами. Одним из самых великих представителей прусского духа, его носителем и выразителем Шпенглер считал Фридриха Великого. С другой стороны, утрата этого духа (поскольку он постоянно находится под давлением, постоянно подвергается угрозе) является главной причиной гибели цивилизации.

В этой связи важно обратить внимание на очень близкое сходство этих идей Шпенглера с теми идеями, которые были положены в основание идеологии нацизма. Это родство было достаточно точно почувствовано идеологами нацистской Германии. Известно, что поначалу Шпенглер получал от них достаточно откровенные предложения о сотрудничестве. В 1933 - 1934 году произошел приход Гитлера и его партии к власти, по сути дела, превращение партии в государственный аппарат, как мы это видели в иных ситуациях. К этому времени Шпенглер был одним из членов президиума Общества Фридриха Ницше. Поскольку **Ницше** тоже очень высоко почитался идеологами Третьего рейха, Шпенглер получил достаточно откровенное предложение от Геббельса. Необходимо отдать должное немецкому философу, он от него отказался, хотя признавал в своих записях сходство идей национал-социализма с теми идеями, которые выражал в своих работах. При этом Шпенглер говорил, что нацисты исказили его идеи, что они их опошлили. Его главная претензия носила не интеллектуальный характер, а характер личный. Известно, что Шпенглер встречался с Гитлером, они довольно долго беседовали, но по окончании этой беседы оба остались очень недовольны друг другом. Гитлер потом как-то сказал, что его идеи - это совсем

не идеи Шпенглера, а Шпенглер очень уничижительно отозвался о личности германского фюрера. Последствием явилось то, что официальная идеология и пропаганда начала открытую травлю. Шпенглера унижали и третировали, акцент был сделан на его личности, на том, что он изменяет высоким идеалам национал-социализма. Не будучи здоровым человеком, практически всеми забытый Шпенглер в 1936 году умирает, от былой популярности мыслителя к тому времени уже ничего не остается.

Важно отметить, что пафос утверждения, что человек должен служить народу, должен служить обществу, казалось бы, вполне оправданный, приобретает очень специфические черты. Характерным здесь является выражение "**человеческая единица**", которая должна служить и должна жертвовать собой целому. В истории каждый раз оказывается, что подобного рода установки, если они получают официальное признание, если они полагаются в основание государственной идеологии приводят к тому, что общество олицетворяется в конкретной фигуре, в конкретном лице фюрера - вождя нации. Именно ему присваивается право требовать от человеческих единиц принести себя в жертву тому делу, которое олицетворяет и возглавляет вождь. В этическом плане это совсем не то положение, которое можно считать достаточным для развития данной концепции и для её понимания как средства преодоления серьезных проблем, которые рождает культура, построенная на признании суверенного индивида.

Идеи, которые высказывал Шпенглер, находили довольно широкий отклик, более того, у него были предшественники. Здесь нельзя не вспомнить знаменитую работу русского мыслителя **Н.Я. Данилевского**, которая имела характерное название "**Россия и Европа**". Уже одного этого достаточно, чтобы увидеть смысловую переключку, более того, совершенно несостоятельные спекуляции заходили так далеко, что писали о том, что у Шпенглера, когда он создавал свой труд, на столе находилась работа Данилевского. Шпенглер хорошо знал несколько языков, в частности, он занимался и русским языком, с этой книгой он знаком не был, немецкий перевод труда Данилевского вышел через два года после опубликования первого тома "Заката Европы". Тем не менее, мысль о замкнутых цивилизациях, которые не могут никаким образом уподобляться или сравниваться друг с другом в силу своей уникальности, была уже востребована. Шпенглер может считаться одним из ярких выразителей этого подхода. Отметим декларативное отрицание, отвержение логики и правил логической аргументации, при том, что требовалось некое живое чувство, сопереживание, сопричастие - все то, что достаточно трудно операционализировать, что невозможно, по сути дела, никак проверить. Такой подход опасен тем, что всякий раз, встречаясь с критикой, с фиксацией неких противоречий, возможно все это отринуть, сославшись на то, что оппоненту недостает сопереживания и сопричастности. Такого рода построения в принципе не поддаются независимой проверке, они не могут быть фальсифицированными, тем самым их достоверность как минимум подвергается сомнению.

Именно в этом плане стоит подчеркнуть следующее важное обстоятельство: когда вышел первый том "Заката Европы", то он был достоянием не только широкой публики, но и профессиональных историков, которые сразу обратили внимание на существенные и фактически непреодолимые противоречия. Если сначала Шпенглер утверждает, что каждая культура являет собой замкнутое образование, что она есть нечто в себе сущее и абсолютно закрытое для других культур, то возникают вопросы: каким же образом Шпенглер, будучи представителем одной конкретной культуры (фаустовской), получил возможность проникнуться духом всех восьми, сущих в истории культур цивилизации? Каким образом их внутренние смыслы, их дух оказались открыты человеку, который принадлежит к совершенно иной культуре. Критика в этом отношении была совершенно убийственная. Шпенглер понимал, что это очень серьезное возражение, которое ставит под сомнение основательность всей концепции. Он чувствовал необходимым во втором томе "Заката Европы" дать ответ своим оппонентам, но он не спасал положение, потому что все аргументы автора свелись к тому, что фаустовская культура - это культура, которая отличается от всех прочих ещё и особой способностью видеть историю в подлинности (как свою собственную, так и ту историю, которую она считает чужой). Если пытаться анализировать существо аргументации Шпенглера (что именно способность к проникновению в историю других культур является врожденным свойством фаустовской культуры и только ей присущей особенностью), то необходимо признать, что специфическая способность к историческому видению является продуктом исторического развития, а не врожденным свойством, то есть имеет место просто накопление исторических знаний относительно жизни других культур. Тогда необходимо говорить не об образах, не о метафорах, а о постижении исторической действительности, как это всегда и бывает в человеческом знании. Тогда эта способность является продуктом развития человеческой мысли.

Одним из проявлений кризиса, который охватил Германию и страны, потерпевшие поражение в Первой мировой войне, было рождение ряда идей, которые создавали интеллектуальный бэкграунд консервативной революции. Одной из них была идея контрвестернизации - **отказ от западной этики индивидуализма, индивидуалистического сознания**. Согласно представлению единомышленников Шпенглера (например, **Эрнста Юнгера** или **Мартина Хайдеггера**) преодоление западного сознания должно стать основой, тем ростком, из которого родится новый германский дух, который позволит немцам вернуть утраченные позиции, позволит Германии пойти своим особым путем, отличным от пути всего прочего человечества. Именно эти настроения возобладали в идеологии национал-социализма, идеологи которого предъявляли в качестве главной претензии Шпенглеру его пессимизм. Он даже счел необходимым написать книгу "**Пессимизм?**", которая была одной из последних работ. В ней мыслитель пытается отринуть эти претензии и не признает справедливость обвинений, но нельзя не отметить, как и во многих других случаях, что его соображения носят в основном декларативный характер. Шпенглер, по сути дела, требует поверить ему на слово, но никаких доводов, имеющих логическую силу, сформулировать так и не может.

Судьба Германии после Второй мировой войны, возникновение демократического государства в Западной Германии, которая совершенно очевидным способом уходила от тех установок и ценностных приоритетов, которые формулировали идеологи консервативной революции - показывают, что все объяснения, строящиеся на признании некоего духа, который конституирует особенности культуры цивилизации, лежащих в истоках её исторической судьбы, (если использовать терминологию Шпенглера) - это вещи достаточно трудно доказуемые. Немцы, осознав катастрофический характер установок национал-социализма и проникнувшись стремлением уйти от всего, что стало порождением этой идеологии (от ужасов концлагерей, от кошмаров Второй мировой войны), избрали совершенно иной путь, поэтому особой популярностью философско-историческая концепция Шпенглера не пользуется. Сейчас она утратила ту востребованность, какая была заметна на первых порах её существования в публичном пространстве. Вместе с тем, необходимо отметить, что поскольку кризис, который человечество переживает в последние десятилетия, приобретает перманентный характер, видимо, этим и объясняется возобновление интереса к наследию Шпенглера. Завершим разговор о Шпенглере цитатой одного из самых сильных критиков его концепции, французского историка Люсьена Фейера, который характеризует содержание книги Шпенглера следующим образом: "Это пестро раскрашенные картинки, представляющие одноликие, включающие в себя без разбора всех живых людей данной эпохи независимо от их общественного положения, излюбленные виталистами метафоры: зарождение, расцвет, гибель культур. Это всего лишь заново перелицованное старье". Это приговор историка-профессионала, с которым так активно пытался не соглашаться Шпенглер. **Томас Манн** посвятил учению Шпенглера эссе, которое называется "**Об учении Шпенглера**", где характеризует мыслителя: "Пусть бы Шпенглер был циничен как дьявол, но он всего лишь фаталистичен". Манн определял Шпенглера как предателя идеи человечества, фатализм, конечно, самая типическая черта Шпенглера. Именно по отношению к этому умонастроению, вероятно, разделяются сторонники и противники шпенглеровской версии философии истории человечества.

Цивилизационная концепция Арнольда Тойнби

Английский историк Арнольд Джозеф Тойнби является также весьма популярным представителем философии истории, во многом сходным в базовых установках с концепцией Шпенглера. Тойнби на протяжении многих лет писал и переписывал сочинение, которое в итоге получило наименование "**Постижение истории**". Начнем рассмотрение его работ со сходства, то есть с того главного, что объединяет подходы обоих мыслителей. Это витализм, Тойнби пытается найти решение проблемы принципа выделения основной единицы исторического существования человечества, основной единицы исторического движения. Такой единицей он категорически отказывается считать национальное государство, так как считает, что это очень сужает горизонт исследования. Необходимо отметить, что это справедливое положение. Как и Шпенглер, Тойнби считает европоцентризм очень серьезным недостатком, даже очень серьезным пороком традиционной историографии. Поиски решения этой проблемы приводят его к формулировке, согласно которой

основной единицей исторического движения человечества является цивилизация. Если у Шпенглера цивилизация - это термин, которым характеризуется нисходящая фаза жизненного пути культуры, то есть цикл:

- фазы зарождения, расцвета и творческого максимума могущества - это **фаза культуры**
- фазы нисхождения, фаза умирания - это **фаза цивилизации**

Цивилизация у Тойнби - это наименование того уникального, живого организма, того целого, которое выходит за пределы отдельно взятого национального государства. Необходимо отметить важное обстоятельство, с которым были согласны очень многие критики - Тойнби так и не удалось ответить на вопрос: как следует понимать образующий принцип того, что создает цивилизацию в её неповторимости, в её отличие от всех других цивилизаций? Люсьен Февр говорит, что в большинстве случаев Тойнби использует религиозные ярлыки. Действительно, в большинстве случаев, за одним единственным исключением, цивилизации характеризуются им с точки зрения доминирующей религии, но и этот принцип Тойнби провести тоже не удается. Другой мотив английского историка заключается в том, что историография, философия истории должна руководствоваться установками, методами и принципами, радикально отличными от тех, какими пользуются исследователи природы. Историю нельзя изучать теми же самыми средствами, какими изучается мир неживой природы. Здесь опять возникают понятия "метафора", "аналогия", "сравнение" и "истолкование". "Истолкование" - термин, который необходимо использовать в обязательном порядке, потому что задачу истолковать историю ставили перед собой и неокантианцы, об этом прямо написано у **Макса Вебера**. Истолкование тех или иных исторических событий, рассмотрение их в качестве знаков или символов - это очень часто используемая терминология в текстах Шпенглера, тоже самое мы видим и у Тойнби. В этом отношении отмечаются очень сильные параллели - цитируя в данном случае Бергсона, Тойнби говорит: "Физическая природа может быть схвачена в каких-то специфических формах, но человеку, который становится объектом исторических исследований, присуща способность смотреть на мир как на целое, с острым ощущением присутствия или отсутствия в нем жизни". Это те же самые и нам уже знакомые аналогии, которые называются витализмом. Не очень понятно, почему отторгаются всякие попытки анализа социальной дифференциации, социальной структуры, форм и методов социальной организации, почему, как уверял Тойнби, они должны действовать на историка и философа раздражающе? Это совершенно декларативные установки и требования, и столь же декларативные отвержения.

Для того, чтобы "постичь умопостигаемое поле исторического исследования" Тойнби формулирует **два основных закона**:

- **Закон вызова и ответа или призыв и отклик (challenge and response)** - закон, который определяет или является источником социально-исторической динамики. Надо отдать Тойнби должное, он не принимает широко распространенных и популярных утверждений о решающей роли и влиянии

географического или климатического фактора, хотя историк отнюдь не склонен полностью сбрасывать их со счетов. Тойнби отмечает, что очень сходные географические и климатические условия, существующие для России и Канады, вместе с тем, порождают совершенно разные цивилизации. Фактор природной среды необходимо принимать во внимание, но не нужно приписывать ему способность образовывать цивилизацию, он не является образующим принципом. Вместе с тем, влияние среды сказывается в характере вызовов, в характере воздействий, которые Тойнби определенным образом классифицирует. Прежде всего он принимает во внимание раздражения, которые извне идут от среды обитания и бывают двух типов:

- **грубые**, речь идет о чрезмерно суровых условиях жизни;
- **слабые**, когда климатические условия жизни чрезмерно благоприятные.

Если условия грубые или очень слабые, то цивилизация не развивается или имеет очень неустойчивый характер. Чрезмерно суровые условия не позволяют развиваться каким-то внутренним возможностям цивилизации, а избыток комфорта влечет за собой отсутствие необходимого уровня дееспособности, отсутствие энергии, так как нет нужды преодолевать какие-либо трудности. Поэтому истина очевидна - цивилизация рождается там, где существует некая умеренное давление, которое требует активных ответов, но вместе с тем не является губительным.

- Выделяется **характер воздействия**, поскольку по цивилизации могут быть нанесены удары. Речь идет не столько о природных катаклизмах, сколько о межцивилизационных контактах.
  - **крупномасштабные столкновения**, главным образом военные, которые наносят цивилизации сильные удары извне;
  - сильнейшие **культурные трансформации**, переход из одной системы мировоззренческих и моральных координат в совершенно другие. Примером таких переходов Тойнби называет Реформацию - радикальное преобразование основных практик и толкований догматов христианского вероучения.
- **Фактор давления** - цивилизации, находящиеся в тесном взаимодействии, оказывают сильнейшее взаимное влияние, которое так или иначе проявляется в характере исторической жизни всех участников этого взаимодействия.
- **Постоянно возобновляемое на длительных интервалах времени угнетение** - это, например, судьбы христианства в тот период, когда оно было гонимым вероучением и вынуждено было отстаивать себя для того, чтобы удержать свой смысловой мир и в конце концов стать основой христианской цивилизацией. Важно отметить, что именно этого наименования Тойнби избегает, потому что оно недостаточно определено, поскольку известно, что христианство подразделяется и в своих разветвлениях достаточно далеко отстоит друг от

друга. Сам Тойнби среди прочих выделяет так называемую несторианскую цивилизацию.

Коль скоро заявлена претензия на выделение основных единиц исторической жизни человечества, то необходимо их хотя бы перечислить, назвать их точное число. Тут творчество Тойнби вызывает довольно серьезное недоумение, потому что его работа публиковалась на протяжении нескольких лет, у нее было несколько выпусков, в итоге наблюдается тот факт, что количество цивилизаций в понимании мыслителя менялось. Он никак не мог определиться, сколько же в истории человечества было цивилизаций, наиболее часто упоминаемое им число - 21 цивилизация. Кроме того, Тойнби говорит о том, что наряду с полностью сформировавшимися и прошедшими полный жизненный цикл цивилизациями были и остановленные цивилизации, которые по тем или иным причинам не получили полного развития. Таких **реликтовых цивилизаций** Тойнби насчитывает в истории человечества пять:

- **Монофизитская** цивилизация
- **Несторианская** цивилизация
- Цивилизации, связанные с двумя течениями буддизма - **Махаяна и Хинаяна**
- Цивилизация **ацтеков**

Ацтекская цивилизация оказалась остановлена в ходе европейской колонизации, это было насильственное прекращение её существования.

Тойнби насчитывает пять современных цивилизаций, существование которых приходится на время написания "Постижения истории" (первая треть XX века):

- **Западная** цивилизация
- **Православная** цивилизация, в основном речь идет о России, как о преемнице Византии
- **Мусульманская** цивилизация
- **Индийская** цивилизация
- **Дальневосточная** цивилизация, которая объединяет Китай, Корею и Вьетнам

Здесь тоже не может не возникнуть вопросов, так как Православная цивилизация - это прежде всего Россия. После Революции 1917 года относить Советский Союз к категории православных обществ никак не приходится, несмотря на то, что православное вероучение сохранялось и у него были последователи, но официальной идеологией страны был атеизм, который утверждался со всеми возможностями государственного принуждения. Это относится и к Мусульманской цивилизации, известно, что Ислам в своих конкретных течениях подразделяется на шиизм и суннизм. Как отмечают многие историки, государства, которые исповедуют ту или иную разновидность исламского вероучения, достаточно часто находятся между собой в очень острой конфронтации, а иногда и в гораздо более острой, чем конфликты между последователями ислама и представителями других культур и религий, то есть данная классификация не вызывает доверия. Люсьен Февр опубликовал на этот счет статью, в которой оценил значимость этого нового способа решения проблем

человеческой истории. Февр посвятил анализу цивилизационной концепции большую работу, которая называется **"От Шпенглера к Тойнби"**, она переведена на русский язык и опубликована в составе большого тома работ с характерным названием **"Бои за историю"**, который вышел в 90-е годы прошлого века в серии "Памятники исторической мысли". Когда Февр анализирует концепцию Тойнби, то достаточно часто использует следующие выражения: "путанная фразеология", "обильное использование метафор вместо строгих понятий", "преобладание ярлыков при обозначении цивилизаций и характеристик их особенностей". Свидетельством слабости понятийного аппарата данной концепции является невозможность всё-таки более-менее уверенно ответить на вопрос: сколько же было цивилизаций в истории человечества?

В одном плане Тойнби отличается от Шпенглера - он не считает, что цивилизации отделены друг от друга непроницаемой стеной. Более того, Тойнби говорит о том, что в истории наблюдаются ситуации, когда в первой фазе своего жизненного цикла, в процессе становления происходит вживание новой и становящейся цивилизации в цивилизацию уже существующую, то есть происходит некий синтез. Это, конечно, достаточно серьезное отличие от идеи замкнутой в себе цивилизации, которую отстаивал Шпенглер. Еще одним существенным отличием является то, что Тойнби не разделяет фаталистических убеждений Шпенглера и не в таких мрачных тонах видит будущее человечества. Признавая кризисный характер его развития и отмечая какие-то симптомы подобного развития в современном ему человечестве (речь идет об интервале между Первой и Второй мировой войной), Тойнби всё-таки прозревает возможности когда-то грядущего (может быть, даже в очень отдаленном будущем) единения человечества с тем, чтобы прекратились внутренняя вражда и конфликты, а люди пришли к истинному пониманию своей ценности и своего места в жизни. Тойнби, судя по очень многим признакам, был глубоко верующим человеком, поэтому связывал спасение человечества с обретением некой новой, истинной и единой веры. Благодаря чему и произойдет чаемое единение человечества.

Историки-профессионалы очень скептически отнеслись к наследию обоих создателей концепции "Локальной цивилизации", имея в виду, что она мало что дает для решения задач исторического знания. Февр, подводя итоги своего анализа, утверждает, что наследие Тойнби не может быть всерьез принято, как руководство в профессиональном историческом исследовании, потому что Тойнби - это скорее публицист, "труды которого выдают вполне осознанную политическую подоплеку". Это обстоятельство можно считать решающими, потому что оно является отказом от научного аппарата знания, отказом от строгости определений, формулировок и доказательности утверждений. Такие работы Шпенглера, как "Закат Европы", "Прусская идея и социализм" и очень характерная работа **"Человек и техника"**, в которой автор возвращается к неким мотивам нищезанятия, но довольно существенно их переосмысливает, неслучайно отказываются от методов и принципов научного знания. Задача этих работ - не исследовать, не объяснить, а убедить аудиторию. Вернемся к тому, что Шпенглер считает, что подлинным историком может быть только пророк, или наоборот - только пророк может быть подлинным историком. По оценке

многих исследователей наследия немецкого мыслителя - он предупреждает, пытается "поставить диагноз", как пишет об этом переводчик и комментатор Шпенглера **Карен Свасьян**. Более того, в какой-то момент К. Свасьян решает уподобить тексты Шпенглера призыву Иоанна Предтечи: "Изменитесь! Или будет поздно!". Наряду с этим нельзя не признать, что сама по себе идея судьбы, которая должна совершиться неумолимо, если её проводить последовательно, ничего не оставляет от призывов к людям отмотилизоваться, собраться с силами, вернуться к неким корням и истокам. Здесь сохраняется неразрешимое противоречие.

Лекция 11. Этнические измерения истории

Подходы в понимании сущности этнических явлений

Темой лекции являются этнические измерения истории. Вопросы природы этнических общностей при своей кажущейся очевидности - это очень трудные вопросы. В литературе существует несколько способов понимания того, что они собой представляют, каким образом они формируются, как и почему изменяются. Основная и по настоящий момент четко различимая антитеза в подходах к пониманию сущности этнических явлений - это **биологическое и социальное противопоставление**. Также существует трудно воспринимаемая концепция, уходящая в метафизику. Согласно этому, не очень обильно представленному в источниках направлению этничность является некой мистической сущностью, которая не является природным, социальным или культурным феноменом, а существует как некая субстанция, присутствующая в истории и проявляющаяся в тех явлениях, которые можно отнести к категории процессов этнической общности и этногенеза.

Необходимо отметить, что полемика по этим проблемам началась достаточно давно. Как и все в социальном сознании, корни в данной полемике уходят едва ли не в античную философию, но со всей остротой этот вопрос начал обсуждаться с появлением работы французского исследователя де **Гобино**, который привлек внимание к проблематике расового разнообразия человечества и предпринял попытки дать характеристики основным человеческим расам. Он пытался обосновать врожденные различия между расами, естественно, что все преимущества Гобино предпочел оставить за расой европеоидов. В этой связи необходимо сделать очень существенную оговорку: долгое время в литературе понятие раса или этнос по сути не различались и нередко использовались как синонимы. Очень характерными в этом отношении были трактовки понятия раса в идеологии нацистской Германии, печально известные нюрнбергские законы нередко аттестуют как расовые. Это очень грубая ошибка, потому что **раса - это понятие антропологии**, которое характеризует биологические антропологические различия между разными группами представителей человечества. Необходимо подчеркнуть, что все они принадлежат к роду *homo sapiens*, а различия между ними, связанные с анатомией и цветом кожи, а также рядом других антропологических признаков, относятся к биологии и генетике. Именно здесь завязывается узел острого обсуждения, существует ряд авторов, которые этнос и этнические общности напрямую с расами не отождествляют, но все-таки считают явлениями природными. Наиболее ярким представителем этого направления социальной мысли является **Лев Николаевич Гумилев**. Этот очень талантливый, интересный и яркий человек был сыном великих русских поэтов Николая Гумилева и Анны Ахматовой. Л.Н. Гумилев прошел очень нелегкий жизненный путь в качестве сына человека, который был репрессирован и расстрелян по сфальсифицированному обвинению о причастности к белогвардейскому заговору. Лев Николаевич тоже был репрессирован и какое-то время провел в лагерях, но сумел получить высшее образование, защитить диссертацию и написать несколько интересных и ярких работ, которые, помимо всего прочего, написаны великолепным литературным языком. Самой

известной его книгой, посвященной проблемам этнологии, является работа с очень характерным названием "**Этногенез и биосфера Земли**". Л.Н. Гумилев был блестящим знатоком истории, имеющим ученую степень доктора географических наук, в серии книг и статей, представляющих чрезвычайно интересный материал, он совершенно точно и определенно заявляет: "**Мы исходим из того, что этнос в своем становлении - феномен природный**". Соответственно, методы изучения этнических общностей людей, то есть науки этнологии - это методы естественнонаучные. Обосновывая эту позицию, Л.Н. Гумилев ссылается на то, что этнос - это специфическая форма существования вида *homo sapiens*, а этногенез - это локальный вариант внутривидового формообразования. Это определение можно отнести к расам, то есть к тем вариантам внутривидового образования, которые связаны с антропологическими характеристиками, а также последовательно провести эту линию, исследуя этносы методами физической антропологии. При всей приверженности данной позиции сделать это Л.Н. Гумилеву не удастся, потому что дальше в той же книге он пишет, что этнос - это специфическая конструкция человеческого коллектива (обратим внимание на словосочетание "специфическая конструкция"), не идентичная ни расе, ни обществу в историческом процессе, сопрягающемся с социальными закономерностями. Л.Н. Гумилёв считает, что это зависит от многих причин, на пересечении которых образуются так называемые суперэтнические культуры.

Таким образом то, что раньше определялось как природный феномен, уже связывается с культурой. В этой связи возникает важный вопрос о критериях этнической принадлежности, мы будем иметь возможность убедиться, что и он вызывает серьезные дискуссии, поскольку множество авторов, затрагивающих данную проблематику, не сходятся во мнениях. Речь идет о том, что объективные признаки этнических общностей, прежде всего язык, обычаи, нормы и стандарты поведения, в первую очередь социального характера, связывающего множество индивидов в единое сообщество, а также материальная культура - не работают во всех случаях, они не являются универсальными, что создает немалые трудности. Отсюда Л.Н. Гумилев делает вывод, что главным и решающим критерием этнической принадлежности является внутреннее самоощущение и самооценка, то есть признание каждым индивидом, что "мы - такие-то, а все прочие - другие". Речь идет о том, что в современной литературе описывается и определяется при помощи термина "**идентичность**". Человек идентифицирует себя с некоторой группой, охватывающейся понятием "мы", которое соответствует "не они", отличные от "нас". Подобное самосознание отнесения себя к определенному этносу остается основным и главным критерием, при этом необходимо сделать важное уточнение, потому что согласно Л.Н. Гумилеву обнаруженная в сознании людей этническая принадлежность не есть продукт самого сознания. Л.Н. Гумилев пишет: "Очевидно, что самосознание человека отражает какую-то сторону человеческой природы, гораздо более глубокую и биологическую, внешнюю по отношению к сознанию и психике". То есть этническая принадлежность задана биологически и является врожденным свойством, которое присуще каждому в отдельности взятому человеку, она приобретает человеком от своих предков. Отметим, что сторонники данной трактовки сущности этнических

феноменов крайне негативно относятся к кросс этническим бракам, которые связывают между собой представителей различных этнических групп. Почему эта позиция вызывает возражения? Для ответа на этот вопрос необходимо начать с общей проблемы родовой принадлежности человека.

Существует очень распространенное убеждение, являющееся стереотипом массового сознания, присутствующего у людей самых разных культур, в соответствии с которым считается, что свойство быть человеком - это врожденное свойство. С точки зрения здравого смысла у являющихся людьми родителей рождается человеческое существо. Но вопреки мнимой очевидности дело обстоит совершенно не так, потому что человеку врождены не человеческие качества и свойство быть человеком, а только способность при определенных условиях развить в себе эти качества. Ранее мы говорили о том, что для того, чтобы стать человеком, каждый отдельно взятый ребенок должен пройти процесс социализации или окультурации. Если это условие не будет выполнено, то в итоге при нормальном биологическом развитии организма человеческие качества данное существо обрести не сможет, потому что способность к мышлению, к членораздельной речи, навыки и приемы социального поведения усваиваются человеком именно в процессе социализации. Коль скоро мы говорим о языке, о стандартах и стереотипах социального поведения, о способности человека действовать человеческим образом (орудийная манипуляция, коммуникация, основанная на языке и использовании разного рода символических знаковых структур), то отметим, что они тоже обретаются в процессе окультурации. Известны трагические случаи, когда дети в достаточно раннем возрасте по тем или иным причинам лишались человеческого общества, но выживали. Это часто происходило в стае животных, в 20-х годах прошлого века в Индии были найдены девочки, которые выросли в стае волков, что является странным совпадением со знаменитыми рассказами Р. Киплинга о Маугли. В отличие от персонажа книги девочки не были человеческими существами, они бегали на четвереньках и не знали языка. После обнаружения дети жили в вольере и очень тосковали, попав в непривычную среду, это выражалось в том, что они буквально выли по-волчьи. Младшую девочку после долгого периода пребывания среди людей с большим трудом удалось научить нескольким словам, которыми она выражала свои желания и намерения, а также начаткам прямохождения, но она при первой возможности стремилась опуститься на четвереньки. Эта история закончилась трагически - девочки погибли. В рассказах Р. Киплинга Маугли был человеком, несмотря на то, что он вырос и жил среди волков. Герой книги всегда сам подчеркивает это, также ему об этом все время напоминают волки, именно поэтому Маугли становится царем джунглей. Человеческие качества Р. Киплинг считает врожденными, но это - литературная фантазмагория.

Данная проблематика возникает на стыке физической и социальной антропологии, к ней подключаются и историки. В отличие от приверженцев концепции, которые считают, что народы - это "природные общности, сходные с популяциями и образующие этносферу, которая тесно связана с биосферой" (Л.Н. Гумилев), их оппоненты не разделяют мнение, что процессы этногенеза управляются биологическими и географическими закономерностями. С их точки зрения этносы

являют собой социокультурные или культурно-исторические общности. Об этом хорошо написано в короткой, но весьма насыщенной и интересной работе академика **Валерия Павловича Алексеева "Этногенез"**. Автор пишет: "Биологический характер этносов опровергается, а их историческая природа напротив - подчеркивается крайней неустойчивостью их биологической структуры и расового состава. На первых порах имеются четкие связи формирования этноса с ареалом обитания". Речь идет о том, что некие устойчивые черты этнической культуры формируются в теснейшем взаимодействии с природной средой, прежде всего трудовые навыки, которые та или иная этническая общность приобретает, развивает и передает от поколения к поколению. Данные навыки значительным образом обуславливаются природными климатическими и географическими особенностями. Известно, что есть этнические общности скотоводов или рыбаков, где соответствующие виды деятельности являются ведущим способом жизнеобеспечения. По мере развития орудийных навыков и техники, а также в процессе нарастающего разделения труда первоначально сильнейшая связь с климатическими и географическими условиями ослабевает, потому что люди приобретают все большую автономию.

Характеристики этнических общностей

Согласно общему исходному определению **человеческая деятельность является адаптивно адаптирующим процессом**. Здесь нет такой прямой адаптации, какая есть в популяциях животных. Люди, благодаря владению навыками орудийной деятельности и тому, что действуют организованными и сплоченными группами, не только приспосабливаются к среде обитания, но и весьма существенно изменяют её характеристики сообразно тому способу производства, тому способу существования, который составляет стержень их жизнедеятельности. Сейчас люди зашли в своем воздействии на экосистемы так далеко, что уже возникает угроза их необратимой трансформации, которая ставит под вопрос выживание человечества. На ранних этапах истории человека столь интенсивного воздействия и значительных изменений не было. Это очень весомое соображение необходимо принять во внимание, но самое важное, что необходимо подчеркнуть, это то, что **основообразующим основанием, формирующим этнические общности, является язык**, на котором осуществляется коммуникация членов группы. В старой русской традиции языка прежних времен народы назывались языками, то есть существовало понимание, что люди отличаются друг от друга именно речью. Хорошо известно наименование, которое часто служит этнонимом "немец или немцы" - это "немые люди", не знающие человеческого языка. Очень часто это служило основанием представления, что к человеческому роду относятся только те, кто похож на нас, а все остальные суть нечеловеки или недочеловеки. Это мотив, который впоследствии нашел свое сильнейшее выражение в нацистской идеологии.

Очень важной проблемой остается соотношение биологических и социокультурных факторов, которое формирует устойчивые человеческие общности. Специальные исследования показывают, что генетические родственники могут принадлежать к различным этническим группам. Приведем характерный пример:

существует очень редкая группа крови, эффектно именуемая "группа Диего", которую обнаружили у членов польской семьи, по культуре и социальной принадлежности принадлежащих польскому обществу. Для европейцев данная группа крови совершенно не характерна, являясь достаточно редкой сама по себе, она в основном встречается среди популяций Восточной Азии или Америки. С другой стороны, культурная общность не требует биологического родства, множество данных однозначно свидетельствует о том, что этническая принадлежность формируется в процессе окультурации, а её характеристики задаются той культурной средой, в которой проходит социализация человеческого индивида. Происхождение здесь решающей роли не играет, если мы имеем в виду именно биологическую генетическую составляющую. Наряду с языком, **признаками этнической принадлежности являются и стереотипы социального поведения** - нормы и правила, усвоенные в процессе социализации. Значительную роль играет такой важнейший компонент человеческой культуры, как ценностные приоритеты, усвоенные и существенным образом проявляющиеся в человеческом поведении. Всего этого достаточно для того, чтобы с полной определенностью признать **культуру** образующим фактором этнической общности. Нельзя не отметить, что в этногенезе на ранних этапах формирования человеческих коллективов могло наблюдаться большее совпадение антропологических и этнокультурных характеристик, нежели оно наблюдается в последующих фазах исторической эволюции. В человеческой истории нарастает фактор интенсивности общения, если обратиться к известным случаям существования неких коллективов в условиях сильной изоляции, когда люди живут труднодоступной местности и очень редко и мало контактируют с другими людьми, то в этом случае по понятным причинам внутри подобного коллектива (поскольку все являются братьями) этническая общность по своим характеристикам совпадает с популяций. То есть в данном случае биологическая и культурная общность - это разные характеристики одного и того же человеческого коллектива. Но это исключение, которое обусловлено описанными выше факторами.

Ещё один набор характеристик требует особого освещения, существует набор выражений, которые обобщают некие группы людей **по географическому признаку**: народы Европы, народы Африки, народы Кавказа. Необходимо четко понимать, что это является чисто пространственным объединением, если взять, например, такую группу, как народы Кавказа, то в ней могут быть и расовые различия, и этнокультурные. Далеко идущих выводов из подобных объединений делать нельзя, потому что на Кавказе живут представители очень разных антропологических, тем более культурных или языковых групп. Язык в данном случае является очень важной характеристикой. Очень большая роль, особенно при определенных политических ситуациях, предается такому обстоятельству, как чистота крови. Подлинными представителями некой этнической общности (подлинными поляками, немцами, русскими) являются только те люди, у которых несколько поколений предков являются представителями одной и той же этнической группы или носителями одной и той же культуры. Несмотря на то, что такие факты известны, это все-таки критерий всецело надуманный, поскольку решающим фактором является не генетика, а культура. Четыре поколения предков

являются людьми, которые жили в одной социокультурной среде. Известна масса случаев, когда носители одной культуры, попадая в условия интенсивного общения с носителями иной культуры, меняли свою этничность. Это очень важный фактор, потому что с точки зрения людей, которые разделяли убеждение о биологической природе этносов, смена этничности невозможна в принципе. Это фактор данный - некая сущность, которая существует вне зависимости от человеческих действий и присуща условиям и обстоятельствам жизни конкретных индивидов. Здесь, конечно, слишком просто акцентируется внимание на устойчивости культурной памяти. Человек действительно на долгое время или навсегда может сохранить черты той культуры, в которой он прошел социализацию, более того, в своем сознании он может считать себя выходцем из определенной культуры. Например, немец приезжает в Россию, где и происходит его русификация, он уже всецело интегрирован в русскую культуру, но и он, и его ближайшее окружение могут считать его представителем германского этноса. Это экзотические и случайные подробности, которые никак не могут служить аргументами для далеко идущих выводов. Такие переходы могут происходить не только с отдельно взятыми людьми, но и целыми группами. Известно, что этнические группы в процессе эволюции в зависимости от конкретных условий меняли свои культурные, а главным образом свои языковые характеристики. Вариации такого порядка достаточно хорошо осмыслены, одним из вариантов является ситуация, когда местное население осваивает язык пришельцев, особенно если они становятся социально и политически доминирующими группами. Произошло завоевание, в результате автохтонное население в процессе долгого взаимодействия и общения перенимает культуру завоевателя. Или обратная ситуация, когда пришельцы приобретают культурные черты населения той территории, куда они переселились.

Существует ещё один очень важный аспект, который связан с **социальной стратификацией и способом существования различных социальных групп**. Мы можем уверенно говорить, что существует некая этническая общность, которая обладает устойчивым этнонимом, но внутри себя она достаточно серьезно дифференцирована на определенные социальные слои. Это связано с образом жизни людей, наиболее характерным примером могут служить крестьяне, потому что их способ существования обуславливал значительную специфику культуры. Исследователи русского крестьянства в этой связи пишут следующее: "Русские крестьяне говорят на своих диалектах, следуют своим правилам, оценкам и стереотипам поведения, свои интересы очень резко отличают от интересов господ. На бар русские крестьяне смотрели как на чужаков, которым приходится платить оброк и поставлять рекрутов. Но с барамы у крестьян не может быть ничего общего". Это ситуация очень серьезной разобщенности внутри единой этнической общности, в том числе и культурной. Подчеркивая эти особенности, исследователи писали, что русский крестьянин был предан только своей деревне, его чувство патриотизма распространялось лишь на близлежащие территории. Крестьянское "мы" являлось доминирующим - это землячество, понятие "земляк", которые являлись очень обязывающим, поскольку появляется требование взаимной помощи и поддержки, то есть требование солидарности. Что касается более отдаленных социальных и

политических горизонтов, то русские крестьяне приобретали раздвигающие привычные рамки представления жизненного мира только в том случае, если попадали в армию. Некая часть крестьянской молодежи рекрутировалась в войска, меняла место жительства и образ жизни. Патриотизм или чувство этнической принадлежности выражались в декларациях царю-батюшке и в культивируемом отторжении всех инородцев.

Данные обстоятельства нельзя сбрасывать со счетов, учитывая, что весьма значимым является сравнение культуры и навыков социального поведения одних и тех же социальных групп, которые принадлежат к разным этническим сообществам. Французский историк **Жан Лебер**, рисуя картину Франции XIX века, воспроизводит многие характеристики, которые хорошо знакомы исследователям русского крестьянства: "Огромные просторы полей, населенные "дикарями", обитающими в хижинах и отгородившимися от остальных людей, грубыми и ненавидящими чужаков". Никакого естественного чувства общности, то есть того "мы", о котором так уверенно пишет Л.Н. Гумилев, в данном случае не наблюдается. Есть носители крестьянской культуры, которые в разных этнических общностях демонстрируют весьма впечатляющее сходство. То же самое можно сказать о поведении представителей высших социальных страт. Если обратиться к опыту Европы XVIII - XIX столетия, то достаточно хорошо известно, что аристократия была интернациональна в гораздо большей степени. Русское дворянство после периода правления Петра I очень активно использовало иностранные языки, которые становились основным языком сословной коммуникации. Первоначально это был немецкий язык, в конце XVIII - начале XIX века – французский. Кровное и родовитое русское дворянство, уходящее корнями во времена Гостомысла, то есть потомки исконных бояр и князей с хорошо выверенной родословной, с трудом говорили по-русски. С какого-то времени фамильные характеристики царствующей династии Романовых вследствие большого количества перекрестных браков и особенностей социализации были связаны со многими царствующими домами Европы. Когда разразилась Первая мировая война, то Россия попала в очень тяжелое положение, в этот период широко распространенным стереотипом массового сознания стало наименование Романовых по их ближайшим немецким родственникам - Гольштейн-Готторпы. Данный предрассудок придавал решающее значение семейному происхождению семьи царя.

В данных проблемах важно четко разбираться, потому что оппозиция "свой" - "чужой", "мы" - "они" в политико-идеологических целях очень часто используется злонамеренно. Когда в ситуации кризиса, возникновения сильной угрозы требуется поднять уровень солидарности, тогда эта задача решается через резкое противопоставление характеристик: "мы/свои" - это союзники, то есть те, на кого можно положиться; "они/чужие" - враги. Такого рода настроения иногда проявлялись самым трагическим образом, известно множество описанных в литературе случаев, когда во время военного конфликта представители враждебной общности подвергались репрессиям, избиениям и даже убийствам только на основании того, что они были представителями враждебного народа. Особым случаем является отношение к евреям, которых целенаправленно превращали в чужеродную и заведомо враждебную группу,

для чего использовались грубые искажения. В массовом сознании жителей России утверждался поведенческий стереотип, который не отвечал никаким историческим реалиям - стереотип о том, что евреи распяли Христа. Он был широко распространен среди народа страны и часто играл трагическую роль фактора, который обуславливал чудовищные эксцессы, например, кровавые еврейские погромы, в том числе произошедший в начале XX века печально известный погром в Кишиневе. За подобными несостоятельными убеждениями и предрассудками больших масс людей стоят кровь и грабежи. При известных обстоятельствах объявление неких людей внутренними врагами оказывается очень выгодным, потому что, играя на этом возможно добиться повышения уровня солидарности населения страны.

Социальные предпосылки и механизмы этногенеза

В этой связи возникают важные вопросы: как формируется этническая общность, что лежит в истоках этногенеза, общего языка, общих навыков и стереотипов поведения, общих ценностных установок и веры? Чтобы разобраться в этих непростых вопросах, необходимо выйти за рамки этнической истории. Для того, чтобы сформировалась какая-то этническая общность, возникли общие черты культуры и поведения людей, должны быть социальные предпосылки. Для выработки вышеназванных общих черт люди должны быть тесно связаны и жить сообща. **Социальными предпосылками формирования этнической общности является не просто факт общего происхождения, на котором делают акцент некоторые исследователи, и не только факт компактного проживания, а главным образом - фактор совместной деятельности, совместного производства.** Должен сформироваться коллектив с очень сильными внутренними зависимостями по разделению труда, по совместному участию в производстве жизнеобеспечивающего продукта. На этой основе с неизбежностью возникает культурная и языковая общность, потому что людям необходима перманентно возобновляемая коммуникация, понимание друг друга. Необходимо, чтобы у членов одного и того же коллектива выстраивалась общая система ожиданий или общая система экспектаций, чтобы они могли представлять, что можно ожидать от людей, входящих в ближайшее окружение и теснейшим образом связанных между собой. Отсюда и **значимость религии**, потому что единоверцы - это люди, которые, как правило, пользуются доверием, на них автоматически распространяется представление о связанности общей верой, ценностями и требованиями, а также понимание долга. Если брать самосознание русских людей, то этноним "мы - русские" очень часто до неразличимости сливался с определением религиозной принадлежности - "православные, христиане".

Особую роль культурная интеграция людей приобретала тогда, когда в обществе развивалась **стратификация**. В силу уже названных причин в обществе возникало серьезное имущественное и культурное расслоение. Когда мы рассматривали пример с русскими крестьянами, то отмечали, что исследователем было подчеркнута резкое отличие представителей этой страты, возникшее благодаря образу их существования, не только от аристократии, дворян и помещиков, но и от городского мещанства, рабочих и тех, кто занимался торговлей. Эти отличия были отличиями в рамках некой

общности, но их дифференциация иногда доходила до крайних пределов. Важно принять во внимание то важнейшее обстоятельство, что расслоение общества на страты или возникновение классовой дифференциации вызвало серьезные проблемы, потому что **классы - это группы с разнонаправленными интересами**. То есть возникало множество групп с конфликтными интересами, тем самым целостность общества и его готовность функционировать в качестве единой системы испытывали очень серьезное напряжение и ставились под угрозу. Колоссальную роль при этом приобретала культурная интеграция. Все эти явления повлекли за собой возникновение концепции, которая получила наименование **"конструктивизм"**. В резком противоречии биолого-антропологической трактовки этносов и даже в противоречии со сторонниками социокультурных предпосылок возникновения этнических общностей конструктивисты в самых крайних формах выражения своей идеи считали, что этносы являются всецело искусственными образованиями. Сейчас эта концепция и направление исследований количественно преобладает, существует множество публикаций, разрабатывающих именно эту версию объяснения феноменов этнической области.

Кто же является конструкторами, создающими этнические общности? В этом процессе главным ответственным является государство, потому что именно оно более всего заинтересовано в формировании единства, в обеспечении культурной интеграции людей, в объединении их общим самосознанием "мы". Начиная примерно с XV века, государство достаточно очевидным образом предпринимает в этом плане весьма серьезные целенаправленные усилия, то есть формирует идеологию принадлежности множества людей к какому-то политическому целому (к государству), принадлежности в качестве его работников и тех, кто ему служит. Все это является результатом усилий самых первых шагов социализации, едва ли не основным инструментом решения задач и средством достижения целей является школа. Очень известная работа **Бенедикта Андерсона** имеет характерное название **"Воображаемое сообщество"**, в ней основной пафос объяснений заключается в том, что общность существует не объективно, а только в воображении людей, входящих в некие культурные объединения, а главным образом в головах тех, кто исследует этот интереснейший феномен. Дело дошло до того, что одна из последних публикаций **Роджера Брубейкера** носит замечательное в своей завершенности название **"Этничность без групп"**. Если привычные мыслительные ходы представляли этничность каким-то свойством людей и некоего объединения, то теперь речь идет только о неких внешних признаках, оторванных от какой-то бы то ни было человеческой воплощенности, которые исследуются как самостоятельные сущности. Это связано с тем, что очень трудно найти действительно универсальные характеристики, которые были бы равным образом присущи всем группам, изучаемым в качестве общностей. В таком случае решающее значение придается самосознанию людей, по этому поводу в получивший очень громкий резонанс знаменитой книге **"Масса и власть"** пишет очень интересный автор **Элиас Канетти**. Раздел книги, посвященный рассматриваемой проблематике, называется **"Массовые символы нации"**. Прочитав Э. Канетти: "Ученые стараются найти определение национального как такового, перечисляют признаки, дело якобы в том,

чтобы найти правильное определение. В качестве основы берут язык, или территорию, или литературу, или историю, или способ правления, или так называемое национальное чувство. Но оказывается, что все эти признаки не образуют некое устойчивое единство, одинаковым образом проявляемое во всех случаях. Исключения оказываются важнее, чем правила, поэтому объективные характеристики никакого значения не имеют. Решающее значение приписывается самоидентификации".

Важно отметить, что допущения Э. Конетти необходимо воспринимать с некой долей критичности и с определенной дистанции. Рассуждая о отмеченных проблемах, австрийский и британский социальный мыслитель отмечает, что **реальной значимостью обладает самоидентификация**. При этом Э. Конетти подчеркивает, что в её ядре лежит интерес только к своей собственной нации, людям нет дела до всех прочих. Речь идет о так называемой неколебимой убежденности в собственном превосходстве, в профетических видениях собственного величия, в своеобразной смеси претензий как морального, так и биологического характера. Это сводится к очень простому определению: мы выше, чем все остальные, мы лучше других и заведомо обладаем превосходством, поэтому можем претендовать на большее и лучшее, чем прочие. Понятно, что подобная позиция не может не вызывать напряжений, это - исток межэтнических конфликтов, потому что если подобного рода установки и убеждения характерны для какой-то одной группы, то другая будет воспринимать это как угрозу для себя. То специфическое национальное, что определяет нацию как таковую, по мнению Э. Конетти проявляется исключительно в войне. Это очень опасное убеждение легко находит исторические иллюстрации, такого рода представления, что хорошо известно по трагической истории XX века, служат для идеологического обоснования агрессии и неких притязаний, которые зиждутся на убеждении в собственном превосходстве и силе. На прошлой лекции речь шла о мотивах самоутверждения нации, об укреплении её духа, о чем с охотой писал **Освальд Шпенглер**. Мощь нации, её стремление к самоутверждению и самоопределению наиболее откровенным и ясным образом проявляется в войне.

Важно отметить, что **естественным завершением этногенеза**, развития нации и наиболее полным воплощением национального духа очень мощная **философская традиция считала государство**. С этого рода убеждениями коррелирует концепция политического, которой крупный немецкий юрист середины XX века **Карл Шмидт** дает следующее определение: "**Политическое - это отношение друга и врага**". То есть К. Шмидт постулирует, что политическая консолидация людей одной крови и одного общего духа - это консолидация, которая прежде всего и главным образом осуществляется во имя противодействия внешним угрозам, то есть врагам, которые всегда угрожают, поэтому всегда необходимо быть наготове, чтобы защищаться и дать отпор. Или напротив - утвердить себя, свою силу, величие народа в военной агрессии. Это тоже считается едва ли не врожденными качествами, во всяком случае, таковой считается та мистическая общность духа, о которой так любят писать философы, подобные Освальду Шпенглеру, которых в истории философской мысли довольно много, в особенности в XX столетии. Все это в конечном счете сводится к тому, что главным способом существования нации и главным средством её утверждения является

война и военные победы. Это происходит в печальном забвении хорошо известного правила, согласно которому всякое действие вызывает противодействие. На притязаниях германского духа в свое время эффективно сыграл Гитлер и идеологи его партии, эти притязания в итоге кончились для Германии катастрофой - тяжелейшим поражением, огромными потерями во всех измерениях. Разворот в сторону военно-политической консолидации необходимо оценивать именно с этой точки зрения. Если где-то насаждается образ врага там, где это совсем необязательно, но такого рода конструкции выстраиваются и навязываются общественному сознанию, то это определенно делается со злонамеренными целями и для того, чтобы решить некие внутренние проблемы, снять накопившееся общественное неудовольствие и перевести агрессию вовне, направив её не на действительных виновников тяжелой ситуации, которая вызывает общественное недовольство. Канализация агрессии вовне является самым легким способом, который по большей части имеет печальные последствия, поэтому необходимо понимать, что военная угроза - это не пустая выдумка, очень часто она реально существует и требует соответствующего ответа. Если вспомнить лексикон Арнольда Тойнби, то объединенный в государство народ должен иметь ввиду эту возможность и проводить соответствующую политику для того, чтобы избежать ситуации внешней агрессии или противостоять ей. Здесь стоит помнить важное правило: существует понятие "гипернасыщение функцией", когда деятельность, направленная к достижению определенного желанного результата, переходит некие количественные параметры и приводит к обратному результату.

Истоком и агрегирующим моментом формирования этнической общности является потребность в организации, то есть в совместном целенаправленном действии, которое позволяет устойчиво воспроизводить существование коллектива, а также каждого отдельно взятого его члена. Необходимо помнить, что важнейшим условием существования человека и отдельных групп людей является способность к адаптации к внешней среде. По словам **Эллиаса Маркаряна**, очень крупного авторитета в исследовании проблематики **адаптация - это способность системы для самосохранения по принципу обратной связи приводить себя в соответствие со средой в условиях непрерывной динамики среды**, то есть в условиях тех изменений, которые идут в ней спонтанно и благодаря собственным усилиям человека. Это важно отметить, потому что здесь в качестве главного объекта нашего исследовательского интереса выступает факт культурной изменчивости, ибо изменения, происходящие во внешней среде, при сохранении постоянно действующего требования адаптации требуют изменения способов поведения и существования людей. В случае человеческих обществ происходят не только внешние, но и внутренние изменения, которые связаны с развитием технологий и способов производства, с изменением конфигурации социальных отношений и их состава, возникновением новых профессиональных и социальных групп, возникновением новых констелляций интересов. Все это требует изменения способов существования, то есть изменений в культуре, поэтому попытки одностороннее обращать внимание исключительно на сохранение неких культурных навыков или ценностей, которые консолидируют множество людей, интегрируя их в единое сообщество, неэффективно. Потому что

здесь, как и во всех прочих случаях, работает фундаментальное правило - **история есть изменение**. То, что было весьма эффективным способом обеспечения существования предков, перестает таковым быть в силу изменений, произошедших в условиях существования, в самой организации и способах деятельности общества. Тогда по мере нарастания интенсивности изменений перед каждой культурой встает вопрос о внутренних трансформациях, то есть о тех изменениях, которые можно назвать культурными мутациями.

Лекция 12. Историософия XX столетия

Глобальные проблемы современности

Тема данной лекции будет большой и сложной, можно сказать, что это - философская истина. Мы будем рассматривать глобальные проблемы современности - историософию XX столетия. Необходимо отметить, что простым перечислением данных проблем ограничиться нельзя, некое представление о них есть практически у каждого, потому что это очень серьезные проблемы:

- **проблемы экологии**, которые накопились в природной среде - это проблемы дисбалансов и кризисов, связанных с активным вмешательством в неё человека, включая проблемы загрязнения среды, качества воды и воздуха;
- **гонка вооружений** является очень серьезной проблемой, потому что трудно отрицать, что мы находимся в очень неустойчивом состоянии, сама насыщенность оружием массового поражения и необходимость постоянно следить за возможными противниками создают очень серьезные угрозы и влекут серьезное напряжение.

В анализе этих проблем необходимо идти от самых истоков, поскольку мы пытаемся рассмотреть их с позиций философии, то необходимо начать с традиционных, классических и неизбежных в этом контексте вопросов: **что есть мир и что есть человек?** Хорошо известно, что на протяжении своей истории однозначных ответов на эти вопросы философия не дала, а разногласия и достаточно далеко идущие противоречия в понимании того, что такое мир и современное человечество - это вещи хорошо известные. Ещё на рубеже XIX - XX веков очень крупный немецкий философ **Макс Шелер**, осмысляя основные антропологические концепции, представленные в истории мысли, выделил несколько основополагающих:

- **идеи, восходящие к иудео-христианской традиции** - это понимание человека и мира как сотворенных созданий, концепция рая, концепция грехопадения человека и наследственной греховности человечества.
- **идеи, связанные с античной греческой философией** - это круг представлений, в котором человек впервые достигает осознания своего особого положения по сравнению с миром природы. Эта особенность обусловлена тем, что человек является носителем разума, логоса, рацио. Логос здесь означает способность осмысливать "что" всех вещей - что они собой представляют и каково их качество. Это восходит к философии Аристотеля. С пониманием человека, его представлением как о единственном носителе разума во всей Вселенной связана и уверенность в том, что Вселенная покоится на сверхчеловеческом разуме. В греческой традиции это – Нус, а человек как носитель уже своего собственного человеческого разума каким-то образом оказывается к нему сопричастным.

Необходимо отметить, что уже в Новейшее время, в XIX столетии идущая от греков традиция получила наиболее ясное и полное выражение в "**Истории**" Гегеля.

Во введении к своему сочинению Гегель пишет: "Единственной мыслью, которую привносит с собой философия, является та простая мысль, что разум господствует в мире, так что, следовательно, и всемирно-исторический процесс совершался разумно". На этом убеждении была построена вся философско-историческая концепция Гегеля, данное представление долгое время, если не господствовало, то явно преобладало в европейской философской мысли. Существовали и всякого рода вариации, но лейтмотив был именно таким - **мир устроен разумно, он движим разумом, соответственно, история человечества - это тоже процесс разумный и направленный к известной цели.**

В конце XIX - начале XX века более-менее устойчивое состояние человеческого общества претерпело очень серьезные потрясения, прежде всего речь идет об обществе европейском, даже преимущественно о западноевропейском. Войны и революции поставили под сомнение неколебимую прежде убежденность в разумном устройстве общества и разумном ходе истории, поэтому появились совершенно новые концепции. Макс Шелер, сравнивая историю человечества с эволюцией органических видов, отмечает, что если в органической эволюции периодически возникают ситуации, когда отдельные виды являют собой тупики развития, то "человек - тупик не развития, а жизни вообще, которая, изобретя дух, стала болезнью". Другой очень выразительной формулировкой такой мысли стало следующее афористическое высказывание: "Человек - это вид хищной обезьяны, впавшей в манию величия из-за своего так называемого духа". То есть разум, который считался главным признаком и основанием возвышения человека, теперь трактуется прямо противоположным образом, он рассматривается не как источник всяческого блага, а наоборот - как весьма серьезная угроза. Жизнь, изобретя дух, стала болезнью - такое восприятие было реакцией на те потрясения, которые были упомянуты выше. Поэтому, осмысляя все вариации понимания человека в истории мысли, вариации человеческого самосознания, **Макс Шелер** достаточно ясно и четко формулирует центральную проблему философской антропологии и пишет в своей очень известной работе "**Человек и история**": "Поставим вопрос в форме жесткой антитезы: означают ли все эти версии самосознания, реализуют ли они процесс, в котором человек все глубже и вернее понимает свое объективное место и положение в целостности бытия или они означают нарастание и усиление опасного самообмана - симптомы усиливающейся болезни?". Так или иначе было необходимо реагировать на эти вопросы, искать какой-то опыт, создавать ответы, которые позволили бы, по крайней мере, преодолеть крайний пессимизм формулировок М. Шелера в представлении о том, что дух - это проявление некой патологии. В частности, его младший современник, немецкий философ **Николай Гартман** разрабатывает концепцию с очень интересным названием "**Концепция ответственности атеизма**", он пишет: "Дело идет о том, что богу нельзя быть, если человек хочет быть свободным и взять на себя всю ответственность за творение". В противовес тезису о тупике развития здесь формулируется требование зрелого сознания, которое хочет "и самую волю понимать, как максимум ответственности и долга". Такова была в этот период доминирующая установка в понимании человека и ответ на вопрос о том, какова человеческая природа.

С учетом вышеизложенного становится достаточно ясно, что до того, как попытаться осмыслить, какие проблемы стоят перед человечеством XXI столетия и каковы возможные пути их решения, необходимо определиться с ответом на классический вопрос: **что же такое человек?** Той новацией, которая привносится второй половиной XX и XXI столетием, становится необходимость учесть в решении проблем философской антропологии, отвечая на вопрос о сущности человека, все те новые знания о космосе, о физических законах, о законах органической эволюции, которые были наработаны за последние десятилетия. Кратко наметим **отправные положения концепции человека**, которая удовлетворяет требованию соответствия тем знаниям, которые были наработаны в различных науках, в том числе в науках о человеке и обществе. Некогда античный мудрец **Протагор** сформулировал предельно четко и непреложно: **"Человек - мера всех вещей"**. Данная, на первый взгляд неоспоримая максима стала краеугольным камнем аргументации всех приверженцев субъективистской трактовки человеческого познания, его возможностей и положенных ему пределов. Однако, признавая, что изречение греческого мыслителя невозможно оспорить, ибо любое знание, создаваемое или получаемое людьми, вне всякого сомнения, есть знание человеческое, всё же необходимо принять во внимание одно очень важное соображение - **человек был создан, а точнее развивался по мере вещей**. Это утверждение так же совершенно неоспоримо, поскольку жизнь людей, как и всех других представителей органического мира, возможна лишь при условии приспособления к условиям среды обитания. Это, как мы ещё не раз будем иметь возможность убедиться, является неперенным условием. Наконец, необходимо подчеркнуть, что картина мира, которую выстраивает философия (а это основная задача философского знания), строится на различных исходных основаниях, на различной аксиоматике:

- **аксиоматика материалистической философии**, согласно которой мир являет собой движущуюся материю;
- **альтернативная аксиоматика объективного идеализма** утверждает, что наряду с чувственно воспринимаемым миром, миром событий, которые даны человеку в чувственном опыте и подлежат интеллектуальному осмыслению, то есть материальным и вещественным миром - существует мир нематериальный, который являет собой движение духа. Это мир, где царит духовная субстанция, мир, в котором не действуют законы и правила мира материальных событий.

Фундаментальное положение материалистической философии хорошо известно, оно восходит к Древней Греции. Это знаменитейшая максима **Гераклита: "Всё течет"**. Мир, с точки зрения материалистической философии - это континуум вещественно-энергетических взаимодействий, исходы которых имеют законосообразный характер. Это обстоятельство очень важно подчеркнуть: **мир изменяется, эти изменения законообразны**. Динамизирующим фактором причины всех изменений материалистическая философия считает взаимодействие структурных единиц материи, следствием - законосообразный обмен происходящих в них изменений. Следует подчеркнуть, что этот принцип является универсальным, он не знает исключений, с

точки зрения материалистической философии, а точнее материалистического монизма беспричинных изменений не бывает. В данном случае речь идет о том, что все дальнейшие рассуждения, принимая это положение как исходное и основополагающее, не должны выходить за рамки данного постулата, а должны руководствоваться изложенными выше принципами. Соответственно, происхождение человечества связано не с актом однократного творения некой высшей и нематериальной силой - богом, человек рассматривается как продукт эволюции наблюдаемой Вселенной или той её части, которая локализована на нашей планете. Происходящие в ней изменения, как полагает современная наука, в конечном счете привели к возникновению некоторых специфических многомолекулярных органических структур - белковых молекул, которые приобретают способность к самоподдержанию, к некой устойчивости в воспроизводстве своей структурной композиции и организации. Эта способность приобретается благодаря механизму избирательной реакции на внешние воздействия. Так возникает эффект информационной направленности или целенаправленного управления поведением. К этому классу процессов мы относим все известные нам процессы органической жизни от одноклеточных организмов до сложнейших форм современной органики, а также деятельность *homo sapiens*.

Информационно направленные процессы человеческой деятельности

Отметим очень важную характеристику: все такого рода процессы отличаются специфическим характером и направленностью изменения энергии. Данные процессы современная биофизика именуется **негэнтропийными** - это процессы с обратной энтропией. Биофизики иногда используют достаточно образное выражение, говоря, что таким образом происходит откачка энтропии во внешнюю среду, то есть внутренняя организация некой живой структуры, какого-то организма поддерживается в процессе взаимодействия с внешней по отношению к нему средой за счет извлечения энергии, тем самым происходит нарастание энтропии во вне, в среде обитания. Подчеркнем следующее важное соображение: этот принцип является непреложным - никакие процессы органической жизни или деятельности людей не могут его нарушить. Это именно то, что лежит в истоках законосообразности данных процессов. Важнейшим условием поддержания в некотором устойчивом и воспроизводимом состоянии как органической жизни, так и деятельности человека является адаптация к условиям среды обитания, приспособление. **Приспособляемость - это важнейшая черта информационно направленных процессов органической жизни и человеческой деятельности.** При этом человек разумный в рамках общего требования, в ходе длительной предшествующей эволюции его животных предков в итоге выходит за рамки чисто органической жизни и радикально меняет способ существования. Теперь его жизнедеятельность характеризуется триединством - орудийная деятельность, разумно направленная и общественно организованная. Это три важнейших признака, отличительные черты, которые присущи всякой человеческой деятельности, независимо от эпохи или региона, в которых она обнаруживается. **Важнейшим отличительным признаком также является возникновение и использование особого типа информации - надбиологической или сверхорганической.** Она создается человеком, но хранится не только в структурах его органической памяти, не

только в структурах организма, но и в форме внешних по отношению к организму знаковых комплексах - языке и носителях информации. Это знаковые структуры, взятые со стороны своего субстрата, и это предметы, которые выступают в качестве знаков - носителей смыслов и значений.

Для обозначения важных новаций, которые претерпели информационные программы человеческой деятельности, используется понятие "культура". Её самое простое определение формулируется следующим образом: культура определяется как особый специфический способ человеческой деятельности. Если дать более подробное описание, то **культура являет собой системную совокупность информационных программ, направляющих конкретные человеческие действия**, направляющих поведенческие акты людей. Интегрированное множество таких актов человеческих действий предстает как длящийся во времени процесс возобновляемой человеческой деятельности, то есть той самой истории человечества. Обратим внимание на то, что, определяя таким образом фундаментальные характеристики истории, мы признаем, что в истории сопричастно некое разумное начало, потому что все человеческие действия - это действия разумно направленные. Вместе с тем, таким образом мы избавляемся от соблазна рассматривать устойчивый характер человеческой истории, саму её способность к самовоспроизводству как следствие движения к некоторой предзаданной цели. Целевая причина - идея, восходящая к античной философской мысли, которую разделял, в частности, Аристотель, в данном случае становится избыточной, теряет свою творческую силу и объяснительный потенциал.

Благодаря орудийной вооруженности и особому информационному обеспечению деятельность людей становится не просто адаптивной (в этом смысле она отличается от поведения любых живых организмов), а приобретает адаптивно адаптирующий характер, но это не отменяет главного и решающего общего требования - все-таки поведение людей и общее течение процессов деятельности должны тем или иным образом соответствовать параметрам среды. В этой связи необходимо ещё раз повторить сложнейший принцип теории органической эволюции, который был сформулирован её создателем **Чарльзом Дарвином: выживают и воспроизводятся только приспособленные организмы, отбор идет как раз на способность к адаптации**, которая является важнейшим фактором. Именно ему и органическая жизнь, и человеческая деятельность обязаны своей устойчивостью. С этой точки зрения (если мы будем рассматривать деятельность людей в самом общем плане с позиций выявления её наиболее общих и характерных черт и особенностей) необходимо отметить, что в этом непрерывно возобновляемом потоке деятельности всегда соприкасаются два момента:

- **планомерность** - когда мы говорим о планомерности, то имеем в виду, что имеет место совпадение плана или информационной программы, которая инициирует и направляет человеческие усилия и полученные результаты. Планомерность, как правило, является характеристикой связи действий и результатов близких по времени, когда человек достаточно уверенно

просчитывает характеристики осуществляемых им преобразований и действительно получает желаемый результат.

- **стихийность** - подчеркивает, что получившийся в итоге результат отличается от программы, хотя деятельность была осуществлена, то есть поставленная цель оказалась недостигнутой. Стихийный характер - это характеристика более отдаленных во времени результатов, что также связано с интеграцией, с объединением огромной массы разнонаправленных усилий различных человеческих групп и организованных сообществ.

Необходимо подчеркнуть, что стихийное и планомерное в деятельности всегда соприкасаются, не бывает деятельности, в которой какой-то один компонент исчезал бы полностью. Меняться может только их соотношение, то есть в различные периоды времени в отношении разных составляющих комплексного процесса деятельности может преобладать либо одна, либо другая характеристика. Благодаря накоплению достоверных знаний компонента планомерного, конечно, нарастает, но не приходится сомневаться, что **весь процесс человеческой деятельности в целом носит именно стихийный характер**. Это означает, что жизнедеятельность человечества, его история никем никогда не планировалась, не планируется сегодня и не управляется из одного центра, её **интегральный результат формируется как результирующая многих разнонаправленных усилий, осуществляемых в той или иной мере организованными человеческими сообществами**.

Еще одной важной характеристикой, которую необходимо принять во внимание при исследовании данных процессов, является **затратность**. Очень многие конкретные характеристики человеческого существования существенным образом зависят от располагаемых ресурсов, прежде всего, от располагаемой энергии. Если посмотреть под этим углом зрения на человеческую историю, то нетрудно увидеть, что эволюция совершается в направлении получения всё больших количеств энергии с использованием все более разнообразных её источников. Если первоначально в распоряжении людей на первых этапах человеческой истории, которые могли длиться столетиями, была только их собственная мускульная энергия, то далее к ней присоединилась энергия, получаемая от одомашненных животных. В конечном счете добавилась энергия различных природных источников, преобразованная посредством механических приспособлений тем или иным способом. Прежде всего это была энергия падающей воды, данный способ извлечения был открыт и используется людьми очень давно, далее была открыта энергия пара и электричества. **Энерговооруженность человеческой деятельности** - очень важный параметр, который позволяет уяснить, какие возможности есть у людей в каждый период их существования. Это энергетический ресурс и его как бы обратная сторона - то, каким образом он расходуется, здесь вполне уместен хорошо известный показатель - коэффициент полезной деятельности (КПД). Один и тот же объем энергии можно использовать с разной отдачей и эффективностью, это тоже достаточно существенно меняет характеристики человеческого существования. Достаточно давно было осмыслено, что здесь существует прямая зависимость - **КПД человеческих усилий напрямую**

зависит от располагаемой достоверной информации. Если люди на основании опыта и проверяемых информационных моделей достоверно знают характеристики среды, с которой они взаимодействуют, то КПД возрастает. Отсюда очевидно следует высочайшая ценность достоверного знания, чем в конечном счете и объясняется возникновение такой специализированной формы человеческой деятельности, как наука, которая возникает, развивается и изменяется в своих основных содержаниях именно благодаря тому, что высшей ценностью является достоверное знание.

С этой точки зрения, вопреки очень многим спекуляциям на эту тему, **категория истины** не утратила своего значения, более того, в этом отношении она стала цениться ещё больше. Если люди располагают достоверной информацией, то будут вырабатывать некие, заведомо реализуемые цели, пытаясь достичь чего-то невозможного. Существует интересный исторический пример: на рубеже XII - XIII веков на территории современной Мьянмы в Юго-Восточной Азии существовало королевство, верховный правитель которого в какой-то момент проникся убеждением, что он может достичь бессмертия, если построит множество храмов во славу Будды. Поскольку он располагал весьма серьезными властными ресурсами, то мобилизовал на решение этой задачи практически все население своего королевства. На огромной территории люди начали строить множество храмов и пагод, возводить гигантские статуи Будды. Сегодня эта территория является туристическим раем, который описан множеством туристических путеводителей, но если мы обратимся к итогам усилий по его созданию, то для жителей королевства, которые были вынуждены воплощать все запасы сырья и энергию, весь свой труд во все новых и новых храмах, все закончилось достаточно плачевно. Используя таким образом все располагаемые ресурсы, королевство понемногу начало приходить в упадок, в итоге оно стало легкой добычей более успешных соседей (речь идет о монгольских завоеваниях этого периода). Египетские фараоны возводили сооружения, руководствуясь теми же самыми представлениями. Поскольку фараону должна быть обеспечена загробная жизнь, то возводились сложные сооружения, предназначенные только для того, чтобы захоронить одну или несколько мумий. При этом затрачивались ресурсы: энергия и человеческий труд, воплощенный в масштабных памятниках. В условиях достаточно ограниченных технологических возможностей другие потребности сообщества удовлетворяются в очень скромных масштабах. Если происходит перерасход ресурсов, то его совершенно непреднамеренным итогом является упадок. Отсюда вытекает очевидный вывод: если деятельность людей направляется недостоверной информацией, если люди руководствуются какими-то фантастическими представлениями и пытаются достичь фантастических целей, то результат всегда будет одним и тем же - интегральный КПД подобных усилий будет чрезвычайно низок, если оценивать с точки зрения решения главной задачи - самоподдержания устойчивого обеспечения воспроизводства данного конкретного сообщества. Поэтому деятельность человека всегда целесообразна, люди всегда преследуют некие цели - это основной направляющий мотив их усилий. Эти цели могут быть условно, но весьма точно разделены на два больших класса: цели реальные, достижимые и цели фантастические. Стоит отметить, что бывают ситуации, когда поставлена вполне реальная цель, но она

не может быть реализована по причине наличия сильнейшего противодействия со стороны другого человека или организованного сообщества. В данном случае достоверность располагаемой информации тоже играет очень большую роль, отсюда и чрезвычайно высокая ценность деятельности разведки, которая призвана давать достоверную информацию о возможных противодействиях со стороны внешнего окружения. Если мы отметим то обстоятельство, что общество тем эффективнее решает свои задачи, чем более высоко оно организовано (организация общества очень серьезно зависит от целого комплекса условий), то в этом плане все информационные программы, которые направляют человеческие усилия, возможно разделить на две категории:

1. **Технологические в широком смысле слова информационные программы**, которые непосредственно обеспечивают возможность адаптации человека к среде, возможность неких манипуляций с предметными комплексами, превращающими их в орудия или средства обеспечения, что обуславливает существование устойчивых человеческих коллективов. Если определять культуру как способ человеческой деятельности, то культура в своем основном содержании - нечто технологическое.
2. **Программы социального поведения**. Если использовать термин Макса Вебера, то такое поведение называется "общество-ориентированным". Данные программы позволяют организовать совместные действия людей, их взаимодействия, в них чрезвычайно значимы нормативные установки. Это некоторые требования, которые обращены к человеку, которому требуется выполнять их для того, чтобы организованное взаимодействие коллектива вообще могло осуществиться. Нормативные регламенты опираются и теснейшим образом связаны с устоявшимися в культуре данного сообщества ценностно-смысловыми конвенциями. В этом случае понятно, каким образом достаточно отвлеченные и абстрактные представления, например, общее понимание мироустройства сказываются на решении практических повседневных задач: люди свои действия, в том числе социальное, общество-ориентированное поведение соотносят (не всегда осознавая это в полном объеме или вообще хотя бы как-то осознавая) со своими представлениями о мироустройстве и о том, какие требования к ним предъявляются. Существует широко распространенное в философии убеждение, что такого рода ценностно-смысловые конвенции и связанные с ними нормативные регламенты человеческого поведения возникают только на основании некоего разумного осмысления, благодаря достигаемым между людьми соглашениям, что они являются результатом свободного творчества человеческого разума. Но это не соответствует действительности, такие конвенции нельзя рассматривать как продукт случайного произвола или абсолютно свободной договоренности людей, которые следуют своим предпочтениям. Неважно, какие это предпочтения: ранее сформировавшиеся, наследуемые по традиции, или вновь возникшие, принятые при неких конкретных специфических обстоятельствах, поскольку главной характеристикой человеческой деятельности все-таки

является адаптивность, то мы говорим о том, что люди должны адаптироваться к социальным условиям, к среде уже социальной, а не природной. Это требование имеет точно такую же силу, следовательно, ценностно-нормативные регламенты не могут иметь чисто произвольный характер.

Существует характеристика, которая является не очень четко определяемой - это **критерий адаптивной ценности нормативных установок**. Любая человеческая культура любого человеческого сообщества может быть исследована и охарактеризована с этой позиции, то есть - какова адаптивная ценность этой культуры, взятой в её целом или каких-то отдельных её составляющих, которые обуславливают характер и специфику человеческих действий и в конечном счете влияют на результаты деятельности, потому что коэффициент адаптивности - это другое выражение того, что выше было определено как коэффициент полезной деятельности. Главная цель и задача - это обеспечивать объединенным в сообщества индивидам возможность устойчивого самоподдержания, возможность при наличных условиях осуществлять организованное взаимодействие. В данном случае необходимо принять во внимание следующее важное обстоятельство: любое человеческое сообщество так или иначе вынуждено решать задачу объединения обособленных автономных индивидов в нечто единое. Эта задача является важнейшим предназначением культуры, её решение чрезвычайно осложняется при возникновении внутренних разногласий и конфликтов интересов. Здесь очень важно понимать, что такого рода конфликты интересов уже не являются следствием человеческого индивидуального произвола. Личные конфликты отдельных индивидов могут возникать в любом сообществе, но мы достаточно четко представляем, что первобытное общество вследствие низкого уровня орудийной, энергетической и информационной вооруженности может выжить только при условии неперемного преобладания солидарности. Конфликты там могут существовать только как случайные, спорадически возникающие, а когда общество дифференцируется, когда оно стратифицируется, и в нем возникает иерархия, отношения господства и подчинения, то интересы социальных групп, занимающих разное положение в системе социальных связей, приобретают конфликтный характер. Тогда возникает одно из самых серьезных противоречий: с одной стороны, необходимо поддерживать целостность общества, обеспечивать некое единство во взаимодействии людей, с другой стороны - существует конфликт интересов, их разная направленность, которая связана не с личным произволом - это конфликты устойчиво воспроизводимые и не могут быть прекращены усилием человеческой воли.

Основания для решения глобальных проблем человечества

Что же тогда остается на долю самого человека, может ли он каким-то образом разумно разрешить подобного рода ситуации? При определенных обстоятельствах может, этими обстоятельствами является понимание того, что необходимы некое согласие и компромисс. При совершенно неоспоримых различиях в образе жизни, в уровне потребления все члены сообщества (за очень редким исключением, что мы рассмотрим особо) заинтересованы в поддержании целостности общества. Мы рассматривали данный аспект, когда говорили о теории классовой борьбы,

разработанной в марксистской концепции. Общая заинтересованность - вещь вполне объективная, она открывает возможность для поддержания какой-то устойчивости и интегрированности взаимодействия, интегрированности усилий. Непосредственно ближайшим образом эта задача решается при помощи культуры, которая создает, в частности, образ некоторого "мы" - некоторого единства, общности, которые присущи всем членам данного сообщества. К сожалению, бывают другие ситуации, когда конфликт внутри сообщества настолько нарастает, а противоречия настолько обостряются, что компромисс становится невозможным. Такое общество ждет печальная участь - оно с неизбежностью распадается, потому что организация поддержания целостности, устойчивость во взаимодействии - это непереносимое условие жизни человеческого сообщества.

Очень многое зависит и от привходящих обстоятельств, которые складываются по ходу истории данного конкретного сообщества. Одно из самых важных требований для обеспечения целостности общества - это **требование эффективности и адекватности элиты**. Можно сказать, что она должна сохранять какую-то дееспособность, а её деятельность иметь некий эффект. Задачей правящего класса является именно целенаправленное поддержание целостности и устойчивости общества, обеспечение его внутреннего единства и внешней безопасности, противодействие идущим извне угроз. Если элита справляется с этими задачами, если она успешно использует свой властный статус и те ресурсы, которыми она распоряжается, то в таком случае у общества есть достаточно высокие шансы на продолжение стабильного существования. Если же элита недееспособна и в основном ведет паразитический образ жизни, то есть использует весь ресурс, который имеет в своем распоряжении главным образом на обеспечение комфортности своего существования, игнорируя и интересы общества в целом, и интересы других социальных групп, на управление которыми она претендует, то и её собственная судьба, и общества в целом достаточно плачевна. В этом случае общество либо проходит через фазу очень серьезного кризиса, которую можно назвать более привычным термином "революция", в ходе которой происходит реструктуризация общества и смена элиты, либо общество гибнет безвозвратно. Способность осознавать свою ответственность, видеть в своем высоком положении не только источник привилегий и обеспечения своих узко групповых интересов, но и то, что делает элиту элитой - успешное осуществление управленческой функции - это фактор, который в неких конкретных исторических обстоятельствах играет решающую роль. Разумеется, нельзя ответственность за положение вещей, ход и исход событий возлагать исключительно на правящую элиту, достаточно серьезную роль может играть и культура масс. На это обстоятельство обращали внимание очень многие мыслители XX столетия, хорошо известен ряд работ, которые посвящены именно проблеме массового поведения. Прежде всего это широко известные книги **Хосе Ортеги-и-Гассета "Восстание масс"** и **Элиаса Канетти "Масса и власть"**. Можно назвать ряд работ, которые обращают внимание на значимость поведения той массы людей, которая является суммой тех индивидов, которые главным образом выполняют роль непосредственных производителей.

Таким образом, мы пришли к некоторым суждениям, которые должны быть положены в основание решения проблем, которые стоят перед современным человечеством. Состояние современного человека характеризуется как перманентно возобновляемый кризис. Кризис - это характеристика процессов, идущих в природной среде, его конкретные проявления хорошо известны, но это и кризис, который претерпевает само человеческое общество. Для того, чтобы наиболее емко и точно охарактеризовать идущие сегодня в человеческом мире процессы, достаточно давно был предложен термин "**глобализация**", который в зависимости от начальных установок трактуется по-разному:

- **Глобализация - это объективно идущий процесс**, в данном контексте это слово выражает **нарастание взаимозависимости всех составляющих современного человечества**. Если предшествующие этапы истории характеризовались достаточно высоким уровнем автономии человеческих объединений или цивилизаций, когда момент относительной обособленности был достаточно ярко выражен, то чуть ранее XX столетия, когда началось формирование мирового рынка, возникает совершенно новая ситуация теснейшей взаимозависимости в человеческих действиях. Это происходит по причине того, что резко возросшая технологическая вооруженность труда включает в себя и энергетическую и приводит к таким масштабам воздействия на природную среду, которые приобретают уже планетарный характер и значение. Первоначально это, возможно, не осознается и не фиксируется, но сейчас стало неоспоримой истиной. Сейчас необходимо помнить о том, что возможности современного человека неизмеримо превосходят то, что было в недавней истории.
- Технологическая вооруженность труда в своем развитии приводит к интересному эффекту - это **разрастание специализации труда, а тем самым возникновение новой и сильной зависимости между специализированными отраслями производства**. Сначала возникает разделение труда между более-менее обособленными образованиями, между социальными организмами, а затем оно приобретает международный характер. Термин "**международное разделение труда**" активно используется экономистами и означает всенародную и общепланетарную взаимозависимость. Это главный фактор, который сегодня определяет существование человечества.

С такого же рода процессами мы были знакомы в предшествующей истории, когда они происходили в более скромных и локальных масштабах. Если с этой точки зрения посмотреть на некие этапы в жизни человечества, то можно увидеть, что происходил процесс формирования единых и устойчивых человеческих коллективов, которые были локализованы в определенных границах, занимали свою территорию, таким образом возникали интересы совместного проживания и действия. Они были очень сильно выраженными и в этом плане отличались от интересов иных коллективов, что приводило к частому возникновению конфликта интересов. С этим были связаны пространственные экспансии, военные столкновения и другие угрозы - все то, что в

конечном счете, с одной стороны, приводило к развитию технологий форм организации и навыков управления, с другой - все больше и больше было сопряжено с неэффективным расходом ресурсов. Хорошо известно, что в некие периоды истории у определенных человеческих сообществ, как правило, в результате войны или сильных внешних катаклизмов (эпидемий или климатического потрясения) ресурсы истощались. Общество должно было прилагать все усилия, чтобы восполнить нанесенные потери. Главная мысль состоит в том, что те же проблемы стоят сегодня перед человечеством как неким единством. Ещё более 100 лет назад было возможно бросить яркую фразу - "человечество - пустое слово", эти слова принадлежат **Освальду Шпенглеру**. В настоящее время они обозначают явную бессмыслицу, человечество сегодня достаточно явным образом - некое единство с очень сильным разнообразием, в котором существуют и конфликтные интересы, и устойчивая стратификация уже на уровне организованных сообществ, потому что есть богатые и доминирующие страны, а есть бедные и зависимые страны, обладающие в этом отношении меньшими возможностями. Все эти несомненные характеристики не ставятся под сомнение, но это не отменяет и не обесмысливает утверждение, что современное человечество - это единое целое. Если использовать подходящую терминологию, то можно сказать, что глобализация - это процесс, который начался в XX столетии, как минимум со второй его половины, хотя об этом продолжают дискутировать. Если в предшествующие исторические эпохи формировалось множество автономных и разрозненных человеческих объединений в возникновении государств и наций, то сегодня такая же задача решается в масштабах всей планеты. **Глобализация - это процесс становления человечества как единого социального организма.** С этой точки зрения неизменными факторами обеспечения такого единства является возникновение неких общих ценностно-нормативных установлений, стандартов поведения и ценностных установок, которые призваны, как и всегда, решить одну задачу - минимизировать внутренние конфликты и максимизировать солидарность с тем, чтобы усилия людей в значительной своей части были направлены к главному результату - обеспечению устойчивого существования. Учитывая ряд обстоятельств, именно это является главной характеристикой процесса глобализации, это же обстоятельство является основным проявлением того кризиса, которое претерпевает современное человечество.

Существует другая трактовка основной сущности глобализации, которая в своих самых вульгарных представлениях очень напоминает печально известные конспирологические теории. В этом случае глобализация мыслится как результат некоторого заговора, зловредного соглашения, которое было заключено между определенной группой государств или тайных деятелей, направляющих ход и исход событий только для достижения своих узко корыстных целей, часто носящих локальный характер. Глобализация - это результат доминирования в экономическом, политическом и военном отношении высоко развитых стран, которые хотят использовать свои возможности и ресурсы для того, чтобы поработить всё остальное человечество. Такое понимание и такая картина современного исторического мира достаточно широко распространена и популярна, а также вызывает соответствующие реакции, то есть направляет соответствующие действия. Такого рода противодействие

процессам глобализации под лозунгом борьбы с мировым злом и заговором, с "мировой закулисой" обостряют напряжение, углубляют конфликты, то есть влекут те последствия, которые действительно опасны, потому что очевидным образом угрожают устойчивости, самому главному условию самосохранения. Это та же проблема, что существовала в рамках отдельно взятого человеческого сообщества, отдельно взятого социального организма - необходимость поддержания солидарности в условиях конфликта интересов. То, что было рассмотрено в связи с отношениями между классами, классовой борьбой, применимо и к человечеству в целом. История человечества привела к тому положению, в котором оно не может себе позволить роскошь долгосрочного противодействия и конфликта просто потому, что в современной войне не будет победителей и побежденных. Весь опыт человечества, говорящий о том, что победителей не судят, что они получают в ходе войны серьезные предпочтения, поэтому победа является главной целью и смыслом ведения боевых действий - "всё для фронта, все - для победы" - действительно когда-то был эффективным лозунгом и отвечал положению вещей, опыту ведению войны. В современной войне победителей не будет, особенно если представить крупномасштабную войну, в самом лучшем случае это обернется чудовищным перерасходом ресурсов, которых и так не в избытке. Наиболее вероятным исходом является самоуничтожение, это не пустые слова и не запугивания, а вполне реальная угроза, осознание которой достаточно давно присутствует в современной культуре. Есть множество авторов, которые угрозу такого рода осознали и писали об этом ещё до начала Второй мировой войны, а после 6 августа 1945 года - даты боевого применения атомного оружия, стало совершенно очевидно, что современная военная техника, средства ведения войны, оружие массового уничтожения не позволяют надеяться на победу. Специально было изобретено оружие возмездия, которое должно сработать для удержания потенциального агрессора, поскольку даже если ему удастся осуществить превентивный разрушительный удар, то некие военные приспособления нанесут агрессору ответный ущерб.

Таким образом, современное человечество не может позволить себе войны по причине того, что это будет самоубийством. В этом заключается один из самых серьезных узлов современного конфликта, потому что, с одной стороны, вполне понятно и объяснимо стремление обладать эффективным оружием в чаянии насильственных действий со стороны внешних врагов, с другой стороны - сама по себе гонка вооружений становится серьезным фактором риска, потому что мир пребывает в таком хрупком равновесии, которое может быть нарушено случайным стечением обстоятельств. Множество раз на множестве уровней было провозглашено, что основным вектором развития и основной стратегией, которая непременно должна реализовываться, является разоружение, то есть уход как можно дальше от критической черты, потому что её пересечение повлечет необратимые и непоправимые последствия. Для этого должна резко поменяться и культура правящих элит, как один из примеров можно привести высказывание немецкого мыслителя **Карла Шмитта**, который пытался определять политику как отношения друга и врага. Эта формула была сомнительна даже для предшествующих обстоятельств, а в современном мире она

абсолютно не работает, поскольку в нем не может быть друзей и врагов в том смысле, в каком имел в виду Карл Шмитт и многие, кто мыслил в том же ключе. Современный мир должен руководствоваться простым и неоспоримым соображением - люди либо выживут, либо погибнут. Отсюда вытекает одно трудновыполнимое условие: люди должны стремиться минимизировать риски, не только разоружаясь и ослабляя свои усилия по поддержанию военного потенциала, переправляя ресурсы на решении других, более чем актуальных задач, но и решать наличествующую проблему переоценки ценностей. Без решения этой трудной задачи, сложность которой нельзя недооценивать, мы рискуем монотонно воспроизводить конфликтное противостояние, видеть угрозу и стремиться её нейтрализовать во всех, кто не "мы". Таким образом, люди попадают в замкнутый круг, попадают в положение человека, к которому применяют наказание для преступников-каторжников в Англии и Австралии, где человека ставили на плицу (лопаст) водяного колеса, которое опускалось под его тяжестью. Чтобы выжить, он должен был перепрыгнуть на следующую плицу, таким образом преступник использовался как живой двигатель. Это одна из иллюстраций того, к чему приводит постоянно возобновляемые усилия по вооруженному противостоянию и стремлению закрепить за собой какие-то односторонние преимущества. Возможно, на какой-то очень короткий период эта цель может быть достигнута, подобным образом можно приобрести какие-то сиюминутные преимущества и локальные преференции, но на всякое действие последует соответствующее противодействие. Учитывая, что война как способ разрешения конфликта сегодня невозможна, то и такие усилия бессмысленны.

Необходима существенная переориентация представлений о том, что должно и может позволить себе современное человечество. Соответственно, отсюда вытекает достаточно очевидный вывод: лидерам государств необходимо перестать размышлять о величии (былом или настоящем), о том, как добиться доминирования на некотором пространстве. Глобальное единство человечества несомненно, оно же требует глобальной солидарности. Вспомним известную мысль **Томаса Гоббса**, который говорил, что война всех против всех пресекается конвенцией, общественным договором, который позволяет людям поддерживать некое упорядоченное состояние. Но при этом Гоббс говорил, что в международных отношениях между государствами состояние войны всех против всех сохраняется, здесь действует только одно право - право силы. Если согласиться, что современное положение вещей требует от людей превращение в единое сообщество, в единый социальный организм, то это обозначает достижение некой договоренности, некоего соглашения о правилах, о должном и недолжном, допустимом и недопустимом, которое позволит избежать самой серьезной на сегодня глобальные угрозы - угрозы самому существованию людей. Тем самым мы получаем ещё одно серьезное преимущество: если этого рода задачи и установки могут быть реализованы в конкретной политике, то высвобождается большое количество ресурсов, что позволяет решить и другие очень серьезные проблемы. Например, проблему бедности, которая продолжает оставаться одной из серьезнейших проблем. Это бич большой части человечества, при котором дело доходит до смерти от голода в определённых регионах. Освобождаются ресурсы и для целенаправленного

исправления тех деформаций, того ущерба, который люди нанесли природе. Теперь стало ясно, что необходима целенаправленная рекультивация, что накопление стихийно сложившихся последствий наших действий, которые совершались на протяжении долгого времени, требуют исправления нанесенного ущерба. Высвободив ресурсы, становится возможно применить их в тех сферах человеческой деятельности, которые требуют безотлагательного внимания. Любой шахматист может сказать, что эффективное проведение шахматной партии и нахождение разумных решений стратегического плана, которые позволяют её выиграть, существенно сокращается в ситуации цейтнота, отсутствия времени. Это очень весомый фактор, а у нас по очень многим признакам нет времени на раскачку, как говорится в русской поговорке. Все вышеобозначенные проблемы необходимо стремиться решать безотлагательно, этому препятствует преобладание устойчивых стереотипов и архаичных представлений, рожденных предшествующими эпохами истории человечества, которые устойчиво держатся в культурной памяти. Более того, они целенаправленно поддерживаются людьми консервативных взглядов, которые питаются иллюзиями и живут прошлым, пытаются вернуть то, что вернуть невозможно, и не хотят осознать того очевидного обстоятельства, что в XXI веке человечество живет в совершенно иных условиях, поэтому апелляция к предшествующему опыту здесь практически бесполезна. В этом нет смысла, этот опыт не может быть использован, люди должны адаптироваться к тем новым условиям, которые созданы деятельностью самих людей, но требуют безотлагательных усилий. Таковы основные характеристики истории человечества в XX столетии, тех глобальных проблем и угроз, с которыми человечество столкнулось в XXI веке, такова историсофия XXI века.

ФИЛОСОФСКИЙ
ФАКУЛЬТЕТ
МГУ ИМЕНИ
М.В. ЛОМОНОСОВА

teach-in
ЛЕКЦИИ УЧЕНЫХ МГУ